

Борис Антонов

Крах

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Борис Антонов

Крах

«Автор»

2000

Антонов Б. В.

Крах / Б. В. Антонов — «Автор», 2000

Исторический роман, основанный на реальных событиях начала девяностых годов. Содержит нецензурную брань.

© Антонов Б. В., 2000

© Автор, 2000

*Тридцатилетию
развала Советского Союза
посвящается.*

Утро, конец сентября, 1990 год

Вместо будильника почему-то зазвонил телефон. Валентин открыл глаза и перевернулся, чтобы увидеть часы. Стрелки показывали 9:18. Первая мысль была отвернуться и снова заснуть, но повторный звонок телефона прогнал ее. Откинув одеяло, Валентин встал с постели и побрел в коридор, где на тумбочке надрылся от звона аппарат. Скорее всего, звонил мастер, ведь Валя уже как полтора часа должен быть на работе, возле токарного станка, но, подняв трубку, Валентин неожиданно для себя услышал голос матери.

– Проснулся? – спросила мама. И не дождавшись ответа, тут же задала второй вопрос: – Ты что, во вторую?

– Да, – одним словом ответил Валентин на оба вопроса, успев мысленно порадоваться, что не пришлось придумывать причину его позднего пробуждения. У мамы была привычка самой отвечать на свои вопросы, иногда это было удобно, и Валя частенько пользовался этой чертой характера матери. Зачем что-то выдумывать, когда мама сама говорит то, что хочет услышать.

– Ну хорошо, завтрак на столе, позвони, когда на работу поедешь, – продолжила мама и, дождавшись в ответ «хорошо», положила трубку. Услышав короткие гудки, Валентин опустил трубку телефона на аппарат и начал быстро собираться. Нужно было поскорее уйти из дома, потому что мастер звонить будет обязательно, и на его вопрос «Почему Валентин до сих пор не на работе?» ответа пока не было. Уже через пять минут, закрывая дверь квартиры, Валя услышал звонок телефона и, мысленно успокоив себя тем, что его уже нет дома, нажал кнопку вызова лифта.

Сентябрь выдался теплым и на редкость не дождливым. Очутившись на улице, Валя облегченно выдохнул, тут его не достанут телефоном, а значит, есть время придумать причину его прогула. Завод, на котором он работал после окончания ПТУ, был режимным, и прогул мог иметь самые серьезные последствия. Самого Валентина это беспокоило мало, но вот родители к этому относились серьезно. Поэтому причина его прогула должна быть очень весомой – родителей Вале расстраивать не хотелось. Очутившись на улице, он вспомнил, что завтрак остался на столе. Думать на голодный желудок не получалось. Вариант вернуться домой и позавтракать Валя отменил сразу, оставалось пойти в кафе и, перекусив там, обдумать свое положение.

В кафе было пусто, это не казалось удивительным, так как в рабочее время все население маленького города трудилось на заводе, куда как раз и опоздал Валя. Заказав яичницу с кофе, он сел за столик. По большому счету, проблемы с работой Валентина не волновали совсем, работать токарем ему не нравилось, и сложившуюся ситуацию нужно было представить таким образом, чтобы с наименьшими проблемами уйти с завода, главное, чтобы родители спокойно перенесли это известие. Когда яичница была съедена и Валентин допивал кофе, неожиданно в кафе зашел еще один посетитель. Неожиданно, потому что время было рабочее, и дважды неожиданно, что это был Валяин друг Серега – Толстый. Толстым в прямом слове он как раз и не был, а скорее даже наоборот, спортивного телосложения и ростом почти метр девяносто. Прозвище «Толстый» он заслуженно носил как производную от его фамилии Толстоухов. Искренне удивившись присутствию в кафе посетителя, еще и в лице друга, Толстый присоединился к Валентину и, уже сидя за столиком, громко попросил кофе, подумав секунду, добавил яичницу.

– Привет, ты что, во вторую? – уже второй раз за утро услышал Валя.

Врать Толстому не было никакого смысла. «Проспал» – ответил Валентин. Ответ очень обрадовал Толстого, и его радость сильно удивила Валентина. Толстый прямо расцвел после

известия о проблеме друга. «Представляешь, просыпаюсь сегодня без десяти десять, – как ни в чем не бывало продолжил Толстый – Все, думаю, хана, проспал. Что делать? Куда бежать? На работе мастер прибьет. Телефон звонит – я трубку не беру. Жрать охота», – скороговоркой начал Сергей. Валя уже понял радость, переполнявшую Толстого, и молча слушал историю друга как две капли похожую на свою. Одно дело, когда ты один не пришел на работу, и совсем другое – когда два человека, под это можно придумать более правдоподобную историю про свое отсутствие.

– Что делать будем? – спросил Толстый, радуясь, что теперь можно будет разделить неизбежное наказание с другом.

– Не знаю, – ответил Валя.

– В смысле? – поперхнувшись кофе, прокашлял Толстый, полностью уверенный, что у друга есть решение его проблемы.

– В прямом, – ответил Валя и заказал еще кофе. Несколько минут друзья молча сидели, думая о своем. Кофе закончился.

«Проблема с работой, если смотреть на это чуть шире, – думал Валентин, – не такая уж и большая. Рано или поздно все решилось бы само собой». Дело в том, что друзьям стукнуло по восемнадцать лет, и вероятность быть призванными отдать священный долг родине в виде службы в армии была стопроцентная. Вопрос стоял только во времени.

– Тебя в военкомат еще не вызывали? – спросил Валентин погрустневшего Толстого.

– Этого еще не хватало, мало мне проблем, – буркнул в ответ друг. «При чем тут военкомат?», – думал заметно погрустневший Толстый. Счастливое спасение, о котором еще несколько минут назад мечтал Сергей, испарилось, как пар над чашкой с кофе. Как вообще можно думать о военкомате, когда не позднее чем завтра утром мастер оторвет им обоим головы, когда они придут на работу и не будут знать, чем объяснить сегодняшний прогул.

– Это хорошо, – неожиданно услышал Толстый слова Валентина.

– Что хорошо? – переспросил он, не понимая, к чему клонит друг, и на всякий случай замолчал, решив послушать.

– Это очень хорошо, – повторил Валентин и тут же продолжил: – Приказ о призыве уже вышел, если не в сентябре, то в октябре точно нас повестками вызовут в военкомат на комиссию.

– И что? – до сих пор не понимая, как это им поможет, спросил Толстый.

– А то, – ответил Валя, – когда придут повестки, нам на работе должны дать отгул.

– Так когда это еще будет... – вздохнул Толстый. – Отгул-то нужен сегодня.

– Значит, будет сегодня, – подвел черту под разговором Валя.

План Валентина был прост и наивен. Заклучался он в следующем. Сейчас друзья идут в военкомат и просят у дежурного дать справку, что они были в военкомате по вопросу будущего призыва в армию. Вопросов по поводу призыва всегда много, и версия о том, что молодых людей не повесткой, а по телефону вызвали в военкомат, выглядела вполне логично. Получив такую справку в военкомате, назавтра можно было смело идти на работу и ни о каком прогуле речи не должно быть. Так должно было быть.

Полдень, конец сентября, 1990 год

Военкомат располагался на соседней улице, в пяти минутах от кафе, в котором завтракали друзья. Вообще, в городе все находилось в пяти минутах ходьбы, город был маленький, секретный, окруженный со всех сторон колючей проволокой с одним-единственным градообразующим предприятием, на котором трудились практически все жители этого города. Когда-то, во время развитого социализма, а вернее брежневского застоя, жизнь в городе считалась признаком полного благополучия, но с наступлением новых вех в истории, гордо называемых эпохой гласности, перестройки и началом рыночной экономики, дела в городе пошли не так

радужно, как было раньше. Неожиданно выяснилось, что любимый завод в реалиях рыночной экономики абсолютно никому не нужен. Страна, ведомая новым секретарем компартии Михаилом Сергеевичем Горбачевым, семимильными шагами разоружалась, и то, на что был настроен весь заводской процесс, автоматически попадало в разряд никому не нужного металлолома. Как следствие отсутствия государственного заказа – пропаша товаров и продуктов в магазинах, введение потребительских книжек и талонов. То, что уже давно было по всей стране, докатилось и до маленьких закрытых городов, разбросанных по всей территории Советского Союза. Конечно, можно было наладить так называемое конверсионное производство, но к этому никто не был готов, и ни одна робкая попытка не увенчалась успехом.

К осени 1990 года город как бы застыл, все процессы замедлились, что делать дальше никто не знал и все надеялись, что партия и правительство не бросят работников оборонного щита страны.

Именно поэтому будущая карьера станочника широкого профиля Валентина, мягко говоря, не особо прельщала. С самого начала своей трудовой карьеры он относился к работе, как к временному явлению. Чем-то вроде обязательной трудовой повинности перед армией. В армию же, наоборот, он идти хотел, на это нашлось как минимум несколько причин. Во-первых, среди многочисленных друзей служить в армии было принято, и не служившие считались не то что бы неполноценными, а какими-то ненадежными, вроде трусами, что ли. Во-вторых, практически все друзья уже ушли в армию весной, и в городе стало как-то пусто. В-третьих, и самое главное наверно, это то, что уйти служить в армию было единственной возможностью как-то разнообразить жизнь и может быть переждать те непонятные времена, в которые все глубже погружалась страна.

Поэтому идея найти спасение от гнева мастера в военкомате выглядела разумно в мыслях Валентина. Чего нельзя было сказать о Толстом. Сама мысль о добровольной сдаче военкому не доставляла ему радости, но перспектива общения с мастером не в самых радужных тонах была близка и очень осязаема. Вариант с военкоматом сулил хоть временное, но все-таки реальное прикрытие, поэтому без особого удовольствия Сергей все-таки согласился на предложение друга. Других вариантов у него самого не было, время утекало, и он полностью доверился убежденности Валентина в успехе.

До военкомата дошли молча, только на крыльце, перед тем как открыть двери, Толстый робко, больше для собственного спокойствия, мол, я сделал все и вариантов больше нет, спросил:

– Ты уверен, что это прокатит?

Валентин улыбнулся, глядя на друга:

– Не сейчас, так через месяц, какая разница, Толстый? – спросил он в ответ.

– Да собственно, никакой, – как-то обреченно согласился Сергей и на всякий случай пропустил Валю вперед, открыв перед ним дверь.

В военкомате стояла тишина, от комнаты со стеклянной перегородкой, за которой находился дежурный прапорщик, было видно длинный коридор, в который иногда выходили военные из кабинетов с какими-то документами и тут же скрывались в других кабинетах. Прапорщик за стеклом несколько лениво поднял голову от журнала, в котором делал записи, вид двух потенциальных призывников насторожил дежурного. «Вам чего?», – спросил он. Так как идея сходить в военкомат принадлежала Валентину, то Толстый на всякий случай задержался в дверях, давая возможность другу реализовать свой план.

– Добрый день, – без особой уверенности в голосе начал Валентин.

– Короче, – поторопил его дежурный, давая этим понять, что сильно занят и общение с неожиданными посетителями в его планы не входило.

– Мы хотели, чтобы нам выдали справку о том, что мы были у вас, – пропустив все подробности, выпалил Валентин. Просил же прапорщик короче, вот и получилось короче некуда. Прапорщик от удивления привстал со стула.

– Чего-о-о? Какую справку? – повысив голос, переспросил дежурный. За спиной Валентина предательски хлопнула дверь, судя по всему, Толстый решил подождать на улице.

– Нам нужна справка о том, что мы были сегодня у вас, – еще раз повторил свою просьбу будущий защитник Родины.

– Зачем? – переходя на командные интонации, поинтересовался дежурный. Эти двое пока еще гражданских лица начали вызывать у прапорщика интерес, все-таки не каждый день в стенах военкомата появляются добровольцы. Валентин от командного голоса чисто интуитивно сделал пару шагов назад к двери. Предчувствуя, что и второй сейчас скроется за дверью, дежурный вышел из своей комнаты в готовности остановить странного просителя.

– Что за справка? – еще раз задал вопрос военный.

По дороге в военкомат Валентин думал, с чего начать разговор на такую щепетильную тему, но не зная, у кого он будет просить справку, решил, что сориентируется на месте. Теперь, когда вопрос дежурного отчетливо дал понять, что дальше этой стеклянной стены пройти не удастся, Валентин решил сказать все как есть, не убежать же, как Толстый, через месяц, когда придет настоящая повестка, прапорщик его узнает, и тогда над ним будет ржать весь военкомат.

– Я проспал сегодня на работу... – начал Валентин, – поэтому завтра на работе мне мастер покажет, где раки зимуют, вот я и подумал взять у вас справку, что я был в военкомате, все равно ведь скоро в армию, – на одном дыхании закончил будущий солдат. Надо отдать должное прапорщику – он выслушал Валентина не перебивая, а после произнес фразу, которая вселила в просителя некоторую надежду.

– Зови второго, – сказал военный и зашел в комнату со стеклянной стеной. Окрыленный появившейся надеждой избежать наказания от мастера, Валентин выскочил на улицу и оглядел двор в поисках друга. Сергей стоял у соседнего подъезда и курил. Увидев вышедшего из дверей военкомата Валентина, Толстый бросил сигарету в урну и, не сходя с места, громко спросил: «Ну как?». Валентин, уверенный в удаче их задумки, молча махнул Толстому, что могло означать только одно: «Беги сюда скорее». Компаньон не без опаски и как-то неуверенно двинулся в сторону дверей военкомата. С одной стороны, вид Валентина без военной формы и даже не остриженного наголо вселял некоторую уверенность в том, что сегодня Сергей еще не будет маршировать, разучивая строевую песню, а с другой стороны – зачем опять идти в военкомат, если только что так легко получилось вырваться из рук грозного прапорщика.

– Ты быстрее можешь? – начиная злиться, раздраженно поторопил Валентин товарища по несчастью. «Мало того что сбежал, так и сейчас резину тянет. В конце концов, ему одному это надо, что ли?», – подумал Валя, дожидаясь своего нерешительного соратника. Вообще Толстый не слыл трусом и в драках на дискотеках, которые происходили регулярно, он всегда принимал самое активное участие, благо высокий рост и отличное здоровье располагали к этому. Но тут что-то пошло не так, и Сергея было несколько непривычно видеть на медленно переступающих ватных ногах.

– Ну как? – повторил свой вопрос Толстый, доковыляв до крыльца.

– Нормально, – коротко бросил Валентин и, повернувшись, начал подниматься по ступеням; на последней ступеньке, уже взявшись за ручку двери, он обернулся, обнаружив взглядом Сергея, стоявшего на прежнем месте. Валентин, уже не скрывая раздражения, прикрикнул: «Пошли уже, что застыл!».

За время отсутствия друзей с настроением дежурного произошли разительные перемены. Подняв взгляд на открывающуюся дверь и увидев уже знакомых ему посетителей, прапорщик расплылся в самой располагающей улыбке, на которую только был способен.

– И снова здравствуйте, – произнес он немного нараспев, вставая с кресла. – Значит, справочка вам нужна? – продолжил дежурный, уже выходя из своей комнаты. – Тогда за мной, – добавив в голос металлических ноток, закончил прапорщик. И уверенным шагом двинулся по длинному коридору. Друзья проследовали за ним, впрочем, далеко идти не пришлось, напротив третьей двери дежурный остановился и, приказав ждать, скрылся за дверью. Ждали молча и недолго, спустя пару минут дверь открылась и откуда-то из глубины кабинета прозвучало: «Входите». Комната оказалась небольшой, напротив двери около окна стоял один-единственный стол, и вдоль стены справа в ряд стояло четыре стула, на одном из них сидел уже знакомый дежурный, а за столом, откинувшись в кресле, полулежал хозяин кабинета в звании капитана. Прапорщик жестом указал на стулья, Валентин сел на стул возле дежурного, а Толстый на крайний стул, который был ближе к двери.

– На призывной были? – спросил хозяин кабинета. Валентин молча кивнул.

– Фамилии? – Уже потребовал капитан.

– Матвеев и Толстоухов, – за обоих ответил Валя.

– Что сидим? – адресовал следующий вопрос капитан прапорщику и, не дав последнему ответить, сразу же продолжил: Личные дела ко мне стол.

Прапорщик встал и, подмигнув друзьям, вышел из кабинета. Капитан закурил, выпустив дым первой затяжки, прищурившись, спросил:

– Служить-то хотите?

В ответ друзья почти синхронно пожали плечами.

– Смотря где, – ответил, чуть подумав, Валентин.

– Что значит, смотря где? – стряхивая пепел в переполненную пепельницу, спросил капитан, и сам же ответил на свой вопрос:

– Куда Родина пошлет.

– А можно, чтобы Родина послала в морфлот? – немного робея от своей наглости, проговорил Валентин.

В конце концов, капитан сам решил скоротать ожидание документов беседой, и если в ходе этой беседы получится устроиться в армии получше или поинтереснее, то почему бы не попробовать? Моря Валентин никогда не видел, но, обладая воображением, подпитанным книгами о морских путешествиях и морских сражениях, серьезно подумывал о морской карьере. В четырнадцатилетнем возрасте ему в руки попала книга Новикова-Прибоя «Цусима», оставившая неизгладимый след в голове и мыслях подростка. С тех пор Валентин часто думал о том, чтобы стать морским офицером. Но жизнь внесла свои коррективы. В восьмом классе классный руководитель сумел объяснить родителям Валентина, что поведение их сына не отвечает требованиям дальнейшего обучения в школе, несмотря на положительные оценки, и настоятельно порекомендовал перевести Валентина в ПТУ, чтобы у парня была профессия, с которой он не пропадет. Родители особо не возражали: профессия всегда нужна, и чем раньше сын начнет самостоятельно зарабатывать, тем для него же лучше, решили они. И Валентин подал документы в ближайшее к дому ПТУ. С выбором профессии особо не заморачивался, какая разница, на кого учиться, если все равно потом поступать в военно-морское училище. Но только после окончания первого курса он понял, что третий год обучения в ПТУ не позволит ему поступать в военный институт, так как нужно будет получать диплом о среднем специальном образовании и времени на поступления уже не останется. Выход был только один – идти служить в армию и прямо оттуда либо сразу после демобилизации поступать в военное училище. Именно поэтому Валентин и думал о службе в Военно-морском флоте, считая, что после такой практики поступать будет проще, и выбор профессии станет более осознанным, так сказать, с опытом.

– Оба что ли в морфлот? – очередной раз затянувшись, спросил капитан.

– Нет, – поспешно сказал Толстый, молчавший до этого. Сергей вообще старался быть как можно незаметнее, ему идея с походом в военкомат с каждой минутой становилась все более неприятна. Мало того, что со справкой еще ничего не вышло, так еще и в морфлот сейчас припишут. «Сходили за справочкой на три года в подводную лодку», – думал Толстый. Служить Сергей не хотел, но откосить вариантов не было, поэтому как-нибудь два года в любых войсках и забыть про это как про страшный сон – приблизительно так рассуждал он. Зачем его другу добровольно проситься на три года в морфлот, он искренне не понимал и уже сожалел о том, что согласился на авантюру Валентина.

– А почему в морфлот? – проигнорировав ответ Толстого, уже целенаправленно обратился к Валентину капитан.

– Моря никогда не видел, – ответил тот.

– Добровольно на три года? – продолжил хозяин кабинета и тут же поощрительно добавил: – Похвально, ничего не скажешь.

Капитан встал, сделал последнюю глубокую затяжку и раздавил окурок в пепельнице. «За смертью только посылать его», – на выдохе произнес он фразу, адресованную, очевидно, прапорщику, и пройдя мимо посетителей, выглянул в коридор.

– Что ты там застрял, бегом! – крикнул он в коридор, подгоняя не торопящегося дежурного. – В морфлот – значит в морфлот, – проходя за свой стол, продолжил капитан. – Сейчас посмотрим ваши документы и решим, что с вами делать, – закончил он, разваливаясь в кресле.

– Нам только справку, – предпринял слабую попытку вернуть все на свои места Толстый.

– Будет, все будет, и справка будет, и морфлот будет, – улыбнулся капитан, глядя на друзей. – Сейчас документы принесут, и посмотрим, кому справку, а кому повестку.

– Мне справку! – почти крикнул Толстый. В этот момент одновременно со стуком открылась дверь.

– Разрешите? – не дожидаясь ответа, дежурный прошел к столу и положил перед капитаном две паки.

– Свободен.

Несколько минут капитан изучал содержимое папки, потом отложил ее в сторону и открыл вторую. Все это время друзья молча ждали своей участи. Уже было понятно, что идея со справкой провалилась, теперь нужно было понять, какими последствиями закончится спонтанный визит в военкомат. Читая содержимое второй папки, капитан несколько раз останавливался и поднимал глаза на Валентина, пролистав до конца, он достал из пачки сигарету, встал, открыл форточку и только после этого закурил, выпустив дым на улицу. Продолжая смотреть в окно, капитан сказал: «Толстоухов, иди к дежурному, подожди там». Сергей уставился на Валентина с немым вопросом «Идти или остаться?» – «Что, не понятно?» – грозно спросил капитан Толстого. Сергей молча и почему то спиной вперед начал движение в сторону двери, по-прежнему не сводя глаз с друга. Валентин кивнул ему: «Все хорошо» и повернул голову в сторону военкома.

– Значит, служить хочешь и обязательно в морфлоте, – то ли спросил, то ли подвел итог капитан.

– Хотелось бы, – неопределенно ответил призывник.

– Значит так, – поворачиваясь к Валентину, сказал капитан. – Сегодня понедельник, двадцать четвертое, сейчас у дежурного получите повестки, три дня на увольнение с работы, двадцать восьмого сентября ты к 9:00 прибываешь на медицинскую комиссию. Вопросы есть?

– Есть, – неожиданно для капитана ответил Валя.

– Что непонятно? – раздраженно бросил военком, не понимая, какие могут возникнуть вопросы.

– Толстоухову тоже к 9:00 на медицинскую комиссию?

– Нет, ему не надо, он пусть проводы организывает. Все, свободен, – давая понять, что разговор окончен, сказал капитан.

Со смешанными чувствами покидал кабинет военкома Валентин. Вопросов было больше, чем ответов. Сказать, что план, на который рассчитывали друзья, не удался, было бы неправильно. Справку им не дали, но повестки-то будут. Поэтому вопрос с мастером и проблемами на работе можно считать закрытым. Теперь, что касается медкомиссии... Во-первых, зачем ее проходить повторно, если на приписной комиссии он ее прошел и был признан годным. Во-вторых, почему медкомиссию не надо проходить Толстому. В-третьих, почему Сергею уже можно готовиться к проводам, а ему, Валентину, еще нет. С ужасом Валя осознал, что Толстый еще ничего не знает о своих проводах.

С самым умиротворенным видом Толстый подпирал стену возле комнаты дежурного. Наголо их не побрили, форму не выдали, судя по всему, к нему у военных вопросов нет, а это значит, что их план удался, сказал же военком «будут вам справки». Наверное, Валю он за этим и оставил, все-таки у них получилось пообщаться. Друг вышел из кабинета военкома, и одновременно в дежурке зазвонил телефон. Сергей не связал два этих события вместе и продолжал в блаженном неведении ждать Валентина. В свою очередь, Валя не торопился. Что сказать Сергею, он не знал, и решил не спешить, пусть «радостную» новость озвучит дежурный.

– Толстоухов кто? – положив трубку телефона, спросил прапорщик.

– Я! – радостно ответил Сергей, предвкушая получение заветной справки.

– Заходи, – пригласил дежурный. С улыбкой Толстый зашел в комнату, успев показать другу поднятый большой палец. Валентин отвернулся и стал рассматривать висевшие на стене плакаты патриотического содержания, видеть, как Толстому будут вручать повестку, он не мог. Прапорщик закончил заполнять бланк.

– Расписываемся здесь, – ткнул пальцем в бумагу. Сергей начал расписываться и вдруг остановился.

– Что это? – почему-то хриплым голосом спросил он.

– Твое будущее, – расплылся в улыбке дежурный.

– А справка? – почти шепотом выдавил из себя Толстый.

– Что за справка? Ах, справка, так она не тебе нужна. Повестка круче, поверь моему опыту. С повесткой тебя мастер не то что ругать не будет, а еще расцелует, прослезится и будет потом всю жизнь гордиться, что воспитал настоящего защитника Родины, – уже вовсю хохотал прапорщик. – Расписывайся, не задерживай, мне еще второго нужно осчастливить, – веселился военный. Толстый расписался, машинально пожал протянутую руку прапорщика.

– Поздравляю, Родина ждет новых героев, надеюсь, ты не посрамишь военкомат, в котором с таким пониманием отнеслись к вашей просьбе, – то ли глумясь, то ли всерьез произнес дежурный, продолжая держать нового бойца за руку.

– Спасибо, – на автомате ответил Сергей.

– Пятого октября в десять утра жду тебя, боец, на инструктаж, восьмого в шесть утра на автовокзале с вещами и документами, можешь взять с собой пьяных родственников, – подвел итог дежурный. – Следующий! – крикнул он в коридор.

Стараясь не смотреть в глаза друга, Валентин боком протиснулся в кабинет дежурного. Молча расписался в повестке, успев заметить, что дата призыва – двадцать восьмое сентября. Прапорщик почему-то не протянул ему руку, а просто отдал бланк и на удивленный взгляд Валентина спокойно сказал: «Двадцать восьмого, в 9:00, не опаздывай. Свободны оба», – закончил он.

Несмотря на набежавшие тучи и поднявшийся ветер, на улице было хорошо, в воздухе висел запах приближающегося дождя. После прокуренного кабинета капитана хотелось стоять и вдыхать этот воздух полной грудью.

– Бли-и-ин, – с надрывом протянул Толстый. – Да как так-то? – непонятно у кого спросил он.

– Спокойно, Сережа, спокойно, – попытался Валентин взять инициативу в свои руки.

– Что спокойно, меня в армию забирают! – почти прокричал Толстый.

– А то ты не знал? – тоже на повышенных ответил Валя. – Не тебя одного забирают. На, смотри, у меня вообще двадцать восьмого дата, ты-то хоть две недели еще пробалдеешь, – сунул в лицо товарищу свою повестку Валентин. Сергей уставился в бланк повести.

– Это в пятницу, что ли?

– Что ли в пятницу, – передразнил его друг. – Поехали на завод, – не давая Толстому осознать происходящее, скомандовал Валя.

Нужно было каким-то образом заставить Толстого понять, что он еще легко отделался.

– Две недели – это круто, все успеешь: и уволится, и погулять, и проводы устроить, – направляя мысли Сергея в нужное Валентину русло, проговорил он. – Сейчас возьмем бегунок и пойдем увольняться.

– У тебя как с деньгами, на проводы откладывал?

– Нет, не откладывал, – задумчиво ответил Толстый.

– Ничего, расчет дадут, должно хватить, – успокоил его Валя. Сам он не знал, что делать. С одной стороны, военком сказал увольняться, а с другой стороны, зачем проходить медкомиссию? Если у него что-то со здоровьем и для армии он не годен, то зачем увольняться. Какой то замкнутый круг, думал Валентин, сидя в автобусе, везущем друзей на завод. На работе ожидаемо все прошло спокойно. Сначала, конечно, мастер, не стесняясь в выражениях, сказал, что он думает о двух раздолбях, которых посадили на его шею, но как только он перешел к перечислению наказаний, которые, по его мнению, должны были заслуженно понести друзья, Валентин протянул ему повестку.

– Что это? – уставившись в бланк и еще больше раздражаясь, спросил мастер. Вместо ответа Толстый протянул ему свой документ. Стоя с двумя повестками в обеих руках, мастер пытался сообразить, как ему теперь поступить. Они, конечно, бездельники и прогульщики, которым нет прощения, но согласно повестке причина у них более чем уважительная и тут нужно найти другие слова. Настрой не позволял так быстро перейти от «Я вас убью» к «Поздравляю, горд, молодцы».

– В армию мы уходим, Василий Николаевич, – с улыбкой произнес Валентин. – Вот, за бегунком пришли, у нас три дня на увольнение, я в пятницу ухожу, а Сергей восьмого ноября.

– Так что молчали-то? – глупо смотря на товарищей, спросил мастер.

– Сами не знали, вчера вечером позвонили из военкомата, сказали утром прийти, вот, сходили, – вроде бы оправдываясь, сказал Валя.

– А там все быстро: распишитесь, получите, свободны, – продолжил Толстый.

– Ну тогда поздравляю, что ли... – неуверенно начал мастер, пытаясь подобрать слова. – Служите честно, не опозорьте, ну в общем, как-то так... – пробормотал он.

– Спасибо, Василий Николаевич. Не подскажите нам, куда теперь? – помогая мастеру выйти из сложившейся ситуации, спросил Валентин.

– Так в кадры вам. На второй этаж. Повестки покажите, они знают, что делать, – приходя в себя ответил Василий Николаевич.

– Спасибо за все, – забирая повестки из рук удивленного мастера, почти одновременно произнесли друзья.

В отделе кадров все прошло быстро и буднично, процесс увольнения восемнадцатилетних пэтэушников давно был поставлен на поток. – Получите бегунок. Сдайте робу и инструмент. Подпишите в инструменталке, подпишите в бюро пропусков и во втором отделе. Если все успеете, завтра в кассе заводоуправления получите расчет. До свидания. – На все про все пять минут, даже обидно немножко, все-таки три месяца в коллективе, и так сухо: «До свидания».

Вся вторая половина дня ушла на подписание бегунка и получение заветных подписей, проблем с этим не возникло. Разве что все говорили какие-то слова и желали хорошей службы. За этими хлопотами Толстый успокоился и смирился с произошедшим, в отличие от Валентина он охотно приглашал всех на проводы и совершенно не замечал того, что друг этого не делает. Ближе к вечеру призывники добрались до второго отдела и сдали пропуска. Рабочий день заканчивался, и формальности с увольнением тоже, осталось получить расчет и готовиться к проводам, но это уже завтра. Распрощавшись и договорившись созвониться утром, друзья направились по домам.

– Отработал? – встретила Валентина вопросом мать.

– Ага, – коротко бросил Валя, решив дождаться с работы отца, чтобы два раза не пересказывать новость. Молча пройдя в свою комнату, Валя лег на диван и уставился в потолок. Вопрос с медкомиссией не давал ему покоя. Один раз эта медкомиссия уже подпортила ему жизнь. Два года назад они с отцом решили подать документы в суворовское училище, но до сдачи документов дело не дошло. На медицинской комиссии выяснилось, что у Валентина кривая перегородка носа – последствия занятий хоккеем. И для того чтобы быть допущенным к экзаменам, нужно было сделать операцию по исправлению перегородки. Тогда решили не делать операцию, все-таки в хоккей Валентин играл до сих пор, а поступит или нет в училище еще вилами на воде написано. Тогда они вернулись к первоначальному плану: сначала сходить в армию. Неужели эта перегородка помешает ему попасть на этот раз в морфлот, как тогда – в суворовское училище. Хлопнула входная дверь, с работы вернулся отец. Дождавшись, когда глава семейства поужинает и родители устроятся в комнате перед телевизором, Валентин пошел радовать их новостью об армии.

– Родители, внимание, я получил повестку в армию, – сразу с порога начал Валентин. Мама замерла с открытым ртом, не зная, как реагировать дальше.

– Хорошо, – сказал отец, не отрываясь от просмотра телевизора и даже не обернувшись.

– Что хорошо, ты хоть слышал, что он сказал? Сына в армию забирают, а он уперся в телевизор. Боря, ты что, не слышал, что он сказал? – уже во второй раз и на повышенном тоне спросила мама отца.

– Слышал, его забирают в армию, – совершенно спокойно ответил отец. – Поздравляю сын, – продолжая смотреть передачу, бросил он Валентину. Борис Петрович был детдомовцем и сам служил в армии на далеком острове Сахалине. В общении с сыном он придерживался самого простого метода – не вмешиваться. Коллектив, будь то школа, спортивная секция, одноклассники или армия, лучше него справятся с воспитанием отпрыска. Он был полностью уверен, что сын должен сам, методом проб и ошибок, понять, что он хочет, и поэтому крайне редко интересовался, как идут дела у сына. Когда-то давно он один раз в беседе с сыном дал ему понять, что никто ничего для него не будет делать, и если он чего-то хочет, то должен рассчитывать только на себя. Может быть, сказано это было в нужный момент, или слова были правильно подобраны, но Валентин запомнил этот день и позже понял, насколько отец был прав. Валентин старался как можно реже беспокоить родителей по пустякам. К последним он относил все происходящее с ним, родители зачастую не знали, чем живет их сын. Сытый, не болеет, значит все хорошо. К младшей сестре Валентина родители относились с большим вниманием, может быть, потому что она младшая и ей всего десять лет, а может быть, потому что дочь. В любом случае у Валентина не было ревности, сестру он любил, по мере сил и возможностей защищал ее, он даже был рад, что все внимание предков доставалось Маше, придерживаясь мнения «чем меньше знают родители, тем крепче спят».

– Когда? – спросила не без тревоги в голосе мама.

– Пока ничего не понятно, в пятницу нужно медицинскую комиссию пройти, – пожал плечами, ответил сын.

– Зачем? Ты же проходил уже, – включился в разговор отец.

– Я не знаю, сказали прийти и пройти заново, а там видно будет. Сереге Толстоухову восьмого октября с вещами, а мне на комиссию. Может, еще и не заберут, – попытался успокоить маму Валя.

– Заберут, не переживай, – свел на нет все усилия Валентина отец.

– Боря! – Прикрикнула на него мать. – Он же говорит, что еще ничего не ясно, у него вообще бронхит хронический, забыл что ли.

– Бронхит не плоскостопие, – парировал отец. – Зачем раньше времени панику разводить, сходит в пятницу и все выяснит, – закончил он.

– Сам что думаешь? – глядя на сына, переживала мама.

– Не знаю, – вновь поднял плечи Валентин.

Разговор, судя по всему, подошел к концу. Валя пошел на кухню ужинать, за ним следом поспешила мама.

– А что если в пятницу скажут, что годен? Когда заберут? А проводы когда? – не могла, успокоится мать.

– Мам, я сам ничего не знаю, давай потерпим два дня, – стараясь не раздражаться, ответил сын. Есть не хотелось совсем. Валентин нарезал бутербродов и пошел в комнату. «Поскорее бы пятница», – думал он. Эта неопределенность бесила. По коридору ходила мама, погруженная в свои мысли, ни сын, ни муж не поддерживали ее в переживаниях, нужно было с кем-то поделиться новостью, и она подняла трубку телефона, набрала номер своей сестры и без приветствия начала: «Валю в армию забирают». Услышав, что мама нашла себе собеседника, сын улыбнулся: по крайней мере, к нему она не будет приставать какое-то время.

В принципе, Валентин готов был уйти в армию хоть в пятницу. С работы он уволился, дел особых нет, лед на катке еще не залили, организовать проводы не проблема, для этого нужно только сделать два телефонных звонка, и к вечеру все друзья будут сидеть за столом, выпивая и закусывая курицей под звуки «Наутилуса Помпилиуса». «Поскорее бы пятница», – засыпая, думал Валя.

Пятница, 28 сентября

«Наконец-то сегодня все решится», – в приподнятом настроении думал Валентин, стоя в душе. Вторник, среда и четверг прошли в мучительных мыслях о предстоящей медкомиссии. Кое-как уговорив самого себя, что здоров, Валентин был готов к любому решению, но интуиция подсказывала ему, что комиссия – это только надводная часть айсберга, и дело вовсе не в здоровье, а в чем-то другом. В том, о чем он даже догадываться не может, и ответ знает только капитан, так загадочно куривший, глядя в окно. Ровно в 9:00 Валентин вошел в военкомат. Дежурный сразу узнал его, что было понятно по его широкой улыбке.

– Прибыл, боец, – по военному, поприветствовал он Валентина. – Жди, – не дав ответить, произнес он и пошел по коридору в сторону кабинета военкома.

К удивлению Валентина, в комиссариате больше не было призывников, обычно в дни медицинской комиссии по коридорам снуют из кабинета в кабинет полуголые подростки, а сегодня пусто. Это открытие лишь подтвердило опасения Вали, что дело не в комиссии. Военком и прапорщик вышли из кабинета, и прямо оттуда дежурный махнул рукой Валентину, чтобы он подошел к ним. Валя пошел по коридору, издали он заметил, что в руках капитана папка, скорее всего, это его личное дело. Капитан протянул руку, Валя пожал ее.

– Здравствуйте, – удивлено поздоровался Валя.

– Здравия желаю, – поправил его военком. – Привыкай. За мной! – скомандовал он.

Следуя за капитаном, Валентин оказался в дальнем конце коридора перед дверью, на которой не было таблички.

– Разрешите? – зачем-то спросил военком, открывая дверь и проходя в кабинет. – Доброе утро, доктор, – поприветствовал военком мужчину, в гражданском костюме сидевшего

за столом посредине кабинета. Мужчина кивнул, что обозначало одновременно и входите, и здравствуйте.

– Слушаю вас, товарищ капитан, – сразу переходя к делу, сказал он.

– Вот, собственно, он, о котором я вам рассказывал, посмотрите, пожалуйста, что можно сделать. В третьем лице, указывая на Валентина и протягивая папку доктору, сказал капитан. – Я у себя, если получится, зайдите ко мне вместе.

– Посмотрим, посмотрим, – ответил врач. – Проходи, присаживайся, – сказал он Вале, указывая на единственный стул напротив стола. Военком молча вышел, а доктор открыл папку, надел очки и погрузился в чтение. Несколько минут Валентин сидел в тишине, нарушаемой шуршанием бумаги его личного дела, которое врач листал взад вперед. Как будто что-то пропустив или забыв, о чем читал, он постоянно возвращался к началу.

– Ну-с, сударь, – подражая дореволюционным докторам. – Слушаю вас? – начал врач.

– Я думал, наоборот, вас придется слушать. Что со мной? – ответил вопросом на вопрос Валя.

– Самое удивительное, молодой человек, что у вас все хорошо. Более чем хорошо, – задумчиво произнес доктор. – Один вопрос? – сняв очки и положив их на раскрытую папку, глядя прямо в глаза Валентину, спросил он. Валя ждал. – Откуда столько переломов? Кости слабые? – Вместо одного услышал два вопроса он.

– Были бы слабые, больше было бы? – неопределенно ответил Валя.

– А все-таки? – настоял на ответе врач.

– В хоккей я играю, вот и ломался несколько раз, а один перелом – в шесть лет с качели упал, – пытаюсь понять, при чем тут переломы, ответил Валентин.

– На погоду не болят?

– Нет.

– Правая рука гнется?

– Да, – машинально Валя пару раз согнул правую руку в локте и сжал кулак.

– Хорошо, – надевая очки, произнес врач и начал снова листать папку. – Служить-то хочешь? – неожиданно произнес он.

– Да, – уже начав сомневаться в собственном ответе, сказал Валя.

– Ну тогда иди сюда, – махнул рукой врач, показывая, как обойти стол. – Смотри, сейчас пойдешь в туалет и там вырвешь из папки вот эту и вот эти листы, – тыкая в личное дело, показал он Валентину. – Потом вот эти снимки, – листая дело, продолжил врач. – Оставляешь только перелом от качели, все, что вырвешь, мелко порвать и в урну, сжигать не надо, а то пожар устроишь. Как все сделаешь, приходи. Вопросы?

– А зачем?

– Затем, – перебил его врач. – Иди, раз служить хочешь, выполняй приказ, – отодвинувшись от стола, чтобы Валентин мог взять папку, сказал доктор.

Оказавшись в туалете на секретном задании, Валентин первым делом пролистал личное дело, пропустив все медицинские подробности, в которых он все равно ничего не понимал, Валя остановил свое внимание на характеристике мастера из ПТУ. Характеристика была на троечку по пятибалльной шкале. Отмечалась хорошая память и плохое поведение, интерес к учебе и халатное отношение к практике, быстрое принятие решений и отсутствие желания работать на субботах, доброта и честность в отношении с друзьями при полном отсутствии интереса к комсомольской работе. Валя улыбнулся этому пункту, так как комсомольцем он не был и становиться им не собирался. В общем, ничего нового для себя он не открыл, но мастера в душе поблагодарил, написанное было правдой. Спихватившись, что времени прошло много, Валя быстро выполнил распоряжение доктора и, до сих пор не понимая, к чему все это, вернулся в кабинет. К удивлению Валентина, врач уже был в пальто и стоял ждал возвращения призывника. Другого случая узнать, зачем нужно было уничтожить историю, у Валентина уже

не было бы, и прямо с порога он повторил свой вопрос. Опасаясь, что доктор не ответит, на всякий случай, заслонил собою дверь. Доктор сел на край стола, надевая перчатки, как бы между делом начал:

– Парень ты вроде неплохой и служить хочешь, но с таким фотоальбомом можешь рассчитывать разве что на Камчатке склад со ржавыми «мессершмитами» охранять. Оно тебе надо? – поднял взгляд на Валю доктор. Тот отрицательно мотнул головой.

– Вот, а теперь у тебя все хорошо, и мы подберем тебе нормальную часть, ты, вроде, в морфлот хотел? – резюмировал врач. – Хотел? Валя кивнул. – Но это не нам решать, пойдем к военкому, я чем мог, тем помог, – двинулся к выходу врач. Валентин отступил в сторону, пропуская его, и заспешил за доктором к капитану.

Военком что-то писал в журнале, держа в левой руке дымящуюся сигарету.

– Товарищ капитан, он ваш, – не проходя в кабинет, а прямо из коридора в открытую дверь сказал доктор. – Я, с вашего разрешения, откланиваюсь, думаю, все будет хорошо, – кивнув головой, попрощался он с капитаном. Валентин прошел в кабинет, притворив за собой дверь, и сел на тот же стул, на котором сидел в день знакомства с военкомом. Капитан продолжал заполнять журнал и, кажется, совсем не замечал посетителя. Валя тем временем осмысливал слова доктора. Получается, что планы на морфлот могут осуществиться, это хорошо. Не зря он тогда спросил капитана про возможность служить в военно-морском флоте, просидел бы молча, угодил бы в стройбат со своими переломами, а так обратил на себя внимание, и вот, пожалуйста, пошли навстречу. Все-таки хорошая идея была пойти самому в военкомат. Погруженный в свои мысли, Валентин не сразу понял, что военком что-то уже говорит ему.

– Ты слышишь меня?

– Да, – поспешил ответить Валя, совершенно не понимая о чем идет речь.

– Что да?

– Да, слышу.

– Ну и что?

– В смысле что?

– Дебил, что ли?, – психанул капитан. Ответа у Валентина не было, и он округлил глаза, уставившись в военкома.

– Я русским языком спрашиваю, как все прошло?, – повторил капитан вопрос, который Валентин, судя по всему, пропустил.

– Нормально все прошло, доктор сказал, в морфлот можно, – форсируя события, радостно ответил Валентин.

– Папку давай. В моряки он собрался... Отправлю сейчас на Камчатку, будешь там снег два года убирать, – как бы ставя на место развеселившегося призывника, рявкнул военком. Валентин побледнел и протянул папку. «Далась им эта Камчатка, второй раз за утро уже про нее говорят, – мысль молнией вспыхнула в голове Валентина. – Камчатка полуостров, там есть море, а если есть море, то есть флот». У Валентина вспотела спина. В своих фантазиях о флоте он был моряком-черноморцем или балтийцем. Грозный Крондштат или теплый Севастополь будоражили его сознание, именно там он готов был три года носить клеш и бескозырку. Но не Камчатка, где почти круглый год холодно и землетрясения. «Кретин. Сам напросился», – подумал Валя.

– Фиг тебе, а не морфлот! – радостно вдруг сказал капитан. Валентин аж вздрогнул от неожиданности.

– Доктор говорил, можно в морфлот, – по инерции произнес он, в мыслях до сих пор находившись на холодном и далеком полуострове.

– Не будет морфлота, – тоном, не подразумевающим дальнейшее обсуждение, закрыл тему капитан. – Извини, – немного подумав, добавил он. Это «извини» повисло в воздухе почти осязаемо, как дым от сигарет, который, кажется, не выветривался из кабинета совсем.

Чтобы оправдать паузу, капитан достал из пачки очередную сигарету и перед тем как прикурить, произнес, глядя на огонь зажигалки:

– Извини, но моряком тебе не быть. – Он глубоко затянулся, выпустил дым в потолок и, проводив его взглядом, продолжил: – В общем, дело обстоит следующим образом, – заинтригованно посмотрел в глаза Валентину военком. – Ты хочешь служить и служить будешь. Сам добровольно просишься на три года, а это значит, что к службе будешь относиться серьезно. А раз ты будешь служить честно, значит, родной военкомат не подведешь. Вывод. Зачем отправлять тебя на флот, когда можно отправить тебя в часть, где ты не опозоришь нас. Мысль ясна?

– Нет! – честно ответил Валя. Начиная сомневаться в умственных способностях призывника, которому, по мнению капитана, неслыханно повезло, он прямо в лоб выдал:

– В Кремлевский полк тебя отправить хочу.

Валентин вмиг онемел.

– Куда? – переспросил он через пару секунд пересохшим горлом.

– В Москву, в Кремлевский полк, – глядя прямо в глаза призывнику, спокойно ответил военком.

Валентин был готов к любому развитию событий, даже Камчатка, уже дважды озвученная за утро, была обдумана и принята как должное, но к такому резкому развороту подготовиться невозможно. Слова капитана произвели эффект внезапно вылитого на голову ведра с холодной водой. Кремлевский полк – что это? Стоять у Мавзолея? Маршировать? Как это вообще – служить в Кремлевском полку? Ураган из вопросов зашумел в голове, с каждой секундой их количество умножалось и множилось. Если про службу во флоте Валентин приблизительно знал и по мере сил готовился к ней, то о службе в Кремлевском полку он даже не подозревал. Не находя ответов ни на один вопрос, пчелиным роем гудящим в мозгу, он произнес:

– Почему?

– Что – почему? – быстро ответил военком.

– Почему Кремлевский полк?

Действительно, почему Кремлевский полк, не десант, не связь, не пограничники, а именно Кремлевский полк, выхватил из роя мыслей самый важный вопрос Валентин.

– Ну, это как раз просто, – с видимым облегчением выдохнул капитан. – У меня разнарядка на пять человек в Кремлевский полк, четверо уже есть, а с пятым проблема, – продолжил он. – Нету пятого, и все, уже мозг сломал, где взять. У одного приводы в милицию, у другого наколка, у третьего отец алкаш, у четвертого характеристика – хоть сейчас в тюрьму, пятый – инвалид, шестой – кретин, седьмой косит, – загибал пальцы военком, перечисляя, с кем приходится работать. – И вдруг ты. Сам пришел, сам во флот просишься, я в дело заглянул – вот он, пятый. Без приводов, наколок, семья нормальная, – перешел к достоинствам Валентина капитан. – Прямо камень с души, а потом смотрю, переломанный весь. – Затушив сигарету и тут же доставая следующую, сделал паузу военком. Прикурив продолжил. – Думаю, надо показать тебя хирургу, может, не все так плохо, вот видишь, не ошибся, – радостно, как бы напрашиваясь на похвалу, расплылся в улыбке военный: – пойдешь служить в Кремль, жить будешь на Красной площади, – подвел он итог.

Валентин молчал, не зная как реагировать на происходящее. «Москва лучше Камчатки, – говорил внутренний голос, – но не флот. С другой стороны, от таких предложений, наверное, не отказываются, сейчас заикнешься про флот, военком психанет, и тогда не то что Камчатка – остров Русский раем покажется, отправят туда, где Макар телят не пас».

– Ну? Как? – не то спросил, не то ожидая слов благодарности, сказал капитан.

– А это не шутка? – все еще не веря в происходящее, ответил Валя.

– Я на клоуна похож? – зло спросил военком. – Какие шутки, полчаса идиоту объясняю, как ему повезло, а он тут сидит, ваньку валяет.

– Я не валяю, я просто... Неожиданно просто. Я подумать не мог, а тут такое... – сбивчиво заикаясь в поисках нужных слов, торопясь, что у военкома кончится терпение, затараторил будущий воин-кремлевца. «В Кремль так в Кремль, потом разберемся, как там служить, – здраво рассудил Валентин, – звучит красиво, опять же Москва, а не Железнодорожск какой-то, может, это еще лучше флота».

– Такое-сякое, – передразнил капитан призывника. – Будем считать, что договорились, – перешел он на командные интонации. – Теперь слушай и запоминай. Во-первых, о том, что было с медкомиссией, никому не слова. Во-вторых, пока вообще никому не слова. Смотри не перепутай, – фразой из знаменитого фильма пошутил он. Все происходящее очень радовало военкома, было видно, что гора свалилась с его плеч. – Через две недели придешь на инструктаж, там все объясню окончательно, и на следующий день в шесть утра на автовокзал. Все понял? – подвел он итог.

Боясь ляпнуть опять невпопад, Валя кивнул головой.

– Тогда к дежурному ступай, получай повестку, – вставая из-за стола и открывая створку окна, закончил капитан. – Стой! – резко повернулся он к Валентину, боясь, что тот уже выходит из кабинета. Валя, до сих пор сидевший на стуле, встал.

– Чуть не забыл самое главное, – уже спокойно, но приказным тоном произнес военком. – Все две недели быть ниже травы, тише воды, не дай бог в милицию попадешь, голову оторву сразу, а потом отправлю служить на Северный полюс, будешь там от белых мишек бегать.

– Без головы? – попытался пошутить Валентин.

– Попадешь в милицию, будешь не только без головы, все оторву, все равно не пригодится, – ответил капитан таким тоном, что шутить Вале расхотелось. – Свободен.

Дежурного не было на месте. Валентин пошел обратно к военкому, как вдруг раздался голос: «Стоять? Куда?». Обернувшись, Валя увидел голову прапорщика, торчащую из проема входной двери.

– А это ты? – узнал его дежурный. – погоди, сейчас докурю и приду, – сообщила голова и скрылась за дверью. Валентин вернулся к комнате со стеклянной стеной. «Круто как все вышло, – думал он, – хотел на флот, а попал в Кремль». Хорошо это или плохо, было совершенно непонятно, в любом случае, это не банальная пехота, а элита Советской армии. Правда, стоять не шевелясь на месте возле Мавзолея пока не казалось интересной службой. Все его друзья, которые уже служили, поделились на три практически равные группы: это десант, стройбат и спортрота. Ни моряков, а тем более кремлевцев среди них не было. В этом раскладе флот и Кремль выглядели одинаково привлекательно. В Москве Валентин, так же как и на море, не был, тут тоже получалось равно. Взвешивая и сравнивая все плюсы и минусы, Валентин решил, что Кремль не самый плохой вариант, тем более военком сказал, что ему повезло, а он, наверное, лучше знает, так это или нет. «Кремль значит Кремль, приеду на место, там видно будет», – наконец-то созрела в голове мысль. Стало спокойно и как-то легче. Дежурный не торопился возвращаться, и Валентин принялся изучать плакаты на стенах коридора.

– Заходи, – наконец услышал он. – Ну как? Куда тебя? – спросил прапорщик, падая на стул.

– На Северный полюс от белого мишки бегать, – помня наставления капитана «никому ничего не говорить», ответил Валя.

– Поздравляю! – рассмеялся дежурный и, подняв трубку телефона, набрал внутренний номер военкома. – Товарищ капитан, это дежурный. Что с ним делать?.. Есть! – после короткой паузы отчеканил он и положил трубку телефона.

– Быстро бегаешь? – заполняя повестку, спросил прапорщик.

– Быстро, а что?

– Тогда привет белому мишке передавай!

– Обязательно, а вы с ним знакомы, что ли? – улыбнувшись, спросил Валя.

– Поумничай мне! – оборвал его дежурный, шутка ему не понравилась. – Держи, свободен! – захлопнул он журнал.

Идти было совершенно некуда, и Валентин решил дойти до садика, в котором работала его мать, и уже оттуда позвонить Толстому, если он дома. Впереди две недели абсолютного безделья, из развлечений – проводы Толстого, дискотека и видеосалоны, расплотившиеся в последнее время в огромном количестве. Прокручивая в голове разговор с военкомом, Валентин остановился на словах о милиции. Проблем с органами у него не было, встречи, беседы и пару задержаний, в основном за драки, были, но на учете он не состоял. Причиной этого везения было, наверно, соседство с дядей Володей, участковым милиционером. Был он старшим лейтенантом, жил в соседнем подъезде и знал всю дворовую шпану. Надо отдать должное его воспитательному подходу к детворе на подответственном ему участке. Будучи молодым и спортивным человеком он как-то раз купил футбольный мяч, собрал всех детей с пяти домов его участка и отправился с ними на стадион играть в футбол. Эти футбольные матчи вскоре стали регулярными. В результате он перезнакомился со всеми ближе, большую часть записал во всевозможные секции, а особо проблемных взял на карандаш. Общаясь с подростками в основном в неформальной обстановке, он сумел донести до всех мысль, что в случае каких-либо происшествий, первое, что нужно сделать – это сообщить ему. Так он убивал двух зайцев сразу. Был всегда в курсе всего происходящего на его участке и мог контролировать ситуацию, заранее к ней подготовившись. Сказать, что дворовые пацаны обо всем сообщали дяде Вова, было нельзя. Так, иногда что-то рассказывали, в основном, уже о произошедшем, но и такое формальное общение давало свои плоды. Нечасто, но все-таки приходилось иметь дело с милицией, кто-то попадался пьяным на дискотеке, кого-то ловили дружинники за шум либо драку на улице. Каждый раз кто-нибудь успевал сообщить участковому, и дядя Вова, верный своим словам, появлялся в дежурной части, забирая своих хулиганов без оформления, так сказать, на поруки. Поэтому ситуация с попаданием в милицию, например, во время проводов Толстоухова, хоть и была вероятна, но не могла носить катастрофический характер. «Нужно будет дойти до участкового», – подумал Валентин, подходя к садик.

Мама была на складе и гладила белье.

– Мам, привет, – как можно радостней поздоровался сын. – Через две недели в армию.

– Уже? – испуганно спросила мама.

– Не уже, а через две недели, – уточнил Валя.

– И что теперь? – растерянно посмотрела она на сына.

– Ничего. Где у вас телефон, мам? – равнодушно спросил Валя.

– Там, в коридоре, – махнула рукой в сторону двери мама. – Как ничего? А проводы? Родственникам звонить нужно, пропуска делать. Сколько народу придет, не считал еще? – посыпала она вопросами.

– Мам, успокойся, еще куча времени, вечером сядем и все решим, – оборвал ее сын. – Еще две недели, не надо сейчас никуда бежать и никому звонить. Я пойду, позвонить надо.

– Ты вечером не задерживайся, я буду ждать, ты обещал Валя, – уже в закрывающуюся дверь крикнула мама.

«Или спит, или свалил уже куда то», – слушая длинные гудки, думал Валя. Толстый уже вовсю готовился к проводам, и у него забот было выше крыши. Страну охватил дефицит, и не просто дефицит чего-то, а глобальный дефицит всего, добавить к этому «сухой закон», и картина представлялась совсем грустной. Подготовка к проводам сводилась к беготне по магазинам и доставанием, не покупкой, а именно доставанием продуктов и, самое главное, алкоголя. Поэтому Валентин не удивился, что Сергей не отвечал на телефон. Уже опуская трубку, он услышал заspanное «алло».

– Серый, привет, это Валя.

– Угу.

- Ты сейчас никуда не пойдешь?
- Пойду.
- Подожди меня, сейчас приду.
- Давай, – зевнул Толстый и положил трубку.

- Mam, я ушел, – заглянул на склад Валя.
- Вечером ты обещал, помнишь? – переспросила она.
- Помню, вечером буду. Пока.

То, что Сергей был дома, можно считать удачей. В противном случае пришлось бы гоняться за ним по всему городу, а так появилась возможность упасть ему на хвост в поисках дефицитных продуктов для проводов, благо он уже четыре дня занимался этим, наверняка что-то уже нарыл. Толстый встретил друга в трусах и совершенно не проснувшийся. Пройдя в комнату, Валя увидел причину позднего пробуждения друга. На журнальном столике, стоявшем посередине комнаты, горой возвышались остатки воблы. Три пустые трехлитровые банки под столом говорили о том, что вечер удался. Кружок подозрительно не было, и понять количество участников пьянки не представлялось возможным.

– Проводы репетируешь? – глядя, как Толстый пытается продеть ногу в штанину брюк, спросил Валя.

– Да не. Батя вчера пива принес, вот, посидели, – взглянув на пустые банки, скорчился Сергей.

– Нормально так, девять литров на двоих, – с укором произнес Валя. – А позвонить не судьба?

– Я хотел, а потом вспомнил, что тебе на комиссию, и не стал, – оправдываясь, ответил друг. Молча дождавшись, когда Толстый победит одежду и с облегчением сядет на кровать, Валя спросил:

– Что с проводами?

– Жопа с проводами, четвертый день бегаю по магазинам как конь, – устало ответил друг. – Пока ничего нет, но обещают подкинуть, – подвел он итог.

«Это очень хорошо, – подумал Валя, – поезд еще не ушел. Если обещают подкинуть, то не придется самостоятельно бегать по тем же адресам, достаточно будет вместе с Толстым прийти».

– Что развалился, пошли на воздух, смотреть на тебя тошно, – скомандовал Валя другу.

Кряхтя и охая, кое-как Толстый собрался. Вместе прибравшись в комнате, друзья вышли на улицу.

Бесцельно пошли в сторону центра. Толстый, кутаясь в куртку, мелко дрожал, похмелье было качественное.

– Куда пойдем? – выйдя на площадь, спросил Валя друга.

– В военкомат, – улыбнулся Толстый, напоминая об их затее.

– Шутишь, это хорошо, значит, отпускает. А все-таки? – возвращая Сергея к действительности, переспросил Валя.

– Пойдем хоть кофе выпьем, плохо мне, – простонал Толстый.

Сидя в кафе Валентин, ощутил легкое дежавю, опять никого нет, опять он и Толстый, опять кофе. Обстановка втягивала в депрессию. «Поскорее бы уже в армию», – подумал он. Все-таки смена обстановки, а то выть хочется от однообразия его жизни. Заняться в маленьком городе было решительно нечем. Перебирая варианты убить время, Валентин вспомнил про автошколу, в которой он уже полгода учился на права и должен был через две недели сдавать экзамены.

– Пошли, – нарушил он гнетущую тишину.

– Куда опять? – испугано вздрогнул Сергей. Похоже, дежавю не обошло стороной и его.

– Не бойся, не в военкомат. В автошколу надо, чуть не забыл, – обрадованно произнес Валя. Поход в ДОСААФ гарантированно мог скоротать время до вечера.

– Как на комиссию сходил? – неожиданно задал явно западавший вопрос Толстый.

– Нормально, здоров, там справки какие-то потеряли, через две недели в субботу поеду, – стараясь ответить на максимальное количество возможных вопросов, произнес Валя. Помня наставления военкома, нужно было срочно перевести тему разговора.

– Допил? Пошли уже, – поторопил он Сергея.

– А в автошколу зачем? – Толстому явно не хотелось покидать кафе.

– За надом, – раздраженно бросил Валя, вставая. – Ты идешь, или я один пошел? – поставил он ультиматум другу.

– Да иду уже. Кофе не даст попить, – пробурчал под нос Сергей.

До автошколы дошли обидно быстро, все-таки город был очень маленький. Толстый по дороге успел покурить и понемногу приходил в себя.

– А ты что, права еще не получил? – больше для того, чтобы не идти молча, спросил он Валентина.

– Если бы получил, на машине бы ехали. Забыл я про автошколу. – У меня экзамены на права в субботу, и в армию в субботу, – погруженный в мысли, ответил товарищ.

Начальник автошколы был на месте. Постучав в дверь, Валентин приоткрыл ее и просунул в кабинет голову.

– Можно? – спросил он хозяина кабинета.

– Что тебе? Канцелярия дальше по коридору, – зло ответил начальник автошколы, показывая, что разговор окончен.

Валентин уже наполовину проник в кабинет.

– Мне к вам, – настаивал он.

– Зачем? Я занят, иди в канцелярию, – не скрывая раздражения, повысил голос начальник.

Только сейчас Валентин заметил, что хозяин кабинета, согнувшись, пытался что-то спрятать в нижний ящик стола, в кабинете отчетливо чувствовался запах перегара. Притворив за собой дверь и облокотившись на нее, чтобы никто больше не вошел, Валентин всем своим видом показал, что он все понимает и не собирается мешать.

– Я быстро, один вопрос только. Я подожду, – заговорщицким шепотом произнес он.

Секунду поколебавшись, начальник, не разгибаясь, налил в стакан и также согнувшись залпом выпил содержимое. Вздвогнув и сморщившись, он убрал бутылку и стакан в ящик, задвинул его и откинулся на спинку стула.

– Слушаю, – как ни в чем не бывало, выдохнул он.

– У меня в следующую субботу экзамен на права, можно я в эту сдам с другой группой? – наконец-то перешел к делу Валентин.

– Как это? Зачем? Почему с другой группой? – уставился на вошедшего начальник.

– Я в армию ухожу в следующую субботу, в шесть утра, – зачем-то уточнил время Валя. – Поэтому на экзамен не успею, можно в эту субботу сдать? – повторил он просьбу.

– Нет. Нельзя, – услышал Валентин безапелляционный ответ. – У нас тут что, частная лавочка? Захотел – сегодня? Захотел – завтра? – постепенно повышая тон, начал хозяин кабинета. – В армию он уходит, а я план обучения должен из-за него переписывать, все так ходить начнут, планов не напасешься. В субботу значит в субботу, что ты мне голову морочишь?

– Так я не успею... – робко возразил призывник. – Что, я зря учился, что ли?

– Ничего не зря.

– У нас в стране все не зря.

– Вот отслужишь, придешь и сдашь экзамены, – воодушевленно подвел итог начальник.

– Через два года? – округлил глаза Валя.

– Да хоть через три, – поддержал его чиновник.

– Так вы меня через два года не узнаете! Кто меня на экзамен отправит? У меня и квитанции все оплачены! – не сдавался посетитель.

– Квитанции это хорошо. Сейчас идешь в канцелярию, пусть тебе справку выпишут, что обучение прошел, квитанции оплачены. Я подпишу, печать шлепну, иди, служи, через два года приходи на экзамен.

– Бред какой-то! – выпалил Валентин.

– Что-о-о? – медленно вставая со стула, прошипел начальник автошколы.

– Бред, говорю, какой-то, – повторил Валя.

– Не бред, а порядок такой. Будешь права качать, вообще отчислю! – заорал на строптивого курсанта чиновник. – В канцелярию иди за справкой! – хлопнув ладонью по столу, закончил он разговор.

В канцелярии женщине-секретарю пришлось все пересказывать заново, иначе она отказывалась писать справку. Когда наконец-то до нее дошел смысл происходящего, она залилась таким смехом, что Валентин невольно задумался о ее психическом состоянии. «Нормальная контора, – подумал он, – один бухает среди бела дня, другая ржет, как лошадь, без причины. Сумасшедший дом, а не автошкола».

– Что, прямо так и сказал? Хоть через три года? – вытирая слезы, переспросила хохочущая секретарша.

– Сами спросите, – буркнул Валентин. Она встала и направилась в сторону кабинета начальника.

– Не советую, кажется, я сильно его разозлил, – попытался остановить ее проситель.

– Поучи меня. Жди здесь, – неопределенно махнув рукой, проигнорировала предупреждение секретарша.

Валентин вышел вслед за ней в коридор. Без стука и очень уверенно секретарь вошла в кабинет своего руководителя. Автошкола находилась в подвале сталинской пятиэтажки, стены были основательными, и услышать, что происходило за дверью, не представлялось возможным. В коридор долетали только неразборчивые звуки разговора, ведущегося на повышенных тонах, причем начальник, судя по всему, в чем-то оправдывался. Несколько минут длилась перепалка, потом дверь неожиданно распахнулась, и Валентин не сразу узнал секретаршу. Лицо женщины было перекошено злобой.

– Алкаш несчастный! – глядя прямо на Валу, крикнула она, хлопнув при этом дверью так, что с косяка упала штукатурка. Валентин глупо оглянулся в поисках «несчастливого алкаша», не про него же она это сказала.

– Что встал? Заходи, – услышал он из канцелярии. Стараясь быть как можно тише и незаметнее, он прокрался в кабинет и сел на стул, стоящий прямо у двери. Женщина со злобой что-то писала, фыркая на выбившийся из прически локон черных волос. Дописав, она подняла взгляд на Валентина.

– Напомни, как там тебя?

– Матвеев Валентин Борисович.

Вписав в бланк его данные, она поднялась и пошла обратно к начальнику, бросив Валентину: «Жди». Ждать пришлось недолго, уже через полминуты в коридоре снова хлопнула с силой дверь.

– Держи, – протягивая справку, сказала вошедшая секретарша. – Не вовремя ты пришел сегодня. Извини, не смогла помочь. Служи спокойно, не переживай, отслужишь – приходи. Все нормально будет. Я тебя запомнила, – успокаиваясь, пыталась оправдаться женщина.

– Спасибо, – растерянно пробормотал Валя, чувствуя неловкость за случившийся скандал. – Приду обязательно. Еще раз спасибо, до свидания.

– До свидания. Удачи тебе, – попрощалась секретарша.

– Ты что так долго? – встретил Толстый вопросом друга.

– Воздухом дыши, тебе сегодня полезно, – не вдаваясь в подробности, ответил Валя. – Ну что? Пойдем, посмотрим, что там сегодня по видику крутят? – предложил он.

– Пойдем.

Видеосалоны, пожалуй, единственное доступное развлечение конца восьмидесятых годов. По телевизору было всего две программы, и то зачастую с новостями о том, в какой колхоз привезли навоз. Другое дело – видео. Обладатели видеомэгафонов автоматически попадали в разряд небожителей. Стоимость этой чудо-техники была запредельная и исчислялась даже не сотнями, а тысячами рублей, но, даже обладая такими деньгами, нужно было еще как-то и, самое главное, где-то купить его. Некоторые комсомольские активисты, не лишённые коммерческой жилки, быстро сориентировались и под эгидой работы с молодежью умудрялись покупать их по комсомольской линии, для целей исключительно воспитательной работы. Спустя некоторое время они регистрировали фирмы на преданных и лояльных комсомольцев, которые официально брали эти мэгафоны в аренду у комсомольской организации. И вся воспитательная работа свелась к прокручиванию зарубежных боевиков по рублю за сеанс. Простым обывателям были до фонаря организационные вопросы первых капиталистов, они валом кинулись в подвалы и отгороженные фанерными стенками закутки смотреть иностранные фильмы зачастую плохого качества и сомнительного содержания. Наверное, вот так же в начале двадцатого века народ ринулся в синематограф «глядеть фильму». В один из таких салонов и направились друзья. Ближайший сеанс начинался в шесть часов вечера, обещали показать «Рокки» с Сильвестром Сталлоне в главной роли. Фильм Валентин уже видел, и не раз, по кислому выражению лица Толстого Валя догадался, что у друга нет энтузиазма тратить рубль на знакомую картину.

– Пойдем? – спросил он у Сергея его мнение.

– Я его уже видел. Может, в другой пойдем.

– А смысл? Не «Рокки» там будет, так что-нибудь другое знакомое, – Валентину надоело болтаться по городу, он хотел уже сесть и отключиться за просмотром кино, по его мнению «Рокки» был хороший вариант.

– Ну не знаю, – затянул Толстый.

– Я остаюсь, а ты сам решай, – открывая дверь салона, с манипулировал Валя.

Сергей плохо принимал решения, вернее долго. Этим и воспользовался Валентин. Не прошло и двух минут, которые Толстый, скорее всего, потратил на сигарету, как друг уже был внутри.

– Первый ряд бери, – прошептал он в затылок Валентину, стоявшему у окошка кассы.

Помещение, гордо носившее название «видеосалон», состояло из двух небольших комнат: тамбур, он же касса, и собственно сам зал метров тридцать площадью с тремя рядами старых кресел из актового зала близлежащей школы. Два окна зала были завешаны темными шторами, на столе стоял телевизор с подключенным видеомэгафоном. На первом ряду всегда можно было вытянуть ноги и полулежа наслаждаться просмотром, именно эту цель и преследовал Толстый, учитывая его рост, второй и третий ряд, стоявшие практически впритык друг к другу в маленьком помещении, его просто не могли вместить. Потенциальные зрители были еще на работе, друзья, спокойно купив билеты прямо напротив телевизора, прошли в зал. До начала сеанса было еще полчаса, и администратор, решив сделать комплимент первым зрителям, включил мультики «Том и Джерри» без перевода. Постепенно зал заполнялся, к шести вечера осталось только два свободных места. Еще до начала фильма Сергей благополучно заснул, сказывалась вчерашняя пьянка с отцом, будить Валентин его не стал. Просмотр знакомого кино было классическим вариантом убивания времени. Смысл происходящего на экране мало интересовал Валентина, он вспоминал события сегодняшнего дня. Неожиданное пред-

ложение военкома уже казалось ему счастливым случаем. Москва, Кремль, красивая форма, Мавзолей будоражили фантазию и рисовали красивые картины его будущей службы. Случай в автошколе тоже уже не выглядел катастрофой, в конце концов, права категории «В» в армии не пригодились бы все равно, а сдать экзамен после службы не проблема, за рулем отцовской «копейки» он ездил уже с четырнадцать лет. За два года его службы начальник автошколы окончательно проплет память и не вспомнит сегодняшний скандал, поэтому козни ставить не будет. В общем, день оказался плодотворным, переживания по поводу здоровья и медкомиссии закончились, теперь можно думать о проводах и предстоящей службе. За пять минут до конца сеанса Валентин разбудил друга. Толстый, удивленно озираясь в полутемной комнате, пытался вспомнить, как он тут оказался.

– Уже началось? – спросил он Валентина.

– Да, скоро конец, – поставил в тупик ответом товарищ. – Выспался?

– Да, хорошо вздремнул, – зевнув, ответил Толстый.

– Потише, – зашипели со второго ряда.

– Я курить, – шепотом известил Толстый и, согнувшись, двинул на выход.

Валентин последним вышел на улицу и с удовольствием вдохнул свежий воздух, после спертого воздуха маленького помещения ароматы осени чувствовались особенно ярко. Было тепло, солнце уже катилось к закату, и длинные тени от лип, высаженных вдоль тротуара, тянулись по стенам домов все выше и выше.

– Куда теперь? – откуда-то сбоку раздался голос Толстого.

– Домой наверно, – не оборачиваясь, ответил Валентин. – Надо домашних обрадовать проводами.

– Пока, – неожиданно быстро согласился Сергей, протягивая ладонь. – Звони завтра.

Все-таки вчерашние посиделки с предком до сих пор мучили друга.

Дома родители ждали сына. Понятно это было по их местоположению, все вопросы в семье решались на кухне. Зайдя в квартиру и обнаружив родителей за кухонным столом, Валентин, разувшись, присоединился к семейному совету.

– Ну, рассказывай, – начал отец.

– Да, собственно, нечего рассказывать, здоров, через две недели в субботу в шесть утра на автовокзале с вещами, – как можно спокойнее произнес Валентин. – Проводы, соответственно, в пятницу, служить буду два года, в каких войсках, не знаю, точно не флот. Фраза про флот больше была адресована матери, для нее было принципиально, два или три года она не увидит сына.

– Ну и хорошо, дался вам этот флот, – с облегчением произнесла мама.

– А на комиссию, зачем вызывали? – чувствуя, что сын не договаривает, спросил отец.

– Заключение хирурга потеряли, – максимально правдиво соврал сын.

Достаточно полные ответы сына поставили точку в дальнейших расспросах, и семья приступила к обсуждению проводов. Родственников планировалось человек пятнадцать-двадцать при условии, что иногородним разрешат въезд. С молодежью дела обстояли не так прозрачно. Точного количества предугадать не представлялась возможным, поэтому остановились на тридцати человеках плюс-минус, основываясь на опыте весенних проводов друзей Валентина. На круг получалось приблизительно пятьдесят человек, что привело маму в состояние легкого шока. Как разместить такую ораву в квартире, она реально не понимала. Немного посоветовавшись, решили, что без помощи соседей не обойтись, и всей семьей отправились в тридцатую квартиру к Серебряковым. Тетя Нина и дядя Юра были давними друзьями родителей Валентина. Познакомились они одиннадцать лет назад, когда переезжали в этот дом, с тех пор их дружба переросла практически в родственные отношения. Все праздники и семейные торжества проходили вместе. Вадим, их сын, был на пять лет старше Валентина, несмотря на разницу в возрасте они дружили. Кстати, когда Вадим уходил в армию, то проблема с разме-

щением его гостей тогда была решена как раз с помощью квартиры Матвеевых, и вот ситуация повторилась с точностью до наоборот. Соседи вполне предсказуемо встретили новость о проводах Валентина, тетя Нина захохла, дядя Юра обрадовался и потянул за рукав отца Валентина на кухню. Дальнейшие переговоры проходили без них. Валентин, собственно, тоже был не нужен, посидев для приличия пять минут с мамой и тетей Ниной он, ответив на дежурные вопросы, тихонечко улизнул на кухню. Схема помощи соседей выглядела просто. Родственников и взрослых гостей размещают в квартире Серебряковых, а молодежь и подростки будут провожать в квартире Матвеевых. На кухне переговоры мужчин уже успешно завершились, и главы семейств перешли к неофициальной части: нехитрая закуска в виде порезанного сала, соленых огурцов и кабачковой икры была тому подтверждением. Бутылку дядя Юра прятал за спиной, опасаясь конфискации.

– Как там? – спросил он вошедшего Валентина, держа левую руку за спиной.

– Болтают, – неопределенно ответил призывник.

– Пусть поболтают, – как будто разрешая, полушепотом, сказал хозяин.

В следующую секунду послышалось бульканье разливаемой водки. Первую рюмку мужчины выпили молча и быстро, только кивнув друг другу. Тут же налили по второй и одновременно потянулись за огурчиками. Синхронность их действий завораживала.

– Будешь? – кивнув на рюмки, спросил дядя Юра.

– Нет, спасибо.

– Войска то какие?

– Да не знает он ничего, – за сына ответил отец.

Оба подняли рюмки.

– Будем, – сказал хозяин стола тост.

– Ага, – поддержал его отец будущего солдата.

Валентин, убедившись, что это надолго, пошел домой, крикнув из коридора: «Мам, я ушел, тетя Нина до свидания». – «Ужин на столе», – услышал он в ответ.

День заканчивался, все вопроса были решены. Валентин, умывшись, почистил зубы, отметив при этом, что нужно поставить пломбу, которая вывалилась несколько недель назад, лег на диван. Думая о том, что же такое «Кремлевский полк», он незаметно для себя уснул. Сквозь сон Валя слышал, как вернулись родители с провожавшим их дядей Юрой, который громким шепотом подбадривал маму: «Наш оболтус отслужил, и ваш отслужит». Мама что-то тихо отвечала ему и, судя по звукам, выталкивала мужчин из коридора на кухню. Натянув на голову одеяло, Валя окончательно заснул.

Две следующие недели прошли в безделье и каких-то необязательных хлопотах о проводах. Родители взвалили всю организацию на себя, Валентину же осталось чисто физическая помощь: сходить туда-то, принести то-то. Мама посетила горисполком и, предъявив повестку сына, получила десять талонов на водку, тем самым закрыв вопрос с алкоголем. В стране шла антиалкогольная компания Горбачева. В Грузии вырубали виноградники, алкоголь продавали с одиннадцати часов, и только по талонам из расчета одна бутылка водки, две бутылки вина и по одной бутылке шампанского и коньяка в месяц на человека. Но, даже имея заветные талоны, за водкой еще нужно было отстоять огромную очередь, которая растягивалась на несколько сотен метров, и все винно-водочные магазины страны сразу получили прозвище «мавзолей» по аналогии с огромными очередями к усыпальнице вождя революции. Так как десять талонов отоварить в магазине одновременно все равно не получилось бы, то к выданным талонам прилагалась записка для заведующей магазина, что позволяло, обойдя всю очередь, напрямую обратиться к ней. Отец взял с собой в поход за водкой сына. Во-первых, десять бутылок надо было кому-то тащить, во-вторых, Валентин служил наглядным подтверждением записки и десяти талонов одновременно. Очередь стояла черно-серая, молчаливая и напряженно-злая. Чтобы избежать недовольства толпы, отец с сыном прошли через двор с другой стороны дома, в

подвале которого находился магазин. У входа дежурили милиционеры. Драки и давка – постоянные спутники всех очередей, а за водкой тем более.

– Что это? – грозно спросил сержант у отца, глядя на протянутую бумагу.

– Это для заведующей.

– Разберемся, – разворачивая листок, буркнул он. Прочитав, сержант поднял взгляд на Валентина.

– Ты, что ли, призывник?

– Да!

– Один дотащишь?

– Да!

– Тогда ты за мной. А вы, – обращаясь к отцу, – здесь подождите.

Очередь неодобрительно взорвалась: «Куда?» – «Кто такой?» – «Он тут не стоял!» – «Что происходит, сержант?».

– Тихо! Молчать! – заорал сержант так, что Валентин невольно втянул голову в плечи, а отец призывника на всякий случай отошел подальше. – Че орем? Парню в армию завтра, – перекрывая гул толпы, крикнул милиционер.

– Ему завтра, а я уже, – рванув ворот куртки, закричал стоявший возле самой двери молодой парень, на груди под курткой сверкнула медаль за отвагу.

– Откуда? – спросил сержант у парня, кивая на медаль. – Афганистан? А что в очереди стоишь?

– Все стоят, и я стою, – застегивая куртку, ответил интернационалист.

– Отойди, – потянув за шиворот какого-то ханыгу, стоявшего первым у двери, сказал сержант. Мужик весь сжался и стал ниже ростом.

– Я тут стоял, – робко начал он причитать.

– Так и стой, кто тебя гонит, пройти дай, – повернувшись к афганцу, милиционер махнул рукой: – Пошли.

Внутри магазина сильно воняло кислятиной. Сдерживаемая двумя постовыми очередь была ровной и тихой. Любое нарушение тишины каралось изгнанием из очереди.

– Коля, выйди на улицу, успокой их, – кивнув на дверь, обратился милиционер к высокому старшине с резиновой дубинкой на поясе.

– Тихо мне тут! – направляясь к двери, сразу всем сказал старшина.

Следуя за сержантом вдоль очереди, Валентин спиной чувствовал тяжелые взгляды, направленные в их сторону. Дождавшись, когда очередной счастливцев отойдет от кассы, сержант рукой остановил следующего.

– Подожди. Михалну позови, – обратился он к продавщице.

Очередь одновременно вздохнула, процесс явно затягивался.

– Что еще? – показавшись в проеме двери, окидывая взглядом зал, спросила плотная, ярко накрашенная женщина в белом халате, застегнутым на все пуговицы.

– Вот, – протянул ей листок милиционер.

Взглянула на листок, даже не читая содержимое.

– Началось... – произнесла заведующая. – Федя, ты сюда-то зачем его притащил? – как учительница в школе начала отчитывать она сержанта. – Они сейчас косяками пойдут, всех, что ли, без очереди пускать будешь, головой думать надо, революций мне только не хватало. К служебному их надо.

– Кого их-то?

– Не тупи, Федя, призыв начался, – как непослушному ребенку сказала она, скрываясь за дверью.

– Вот этот первый, – подтолкнув к кассе парня с медалью, восстановил свой авторитет перед очередью сержант. – На выход! – повернувшись, скомандовал он Валентину.

На улице очередь радостно взывала, увидев пустые руки наглого призывника, статус-кво был сохранен, в бане и очереди за водкой все равны.

– Тебе за угол, к служебному входу, – протянув листок, шепотом сказал сержант Валентину. – Удачи.

– Спасибо, – ответил Валя и скрылся от взоров толпы во дворе.

Заведующая лично отсчитала десять бутылок водки, по ноль-семь литра каждая, и, пересчитав деньги, вздохнула: «Хорошо, хоть этот Афганистан закончился, повезло тебе».

Проводы Толстого прошли буднично и как под копирку напоминали все до этого проведенные весной. В шесть часов вечера собрались у него дома за большим столом, занимавшим всю комнату. Вместо стульев с одной стороны был диван, а с другой – длинная доска, накрытая скатертью, по торцам стола стояли по три табурета с каждой стороны. Сидели даже на подлокотниках дивана, нормально разместиться можно было, только когда народ уходил покурить. Часам к восьми движения за столом приняли хаотичный характер, гости равномерно расположились по всей квартире, включая даже лестничную клетку, на которой теперь постоянно кто-то курил. После девяти вся молодежь засобиралась на дискотеку, дав возможность родителям и родственникам немного передохнуть и слегка прибраться. На танцах продолжали пить, драк не случилось, настроение было хорошим. Еще дома у Сергея Валентин объявил о своих проводах и, соответственно, пригласил всех, вызвав этим бурную радость присутствующих. Большая часть молодежи после дискотеки пошла домой, пообещав вернуться к шести часам на автовокзал, остальные пошли обратно к Толстому домой, намереваясь продолжать до утра. К четырем часам утра за столом остались только взрослые и всего пять или шесть представителей молодого поколения. Все горизонтальные площади квартиры были заняты спящими гостями. В пять часов утра отец Толстого достал машинку для подстригания, и Сергея посадили посередине коридора на табурет. Первый взмах доверили родителю, после всем желающим. В результате с некогда пышной шевелюрой Толстого начали происходить такие изменения, которые могли родиться только в пьяных мозгах его друзей. За полчаса экзекуции он побывал сначала панком, потом индейцем, затем «под Ленина». Ржали и много фотографировали каждую версию. В половине шестого бедолагу отпустили мыться и собираться, попутно начали будить спящих. На вокзал прибыли без пяти шесть, народу было много, вместе с Толстым забирали еще восьмерых, и каждого провожали минимум двадцать человек. Прапорщик, издав пересчитав призывников, спокойно курил в сторонке, ожидая автобус. Старенький ПАЗик приехал в десять минут седьмого, придав своим появлением ускорение в наливании алкоголя по кружкам и стаканам, принесенными с собой провожающими. «Прощаемся!», – громко крикнул прапорщик и первым вошел в автобус. Раздались причитания родственников, женщины одновременно в голос заревели. Обнимаясь и целуясь со всеми подряд, призывники прорывались к автобусу. Провожающие, обступив ПАЗик, начали его раскачивать. «Прекратить! – заорал наполовину высунувшийся из окна прапорщик. – Прекратить!». Водитель автобуса сильно нажал на газ в попытке испугать толпу, но только окончательно раззадорил ее этим. Тогда он с треском врубил передачу и нажал на педаль акселератора. К его удивлению, автобус, надрывно ревя двигателем, стоял на месте. Шофер, высунув голову в форточку, посмотрел назад, задние колеса бешено крутились в воздухе. Вся молодежь и даже некоторые взрослые, заранее сговорившись, по команде подняли заднюю часть автобуса и держали его на весу, громко улюлюкая. Продолжалось это несколько секунд, после чего автобус бросили, и он резко сорвался с места. Рев толпы стал оглушительным, в руках провожающих остался бампер от ПАЗика. Стоявший неподалеку милицейский «уазик» включил фары и начал медленно двигаться в сторону толпы. Заметив это, толпа бросила бампер и неторопливо начала расходиться. Из «уазика» вылез молоденький милиционер в звании младшего сержанта и, открыв дверь багажного отделения, затолкал туда запчасть от автобуса. Провожающие, не обращая внимания на милицию, допивали, принесенное собой и понемногу расходились по домам. Уже через

пятнадцать минут площадь перед автовокзалом опустела, и обо всем произошедшем на ней напоминал только мусор, брошенный прямо под ноги.

Собственные проводы Валентин запомнил плохо, не потому, что напился, а просто частые чередования лиц и напутственных речей слились в одну общую липкую массу, выделить из нее более значимые события не получалось, и воспоминания о проводах навсегда остались в памяти Вали, как слайды не связанных между собой фотографий, сделанных в один день. Его не подстригали, так как уже несколько лет он стригся исключительно «под машинку». Вместо этого всех гостей попросили расписаться на строительной телогрейке, в которой Валентин собирался уехать в армию. Идея всем так понравилась, что к утру, когда засобирались на вокзал, телогрейка была похожа на книгу жалоб и предложений, гости не ограничивались автографами, а писали длинные пожелания хорошей службы, в некоторых местах виднелись следы женской помады. На вокзале все прошло намного тише и спокойнее, чем ранее. Виною тому новенький рейсовый Икарус, раскачивать и ломать который провожающие не решились. Пятерых призывников посадили в конце салона, и автобус плавно тронулся. Через окно Валентин смотрел на маму, которая тихонько плакала, уже когда автобус отъехал от перрона, она, спохватившись, запоздало начала махать рукой, надеясь, что сын ее видит. Валя видел и даже махнул рукой в ответ, но больше машинально. Автобус повернул, и толпа провожающих исчезла, за стеклом побежали серые дома с темными окнами, город еще спал. Именно таким он и остался в памяти Валентна на два года его отсутствия.

До областного центра ехали два часа. Под равномерный гул двигателя, после бессонной ночи Валентин задремал. Проснулся он, когда кто-то настойчиво тряс его за рукав разрисованной телогрейки. Открыв глаза, Валентин не поверил увиденному. Автобус и люди оставались теми же, что и два часа назад, а тот, который будил его, был в форме с васильковыми погонами и лычками сержанта, на погонах желтели большие буквы ГБ.

– Вставай, – тряс его сержант.

Пытаясь осознать, что происходит, Валентин схватил военного за рукав шинели и сильно дернул на себя.

– Ты что? – еле удержавшись на ногах, крикнул сержант. – Вставай, говорю, на выход.

Оглянувшись и не обнаружив своих соратников, Валя встал и пошел вслед за сержантом. Четверо призывников с прапорщиком курили на остановке. «Еле растолкал», – сказал сержант, подходя к ним. Валентин спросонья озираясь в попытке сориентироваться, единственное, что он понял, что находятся они в центре большого города.

– Кури, – услышал он приказ прапорщика.

– Не курю.

– Тогда жди, сейчас докурим и пойдем.

Икарус уехал. По широкой дороге мчали автомобили, прохожие совершенно не обращали внимания на курящую группу призывников на остановке.

– Докурили? Тогда за мной. Сержант замыкающий, – скомандовал прапорщик.

Прошли буквально пятьдесят метров и завернули в арку большого дома. Во дворе стояло одноэтажное здание с единственным входом и табличкой справа от двери, на которой Валентин разглядел надпись «Областной военкомат». Внутри было много народа и как-то суетливо. «В зал веди их», – бросил прапорщик сержанту, а сам направился в комнату дежурного. В большом зале, куда привел сержант, находились, судя по внешнему виду, такие же призывники, половина из них спала, развалившись на креслах. «Располагайтесь», – махнул рукой на зал сержант. Свободные места были только на первом ряду, и все пятеро заняли их в ожидании дальнейшего. Через десять минут дверь открылась, и прежде чем кто-то зашел, сержант вскочил на ноги и громко крикнул: «Встать! Смирно!». Встать получилось не у всех, спящие испуганно вытаращив глаза, пытались подняться, но получалось плохо. «Вольно», – сказал

вошедший майор с васильковыми просветами на погонах. Дождавшись, когда в зале наступит относительная тишина, он начал:

– Здравствуйте. Обращаться ко мне можете «товарищ майор». Моя фамилия Козлов, я командир двенадцатой роты Отдельного орденов Октябрьской революции и Красного знамени Краснознаменного Кремлевского полка. Будем знакомы.

Все молчали.

– Я буду сопровождать вас к месту службы, – продолжил он. – Сержант будет мне в этом помогать, – кивнул в сторону кремлевца майор.

Все молчали.

– Теперь к делу. Кто из вас Селиванов? – обвел взглядом зал майор.

– Я Селиванов, – раздался ответ с последнего ряда.

– Вставай, – как-то по-отечески тепло попросил его майор.

Назвавшийся Селивановым встал.

– Молодец, – похвалил его военный. – Теперь собирай вещи – и праздновать второй день. У него вчера свадьба была, – отвечая на повисший в воздухе вопрос, сказал майор. – Экономный, наверное? – спросил он Селиванова. – Решил и проводы, и свадьбу объединить?

– Нет, так получилось, – не понимая, в шутку или всерьез отправляет его домой майор, пробормотал не состоявшийся призывник.

– Все, собирай вещи, поздравляю с бракосочетанием, – подвел итог майор. – Теперь всех касается, – сразу забыв про Селиванова, продолжил он. – Сейчас раздеваемся до пояса и на медкомиссию.

«Опять комиссия. Сколько можно», – подумал Валя, стягивая с себя свитер.

– Смотри-ка, сержант, ни одного с наколкой, я-то думал, что повезет, и второго сразу отсеет, не получилось, – услышал Валентин, находясь ближе всех, разговор военных. «Значит, один лишний, – подумал он. – Теперь все по-новому. Хоть бы не забраковали из-за перелома от качели». Домой Валентину решительно не хотелось. Следующие два часа призывники толкались в очередях к кабинетам врачей. Осматривали быстро и как-то халатно. Валентин задержался только в кабинете у зубного. Женщина-врач с марлевой повязкой и в очках, быстро осмотрев его, спросила: «Пломба давно выпала?» – «Месяц назад где-то?», – ответил Валя. – «Ставить будешь?» – «Когда?» – «Сейчас». – «А вам это надо? – стесняясь своего перегара, спросил Валя. – В армии поставлю». – «В армии вырвут. Не жалко?» – спросила врач. – «Вас жалко», – ответил, краснея, призывник. – «Работа у меня такая. Я быстро», – уговаривала женщина. – «Ну хорошо. Давайте», – чувствуя себя неловко, позволил Валя. Вместо одной пломбы сердобольная стоматолог, расковыряв еще один зуб, поставила две. Через полчаса, покидая зубного, Валентин встретил недоброжелательные взгляды будущих однополчан, скопившихся в очереди перед кабинетом. Зубной был последним в списке врачей, и Валя отправился в зал, где осталась одежда. Сержант явно скучал, к вошедшему призывнику он не проявил никакого интереса. Валентин оделся и сел на свое место в ожидании остальных. Приблизительно через полчаса постепенно вернулись все призывники, еще через пятнадцать минут пришел майор.

– Встать! Смирно! – заорал сержант.

– Вольно, – садясь на стул возле трибуны, разрешил, майор. – Фролов кто? – Подняв взгляд на зал, назвал он фамилию очередного «счастливого».

– Я! – неожиданно раздался голос парня сидевшего рядом. Это был Дима, земляк Валентина. Успели познакомиться на вокзале, фамилию тогда Валя не запомнил или не расслышал, но сути это не меняло.

– Я Фролов, – повторил Дима.

– Так, Фролов, собирай вещи, домой поедешь, в военкомате отметишься, и пусть тебя в другие войска призывают.

– А в чем дело? – спросил Дима у майора. Ростом он был выше 190 сантиметров и внешне очень крепок, настолько крепок, что с трудом верилось в его возраст. Выглядел он лет на двадцать – двадцать два, не меньше.

– Лишний вес, – спокойно ответил майор. – Для кремлевца много. Похудеть тебе надо килограмм на пятнадцать.

В полной тишине несостоявшийся воин-кремлевца начал собираться. Дождавшись, когда он выйдет, майор продолжил:

– Пять минут на сборы и строиться на улице, – скомандовал он. – Сержант старший, – закончил майор, выходя в коридор.

Оставшиеся тридцать новобранцев вырвались на улицу, многие закурили. Майор вышел через десять минут, с высоты крыльца он осмотрел оставшихся и громко крикнул: «В колонну по два становись!». Как это сделать, никто не знал, все начали оглядываться и переминаясь с ноги на ногу, не зная, с чего начать. «Вольно, – вздохнул майор. – За мной идите, сержант замыкающий». Так, толпой, которая по ходу движения все-таки построилась в некое подобие колонны, двинулись за майором. Перешли большую улицу и два квартала шли прямо, потом майор свернул направо, к большому зданию, отделанному белым мрамором. Подойдя ближе, Валентин прочитал табличку на фасаде: «Областное управление Комитета государственной безопасности» – гласила она. Через проходную по одному мимо дежурного прапорщика прошли сразу на второй этаж. В зале гораздо большего размера, чем в военкомате, сержант скомандовал: «Размещайтесь». И подождав последних, добавил: «Не расходиться, вести себя тихо, я скоро приду, суточные выдавать буду». Известие о том, что будут давать деньги, вызвало восторг призывников. «Тихо!» – рявкнул сержант и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Зачем им нужны суточные, Валентин не понимал. У каждого из тридцати призывников была сумка или рюкзак, были даже пара чемоданов, в которые родители напихали продуктов, не зная, когда их детей будут кормить. На запасах, которые бережно упаковала мама Валентину, он мог спокойно прожить неделю, на что при этом тратить деньги, он не понимал. Пока ждали сержанта, начали потихоньку знакомиться. Выяснилось, что из тридцати призывников восемнадцать были из столицы области, остальные двенадцать представляли областные военкоматы. После того как Фролова отправили домой, настоящих земляков у Валентина осталось трое. Вернее, двое прямо из города, где жил Валя, и третий был из деревни, находившейся неподалеку от города. Городских звали Сергей Марков и Дима Балышев, деревенского – Дима Курилко. Время шло, никто не приходил, делать было нечего. Один из призывников в наступившей тишине вдруг спросил:

– А что, никто не хочет голову полечить?

– А что, есть? – спросил кто-то в ответ.

– Конечно, – радостно подтвердил первый.

Звали его Сергей Литвин из центрального района города, был он высок, крепок, светло-волос, сквозь короткий ежик волос на его голове отчетливо белели шрамы, которых Валентин насчитал восемь штук.

– Так наливай, раз есть, – вставая, сказал парень в широченных клешах с ярко-желтым лампасом во всю длину брюк.

Только сейчас Валентин обратил внимание, что практически все призывники были в штанах с лампасами, только цвет был у всех разный. На штанах у Сергея они были красные, почти генеральские.

– Володя, – протягивая руку с непонятно откуда взявшимся стаканом, представился «желтый» Сергею.

– Сергей, – еще раз назвал себя обладатель красных лампасов. Пока Сергей наливал в стакан водку, Вова внимательно изучал его голову.

– Поди, пару шрамов-то мои будут, – вдруг сказал он, не отрываясь от своего занятия.

– Может быть, – ответил Сергей. – Кто вас, тракторо-заводских, помнить-то будет? Что было, то было, теперь у всех одинаковые штаны будут, – протягивая обратно «желтому» стакан, закончил он. Дело в том, что вся молодежь большого города была поделена на районы, между которыми постоянно вспыхивали конфликты, перерастающие в крупные драки на пограничных пустырях районов. Чтобы как-то различать своих, каждый район пришивал на штаны лампас определенного цвета. Именно поэтому можно было определить принадлежность каждого к той или иной банде с рабочих окраин города.

– Теперь все земляки! – завершил мысль «красный». – Подходи, народ, кто будет? – Пригласил он остальных.

Народ оживился, выяснилось, что каждый прихватил с собой горячительное. Владелец красных лампасов невольно стал центром распития и более близкого знакомства призывников. За этим занятием их застал сержант, про которого уже все забыли.

– Вы что, с ума сошли? – грозным шепотом зашипел он, держа дверную ручку так, чтобы никто не открыл дверь снаружи. – Быстро сели на места, – уже громче сказал он.

На место сели, но посуду не убрали.

– Вы хоть понимаете, где вы находитесь? – продолжал сержант. – Выгонят к чертям собачим в Советскую армию, узнаете тогда!

– Так это тебя выгонят, – засмеялся Литвин. – Нас-то за что, мы присягу не принимали.

– Так и не примите. Фамилия? – не успокаивался сержант.

– Литвин, – ответил Сергей.

– Я тебя запомнил, – пытаюсь испугать призывника, зло процедил сержант.

– А Кремлевский полк не Советская армия, что ли? – спросил вдруг Валентин.

– Китайская, – Ответил за сержанта Литвин.

Зал потонул в хохоте.

– Тихо! – заорал сержант. – Вы что тут устроили? Вам проблемы нужны? – побагровев, переходя на командный тон, зарычал он.

– Успокойся сержант, – миролюбиво перебил его Сергей. – Ну что орать, сам, что ли, на проводах не пил? С какого района, лучше скажи.

– С области я, – вдруг спокойно ответил сержант.

– Ну вот, можешь же нормально общаться, – продолжил так же спокойно Сергей. – Накати лучше, – протянул он свой стакан. – Выйди на шухер, – отправил в коридор ближнего к дверям парня Сергей, помогая сержанту сделать правильный выбор. Повисла пауза, все ждали, что дальше. Сержант, поколебавшись, взял стакан и залпом опрокинул содержимое внутрь.

– А-а-а-а! – зашумел зал.

– Тихо! – теперь остановил пыл призывников Сергей. – Что орем? Сказано же, тихо! Все сидим, пьем, не орем, – подвел он итог конфликта, подмигнув сержанту, занюхивающему водку шапкой. – Мы тихонько, не переживай, – закрепляя результат, он протянул сержанту куриную ногу.

– Ладно, только тихо, – сдался кремлевец. – Позовите этого? Как его?

– Ну, из коридора? – щелкая пальцами, пытался вспомнить имя соратника Сергей.

Дальше пили уже без опаски, через некоторое время Литвин спросил сержанта:

– Расскажи хоть, что это за Кремлевский полк? А то народ не понимает, че там делать-то?

– Служить, что делать? – вопросительно посмотрев на стакан, ответил тот.

Перехватив взгляд сержанта, Сергей наполнил стакан и вместе с бутербродом протянул его будущему однополчанину.

– Полк как полк, – неопределенно начал сержант.

– Маршировать, поди, с утра до вечера? – наводящими вопросами постарался разговаривать сержанта Литвин.

– В первую роту попадешь, будешь маршировать, – обращаясь к одному Сергею, ответил сержант.

– А ты в какой? – продолжал расспрашивать Литвин.

– В девятой. Мы у Мавзолея не стоим.

Вторые полстакана на секунду приостановили допрос. Дальше вопросы посыпались со всего зала. Сержант еле успевал поворачивать голову в сторону очередного. Выяснилось, что полк состоит из трех батальонов, первые два строевые, третий строительный. В первом и втором батальонах по пять рот, в третьем три роты, всего тринадцать. При этом у Мавзолея стоят только те, кто служит в первой роте. Со второй по девятую строевые роты несут караульную службу по охране самого Кремля и правительственного аэропорта Внуково, десятая рота пожарная. Валентин даже представить себе не мог, сколько всего разного было в полку. Одно он понял сразу: у Мавзолея ему не стоять точно. Сержант сказал, что рост «первопостников» должен быть 185 и выше, у Валентина было 180 ровно. Радоваться этому или расстраиваться, он еще не решил, но точно для себя определил, что третий батальон не для него. Что интересного в ремонте, пусть даже и в Кремле.

– А долго тут сидеть? – спросил кто-то из зала.

– До восьми вечера. Кстати, получите суточные, – вспомнил сержант, доставая из внутреннего кармана ведомость с фамилиями призывников. Раздав деньги, сержант сказал:

– Кто курит, по два человека могут выходить, в конце коридора туалет. Куда вскочили, по два человека, я сказал, – посадил он вдруг поднявшихся разом призывников.

– Литвин за старшего, – назначил он самого активного следить за порядком и первым вышел на перекур. Последующие часы все занимались чем хотели: кто-то пил, кто-то спал, некоторые даже писали письма, как они и, главное, когда собирались их отправлять, было непонятно. Пересчитав весь алкоголь, решили половину оставить на поезд, все-таки ехать полутора суток. Ровно в восемь вечера пришел автобус. Всех посадили в салон, и десять минут ждали майора. Зайдя в автобус, он потянул носом воздух и укоризненно посмотрел на сержанта.

– Остаточное, – соврал тот, пытаясь дышать в сторону.

За двадцать минут доехали до железнодорожного вокзала. Всех построили на перроне. Вдруг не пойми откуда появилась толпа родственников местных призывников. Майор сначала пытался прекратить родственные объятия, но быстро понял, что бесполезно, махнул рукой и отошел в сторону. Родственники, воспользовавшись бесконтрольностью, изрядно пополнили запасы алкоголя и закуски для своих чад. В восемь пятьдесят подошел поезд. Майор поделил всех на три части и рассадил в три вагона по десять человек в каждый. Ровно в девять вечера поезд тронулся и, набирая скорость, повез будущих воинов-кремлевцев в сердце родины.

В вагоне поезда Валентин занял верхнюю по ходу движения полку. Кинув телогрейку на матрас, он развязал свой рюкзак и выложил все запасы на стол купе. Из десяти мест, предназначенных для новобранцев, только четыре были в купе плацкарты, остальные в проходе, поэтому все призывники, расположившись на своих местах, вскоре собрались в купе. Предупрежденные сержантом о возможной проверке майора, алкоголь не доставали. Через полчаса, когда поезд уже миновал городские окраины и набрал приличную скорость, пришел майор. Убедившись, что призывники ведут себя тихо и не распивают, он пожелал всем спокойной ночи и ушел в свой вагон. Выдержав паузу минут в десять, достали водку. Валентин, выпив больше для приличия, залез к себе на полку и, свесив голову, наблюдал за происходящим сверху. Пить ему больше не хотелось и вскоре, укрывшись, расписанной телогрейкой, он заснул. Пару раз его будили будущие сослуживцы, тыкая в нос стаканом с водкой, но поняв, что это бесполезно, потеряли к нему интерес. Бессонная ночь проводов и последующий день, полный новой информации и водки, сделали свое дело. Валентин спал крепко и без сновидений. Утром, проснувшись, он с удивлением заметил, что праздник последних гражданских дней продолжался, только теперь в купе были посторонние мужики и, самое главное, девушки. Кто-то на

нижней полке под Валентином играл на гитаре и громко хрипел матерные песни популярной группы «Сектор Газа». Свесив голову, Валентин увидел музыканта, им оказался Литвин, непонятно что делающий в этом вагоне, ехать он должен был рядом с майором.

– Дембель проспидишь! – оборвав на полуслове песню, поприветствовал он Валентина. – Ну, ты спать, уже одиннадцать, – продолжил он, отложив гитару, – надо майору сказать, чтобы тебя в пожарную роту зачислили, спишь, как пожарный.

Купе взорвалось смехом. Валентин, неожиданно ставший центром внимания, слез вниз.

– Только вместе с тобой, – парировал он. – Веселый ты.

– А то! – заржал Сергей. – Мне хоть в пожарные. хоть к Мавзолею, главное, чтоб кормили.

Услышав о еде, Валентин понял, что голоден.

– Есть че пожрать? – озирая стол, поинтересовался он.

– Навалом! Девчонки, организуйте завтрак защитнику родины, – по-хозяйски распорядился Литвин, как будто не в поезде ехали, а дома на кухне сидели. Пока наводили порядок на столе и накрывали заново, Валентин сходил, умылся. Возвращаясь, он заметил, что все его вчерашние попутчики спали.

– Почему я пожарный? Все спят, – спросил Валентин у Литвина, очищая куриное яйцо.

– Так они только легли, а ты всю ночь давил, – потянувшись за гитарой, ответил тот. – Хорошо хоть девчонки согласились поддержать, а то ехал как сыч один, послать некого. Ну, что спеть? – обратился он уже к гостям и перебрал пальцами струны.

Посыпались просьбы. Выбрав самую похабную, Сергей запел. Несмотря на середину октября, снега совсем не было, и за окном тянулись голые бесконечные поля с редкими перелесками облетевших берез. Кто-то из соседей пододвинул Валентину стакан с водкой, взглянув на который Валентин поморщился и мотнул головой, отказываясь. Так с песнями и ехали. Литвин постоянно шутил и заигрывал с попутчицами, вгоняя их в краску матерными песнями. Постепенно в купе начали появляться призывники, и Валентин, воспользовавшись случаем, уполз к себе на вторую полку. Уставившись в потолок, он одно время прислушивался к происходящему в купе, но мерный стук колес и качающийся вагон незаметно усыпили его.

– Ну, точно пожарный! – услышал он голос Литвина, который тряс его, пытаясь разбудить: – Самара! Вставай! Станцию проспидишь! – под хохот купе орал он.

«При чем тут Самара», – в панике, спросонья думал Валя, скатываясь кубарем вниз. Его поймали, чьи-то руки, не позволив упасть на стол.

– Я же говорю, пожарный! – заикаясь от смеха, веселился Литвин.

Все еще не до конца придя в себя от такого резкого пробуждения, Валентин вертел головой в попытке сориентироваться. Поезд стоял, за окном было темно, только вокзальные фонари освещали перрон.

– Самара, братан! – громко сообщил Литвин.

– И что? – вытаращил на него глаза Валентин.

– Пойдем, подышим, а то здесь сдохнуть можно. Я думал, ты уже преставился. Как можно тут спать? – потащил Валентина за рукав на улицу Сергей. Только оказавшись на перроне, Валентин понял, насколько был прав товарищ. От свежего воздуха закружилась голова, и ноги предательски подкосились. Литвин подхватил чуть не упавшего сослуживца под руки.

– Тихо, тихо, тихо, – скороговоркой застрочил он. – Стоять! Смотрю, лежишь на спине, бледный весь, как покойник, – продолжил он. – Ну, думаю, так не пойдет, надо тебя на воздух, хотел сначала в тамбур вытащить, а тут Самара как специально. Вот и растолкал тебя. А то сдохнешь, с кем я Кремль тушить буду?

– Спасибо, – на выдохе сказал Валя.

– На здоровье, – затыгиваясь сигаретой, ответил весельчак. И тут же переключившись на пробегающую мимо бабку с пирожками, начал с ней торговаться:

– Почем щенята, мать? – огорошил он ее вопросом.

– Какие щенята, сынок?

– Да те, из которых ты этих пирожков настряпала.

– Типун тебе на язык с меня ростом! – зло плюнула под ноги Сергею бабка.

– А что, с котятами, что ли? – не унимался тот.

– С картошкой по цене котят, – ответила бабка, судя по всему, привыкшая к постоянным шуткам пассажиров.

– Ну, тогда десять штук давай по цене за девять, – доставая рубль, торговался Сергей.

– Держи, милоч, – развернув одеяло, закрывающее сумку, начала передавать Литвину пирожки бабка.

– Далась тебе эти пирожки, – когда торговка отошла к соседнему вагону, сказал Валя.

– Скучно, – бросил Сергей, закуривая вторую сигарету.

Состав вздрогнул, лязгнув сцепкой.

– Перецепились. Пошли, а то в армию опоздаем, – поднявшись на ступеньки вагона и отбрасывая окурки, позвал Сергей Валу.

Валентин проводил взглядом дугу, описанную красным угольком окурка, вдохнул полной грудью и начал подниматься вслед за Сергеем. После пропитанного креозотом, но все равно свежего воздуха перрона в вагоне дышать было решительно нечем. Запахи еды, перегара, вспотевшей одежды перемешались в некую субстанцию, которую при желании можно было увидеть и даже потрогать. Едва зайдя в вагон, Валентин, тут же вышел обратно в тамбур и раскрыл дверь в надежде хоть маленько проветрить. Поезд медленно катил по Самаре. Пытаясь разглядеть город, Валентин прижался головой к стеклу, но кроме череды огней ничего не было видно. Въехали в промзону, потянулись бесконечные заборы. Закрыв за собой дверь, Валя пошел в купе. Отоспавшиеся за день призывники вовсю гуляли, в этот водоворот праздника попали уже почти все пассажиры вагона. Смех, визг, брэнчание гитары превратились в фон сродни стуку колес и воспринимался как естественный. Валентин не хотел принимать участия в этой вакханалии последних часов гражданской жизни, поэтому, посмотрев на происходящее, пошел в вагон к майору, намереваясь занять место Литвина, все равно тот до Москвы добровольно постарается не попадать на глаза офицеру. Без труда найдя Серегино место, которое было не застелено, он завалился спать. «Действительно, как пожарный», – усмехнулся он своему сравнению. В вагоне майора было тихо и спокойно, под мерный стук разгоняющего поезда он почти мгновенно заснул.

Поезд прибывал в столицу в шесть утра. В пять часов Валентина кто-то начал трясти:

– Вставай, собирайся, подъезжаем, – услышал Валя голос сержанта. Повернувшись, он уперся взглядом в удивленное лицо кремлевца.

– Ты что тут делаешь?

– В армию еду, – честно ответил Валя.

– А этот где? – испуганно оглянулся сержант в поисках Литвина.

– На моем месте, мы поменялись, – успокоил его призывник.

– Хорошо, собирайся, – сказал сержант и направился в следующий вагон.

Представив, какую картину сейчас тот увидит во втором вагоне, Валентин вздрогнул от отвращения всем телом. Сам он великолепно выспался и хвалил сам себя за то, что принял правильное решение не продолжать пьянку. Умывшись, он отправился собирать вещи. По сути, ему надо было забрать только телогрейку, в карманы которой он распихал все туалетные принадлежности, от продуктов он избавился еще при посадке в поезд. В вагоне-празднике уже, или еще, никто не спал. Вид у всех был одинаково помятый и грустный. Было ощущение, что все двигаются как в замедленном кино. Литвин же, наоборот, был бодр и подозрительно весел, на гитаре он уже не играл, но что-то радостное насвистывал. Увидев Валентина, он широко раскинул руки.

– Какие люди! Мы-то его потеряли, а он – вот он! Жив, здоров, весел! Ты где прятался, братан?

– На твоём месте.

– Ловко, там мы тебя точно бы искать не стали, – засмеялся Литвин. – Правильно говорят, – продолжил он, – хочешь что-то спрятать – положи на самое видное место.

Состав сбавил ход и тихонько катился по спящей Москве. Валентин вышел в тамбур и в окно разглядывал город, в котором ему предстояло прожить два года.

– Был в Москве? – раздался сзади голос.

– Нет, – не поворачиваясь, ответил он.

– Я тоже, – продолжил незнакомец. – Я вообще нигде не был.

Валя повернулся. Перед ним стоял земляк Дима Курилко.

– Вот и посмотрим, – подмигнул ему Валентин.

Прибыли без опоздания.

Вывалившись из душных вагонов на перрон Казанского вокзала, призывники интуитивно сбились в кучу напротив среднего вагона в ожидании майора с сержантом. Люди, вышедшие из поезда, молча поворачивали направо и быстро шли к выходу, обходя стороной толпу молодых людей. Валентин, осматривая старый вокзал, заметил, что по перрону в их сторону бегут милиционеры, человек десять–двенадцать. С расстояния метров в тридцать бегущий первым, в звании капитана, истошно заорал: «Стоять! Стоять, я говорю!». Валентин обернулся в поисках того, за кем гнались милиционеры, но на перроне никого, кроме призывников, не было. В следующее мгновение началось, что-то необъяснимое. Капитан милиции замедлил бег, пропуская вперед постовых, отстегивающих на ходу резиновые дубинки от пояса. «Стоять, всем стоять!», – до сих пор непонятно к кому обращаясь, орал он. Первого подбежавшего милиционера прямым ударом в челюсть Литвин отправил в глубокий нокаут. Ноги постового обмякли, и он, заваливаясь на бок, упал прямо в руки опешившему Валентину, сбив его своим весом. Бегущие за первым милиционеры вдвоем сбили с ног Сергея и покатались кубарем по перрону, молотя дубинками Литвина и асфальт. Валентин выполз из-под бессознательного тела милиционера и, не успев встать на ноги, почувствовал, как кто-то, сильно дернув его за ворот телогрейки, поднял на ноги и силой шлепнул лицом об вагон поезда. Через полсекунды рядом с ним так же шлепнулся об вагон Сергей Литвин. Головы обоих призывников чьи-то сильные руки прижимали к вагону, и повернуть шею не получалось. Справа и слева орали милиционеры: «Стоять, руки на вагон, ноги шире!»

– Что здесь происходит, капитан? – вдруг раздался голос майора.

– Не мешай! – отмахнулся милиционер.

– Что? Ко мне бегом, капитан? – крикнул майор так, что сразу стало тихо.

Рука, державшая голову Валентина, куда-то пропала. И он, воспользовавшись этим, резко всем телом развернулся, стоявший рядом милиционер, ткнув дубинкой в грудь, прижал его опять к вагону. Все призывники стояли вдоль вагона, у половины были подняты вверх руки. Двое постовых ладошками хлопали по лицу и трясли лежавшего у самых ног Валентина милиционера.

– Ты что тут устроил, дебил? – орал на капитана майор, сунув прямо в нос милиционеру раскрытое удостоверение. – Это мои люди. Проблем захотел? Я устрою. Всю жизнь в лейтенантах по перрону бегать будешь, – понизив сразу на два звания милиционера, сыпал он угрозами:

– Забирай своих придурков, и чтобы я вас не видел. Бегом! – рявкнул майор, пряча удостоверение в карман.

– Я подумал, люберецкие приехали на гастроли, москвичей бить, – попытался оправдаться капитан.

– Какие гастроли? Пьяный, что ли, устроил тут цирк! – разносил его майор.

Капитан весь красный от злобы и бессилия перед гэбэшным майором, процедив сквозь зубы: «За мной», пошел в сторону вокзала.

– Стоять! – громко крикнул майор.

Капитан остановился.

– Я сказал бегом. Плохо слышите, капитан? Бегом! – скомандовал милиционер.

– Отставить! – не унимался майор. – Куда ты пошел? У тебя боец лежит!

Пострадавший милиционер уже, кстати, сидел на асфальте и вращал удивленно глазами. Два милиционера аккуратно поддерживая под руки, подняли коллегу и медленно тронулись в сторону выхода. Навстречу им торопливо бежали три сержанта Кремлевского полка.

– Где вы должны быть? – грозно спросил их майор, когда они доложили о прибытии.

– На перроне, – ответил один из них.

– Выговор! – не вдаваясь в подробности, бросил майор. – По прибытию доложите своим командирам. Проверю. Строиться! – наводил порядок на перроне майор. Собрав разбросанные вещи, призывники кое-как построились в колонну и, окруженные со всех сторон сержантами, направились к выходу с вокзала.

– Ты зачем мента уронил? – шепотом спросил Валентин Сергея.

– Инстинкт, – потирая ушибленную голову, ответил тот. – Попали все-таки по башке, – сделал он вывод.

На привокзальной площади стояло три припаркованных ГАЗ-66, почему-то с гражданскими номерами. Разместив призывников по машинам, майор сел в кабину головной в автоколонне, а сержанта, приехавшего с ним, посадил в последнюю. Опоздавшие сержанты залезли в кузова. На всех машинах задернули тенты. Медленно выруливая с площади, колонна тронулась в часть. Несколько минут ехали молча. Потом сержант, сидевший возле самого борта, спросил:

– Продукты остались?

Все переглядывались, не зная, что ответить.

– Продукты, говорю, остались? – повторил он свой вопрос.

– Остались, – один за всех ответил кто-то из глубины кузова.

– Тогда ешьте сейчас. Когда приедете, все заберут.

– Совсем все?

– Совсем, – спокойно ответил сержант.

Призывники заерзали, изучая содержимое своих сумок.

– Что, и колбасу заберут?

– А яблоки?

– Пряники можно? – то и дело раздавались вопросы.

Сержант, сначала отвечающий на каждый, в конце концов психанул:

– Все заберут и выкинут. Тупые что ли?

– Так жалко ведь колбасу выкидывать?

– Если жалко, сюда складывайте, – вытаскивая из-за пазухи шинели вещь-мешок, неожиданно сказал сержант. – Все, что в мешок не положите, отберут, – напомнил он. За несколько минут вещь-мешок забили продуктами так, что сержант с трудом смог его завязать.

– А когда нам это вернут? – задал вопрос переживающий за колбасу новобранец.

– Никогда.

– А зачем тогда в мешок складывали? – не унимался он.

– Это «дедушкам» на ужин. Вам не положено, – ответил сержант.

«Не положено», – отметил для себя Валя новое словосочетание. Про дедовщину он, конечно, слышал. Отслужившие друзья и знакомые много рассказывали об этом явлении в Советской Армии. В основном, это были страшилки про то, как «молодых» бьют и отбирают все, начиная с денег и заканчивая вещами. Как себя вести, столкнувшись с этим, Валентин еще не решил, полагая действовать по обстановке. Фраза, брошенная сержантом, подсказы-

вала, что «не положено» теперь Валентин будет слышать часто. Ехали минут сорок. Сначала часто останавливались на светофорах, потом поехали быстрее и практически без остановок. Вскоре остановились, и сержант с помощью одного из новобранцев закинул наверх тент. У борта машины стоял солдат с васильковыми погонами.

– Привет, – поздоровался он по-граждански с сержантом. – На, спрячь, – протянул ему мешок старший по званию. – Сейчас разгрузимся, пришлю кого-нибудь.

Машина дернула вперед, и сержант чуть не выпал через невысокий борт «шестьдесят шестого». Две минуты ехали по лесу, сквозь деревья были видны строения, больше похожие на склады или гаражи. Остановились возле одноэтажного здания. Сержант, не дожидаясь, выпрыгнул через борт, подошедший водитель с лычками ефрейтора открыл замки борта и откинул его вниз.

– На выход! – скомандовал сержант.

Оглядываясь, новобранцы выпрыгивали из машины. Вокруг был лес. Одноэтажное здание оказалось баней, напротив нее между сосен стояла большая армейская палатка

– Туда пошли, – махнув в сторону нее, распорядился сержант. В палатке был полумрак, у дальней стены располагался стол, по краям палатки стояли табуреты. Прямо на столе сидел высокий кремлевцев в звании старшины и от скуки болтал ногами. Дождавшись, когда все сгрудились посередине, он, улыбнувшись, раскинул руки.

– Садитесь. Добро пожаловать в Отдельный орден Красного знамени и Октябрьской революции Краснознаменный Кремлевский полк! – радостно поприветствовал он новобранцев, когда все разместились на табуретах. – Сейчас слушаем и запоминаем, – сразу перешел он к делу. – Вещи оставляем в углу. – Ткнул пальцем в сторону старшина. – По десять человек идем в баню, вход прямо напротив палатки. Помывшись и переодевшись, возвращаемся обратно в палатку. Вопросы? Нет вопросов. Тогда ты, – указал он на крайнего справа новобранца, – бери табуретку, садись посередине.

Будущий боец молча сел.

– Каптер! – громко крикнул старшина. В палатку зашел невысокий рядовой в хромовых сапогах. – Начинай, – кивнул старшина на новобранца. Каптер, достав из кармана галифе машинку, размотав провод, подключил его к длиной переноске. Напевая. «Крашу, крашу я заборы», он с видимым удовольствием начал состригать волосы с головы новобранца под ноль.

– Следующий, – громко сказал он, закончив.

– Ты, – указал старшина на очередного, с правой стороны. Алгоритм был понятен, дальше все происходило без команд. Когда остриженных набралось десять человек, старшина скомандовал:

– Первые десять – на выход мыться!

Валентин оказался в третьей десятке вместе с Литвиным. Когда процесс стрижки подходил к концу, в палатку начали возвращаться уже переодетые в форму солдаты. Первого из них старшина назначил старшим.

– Когда все придут, никого не выпускать, – поставил он задачу. – Я скоро.

Третья десятка отправилась в баню.

В большом предбаннике стояли два стола, за каждым сидело по два сержанта. Слева от входа, перегородив угол, находилась ширма. Дождавшись, когда за последним закроется дверь, один из сержантов начал:

– Раздеваемся. Если вещи домой отправлять не будете, то кидайте их за ширму. Потом к столу, – хлопнул он ладонью по крышке. – Если вещи отправлять будете, то с вещами туда, – указал на второй стол сержант.

Валентин разделся и, не раздумывая, перебросил всю одежду через ширму. Сергей сделал то же самое. Подошли к первому столу.

– Фамилия. Имя. Отчество, – не поднимая головы, спросил сержант у Сергея.

- Литвин Сергей Николаевич.
- Следующий, – через несколько секунд позвал сержант Валентина.
- Подождите! – вдруг, уставившись в ведомость, сказал Сергей.
- Что? – поднял голову сержант.
- Не Литвинов, а Литвин, – показал на ошибку Сергей.

Сержант зачеркнул неправильную фамилию и рядом написал «Ли-Твин». Прочитав написанное, он удивленно посмотрел на Сергея:

- Китаец что ли?
- Русский, – оторопел тот.
- А это? – показал сержант ручкой на фамилию.
- Так без тире, просто Литвин, – поправил его Сергей.
- Следующий! – крикнул сержант, исправляя ошибку. – Нормально?
- Да.
- Иди в баню, – послал сержант несостоявшегося китайца.

Кусок мыла выдали при входе в душевую. Валя мылся долго, почему-то не хотелось выходить, за противоположной дверью, куда уходили помывшиеся, ждала новая жизнь. Она не пугала. А была неизвестна, интересна и пока абсолютно непонятна. Минуты, проведенные под потоком воды, были последними минутами всей его предыдущей жизни, с которой почему-то расхотелось расставаться. Валентин покинул душ последним. В комнате, в которой он оказался, стояли длинные лавки, сидя на которых новоиспеченные военные пытались мотать портянки. В противоположной от двери стене было окно, из которого торчал солдат без кителя, в одной нательной рубахе.

- Сюда проходим, солдат, – позвал он Валентина. – Рост? Размер ноги?
- 180. 42.

– Держи, – протянул ему военный свернутые портянки, в которые были замотаны кальсоны и нательная рубаха. Валя оглянулся в поисках свободного места.

- Вот это должно подойти, – ткнул сапогами в бок Валентина солдат из окна.

Одеваясь, Валентин с удивлением заметил, что форма не новая. На гимнастерке были дырки от значков предыдущих собственников, на галифе в двух местах следы зашитых разрывов. Взглянув на Литвина, сидевшего напротив, он увидел на его плечах сержантские погоны.

- Поздравляю! – улыбнулся Валя. – Быстро тебя повысили.
- Ага, за борьбу с милицией, – заржал Сергей.

Вернулись в палатку, старшина уже сидел на столе.

- Наконец то. Последние?
- Да.

– Слушаем тогда, – открыв папку, лежавшую рядом, сказал он, – запоминаем цифру, которую я назову вместе с фамилией, – начал читать список старшина. У Валентина оказалась цифра три у Литвина четыре. Земляки Вали по военкомату Марков и Балышев получили соответственно цифру один, Курилко цифру три. Закончив читать, старшина спрыгнул со стола.

- До новых встреч, – помахивая папкой, вышел он из палатки.

Оставшись одни, новобранцы начали разглядывать друг друга, прикалываясь новому облику. Половина была в форме со званиями, что вызвало огромное количество шуток. Постепенно развеселились так, что кто-то с улицы крикнул: «А ну-ка, тихо там!». Примолкли, но ржать не прекратили, перешли на громкий шепот. Через десять минут в палатку вошли четыре сержанта, и смех мгновенно смолк.

- Цифра один – на выход, – скомандовал правый.

Дальше по порядку номеров все пошли в одном направлении, каждый за своим сержантом. Обладателей цифры три было меньше всех, всего пятеро. Растянувшейся цепочкой обошли баню с правой стороны и оказались на большом плацу, с одной стороны которого стояла

большая четырехэтажная казарма. Пройдя вдоль казармы, зашли в левый подъезд и поднялись на третий этаж. Все оказалось до банальности просто: цифры обозначали номер роты, которые располагались с первого до четвертого этажа соответственно. Напротив двери, ведущей на лестницу на коврике, возле пока непонятной конструкции, напоминающей одновременно маленький шкаф либо закрытую вешалку, стоял солдат. При появлении сержанта он, зажмурившись, заорал: «Смирно!». Сержант, зажав рукой рот, тихо засмеялся. Из левой двери в конце коридора выскочил сержант с красной повязкой на правой руке. Поскользнувшись, он замахал руками в попытке сохранить равновесие. Глядя на него вошедший с новобранцами сержант, согнувшись пополам, ржал во весь голос. «Ха-ха-ха-ха!», – эхом разлетелось по пустой казарме. Дежурный, уже восстановив равновесие на полусогнутых, крался к перепуганному насмерть солдату на коврике.

– Идиот, сколько раз тебе, тормозу, объяснять: «СМИРНО» орешь только командиру роты, – с полусшепота постепенно переходя на крик, начал дежурный. – Где командир роты? Придунок, ты несчастный.

– Не знаю, – выпучив глаза, ответил солдат.

– А че орешь тогда? Как тебе, дураку, объяснять, чтобы ты понял. «Смирно» кричат только, ко-гда при-хо-дит ко-ман-дир ро-ты, – по слогам, медленно, но очень громко, тыкая в лоб солдату пальцем, продолжал, бесноватясь дежурный. Вошедший сержант сидя полу при-слонившись к стене, вытирал слезы, выстучившие от смеха.

– Пять-ноль, – заикаясь, прокашлял он. – Так до завтра он тебя вообще загоняет.

– Зарежу, если еще раз заорешь, – хватаясь за штык-нож, прошипел дежурный.

– Что здесь происходит? – раздался голос с лестницы.

– Смирно! – заорал, обернувшись на дверь, дежурный, вытянувшись и вскинув правую руку к фуражке.

– Шесть-ноль, – прохрипел сержант с пола.

– Что здесь происходит? – переспросил входящий в роту капитан.

– Товарищ капитан, – чуть не плача начал дежурный, – полдня объясняю ему, когда надо кричать «Смирно» а когда нет. Как горох о стену. Орет, когда хочет, всем подряд.

– Чуть не разбился из-за него.

– Кто орет? – глядя на солдата, переспросил капитан. – Стоит, молчит.

– Вот, а я о чем. Кто это? – показывая на капитана, спросил дежурный.

– Смирно! – снова зажмурившись, заорал солдат на коврике.

– Ну, вот, все правильно крикнул, – еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, сказал капитан.

– Семь-ноль, – поднимаясь с пола и продолжая ржать, уточнил счет сержант.

– Посмеялись и будет. Новеньких в ленинскую комнату. Я сейчас приду, – открывая дверь канцелярии, сказал капитан.

– Есть! – ответил дежурный, показывая кулак солдату на коврике.

«Весело тут», – успел подумать Валентин.

В ленинской комнате посадили всех за столы. Сержант молча раздал листки бумаги, вырванные из школьной тетради в клеточку, и почтовые конверты.

– Ручки есть? – спросил он.

Все промолчали.

– Держите, – кинул на первый стол он несколько ручек. – Сейчас сидим и пишем письма домой. Доехали, на месте, все хорошо. В общем, пишите что хотите, из комнаты не выходить, – захлопнул он дверь. В коридоре тут же раздалось его ржание. Повертев ручку, пытаюсь сообразить, что написать, Валентин решил ограничиться самыми дежурными фразами. Весь текст занял половину листа. Смысл его сводился к тому, что сын был жив, здоров, сыт, обут, одет и находился при этом в теплом помещении. То, что он находится в Кремлевском полку, Вален-

тин пока писать не стал. Засунув листок в конверт, он быстро написал адрес, языком провел по липкой части конверта, заклеив его, бросил письмо на стол с ручками. Ленинская комната была очень просторной, раза в два больше обычного школьного класса. Валентин прошел к окну и сел на подоконник. С высоты третьего этажа был виден весь плац. На противоположной от казармы стороне была трибуна с барельефом Ленина на стене, выполненной в виде развевающегося флага. С левой стороны за деревьями стояло большое одноэтажное здание, судя по всему, построенное недавно, о чем говорили неубранные с одной стороны строительные леса. Справа был сосновый лес, в который уходила асфальтированная дорога, огибавшая плац. Больше ничего интересного за окном не было, и Валентин пошел читать плакаты, которыми были увешаны все стены Ленинской комнаты. С ребятами разговаривать было бесполезно, они, как школьники на экзаменах, писали сочинение на свободную тему.

«Какие-то все подозрительно доброжелательные», – вспоминая первые часы пребывания в части, думал Валентин. Даже офицер, который был, судя по всему, командиром роты, очень спокойно отнесся к методам воспитания «молодого» солдата дежурным. С одной стороны, это несколько снимало напряжение от первого знакомства с армией, с другой стороны, Валентин понимал, что все время так продолжаться не может. Рано или поздно он окажется в ситуации, которая приведет к конфликту, виной которому будут его собственные действия в незнакомой обстановке. Поняв эту простую истину, Валентин, решил, что лучше всего будет сейчас не высовываться и постараться больше слушать и запоминать. Так сказать, раствориться в толпе одинаковых новобранцев. Чем позднее сержанты выделяют его из общей массы, тем больше времени у него будет на адаптацию. Валентин подошел к столу и забрал свой конверт. Потом он перетащил свой бушлат, шапку и вещь-мешок с первого стола, поближе к друзьям, в середину комнаты. Помня со школы, что внимание учителей всегда направлено на ряд, ближний к окну, он занял стол на дальнем от окна ряду. Дождавшись, когда все напишут письма, он сунул свой конверт в середину тощей стопки.

– Встать! – скомандовал сержант, из коридора открывая дверь Ленинской комнаты. Вошел капитан.

– Вольно. Будем знакомиться, – сразу начал он. – Меня зовут Александр Васильевич Никифоров, звание мое «капитан» – для тех, кто еще не разбирается. Я командир третьей учебной роты. Мы с вами будем вместе служить месяц до присяги. Потом вас распределят по ротам полка и, может быть, с кем-нибудь из вас я еще встречусь в Кремле. – Ротный сделал небольшую паузу. Вопросов не было, и он продолжил: – Письма написали?

– Да, – ответил один из новобранцев. Звали его Костя Смирнов.

– Это хорошо, – оглядываясь на дверь, сказал капитан. – Дежурный, – громко позвал он сержанта с повязкой на рукаве.

«Что хорошего?», – думал Валентин. Ни на одном из конвертов не было обратного адреса, и никто из новобранцев не задал вопроса по этому поводу. «Куда, спрашивается, будут писать родители? "На деревню дедушке"?». Обращать на себя внимание из-за такой мелочи в планы Валентина не входило, и он промолчал. Дежурный взял протянутую стопку писем и быстро пролистал их.

– Товарищ капитан, им адрес не сказали, – произнес он после.

– Ржать меньше надо, – резко ответил капитан. – Раздавай обратно.

Сержант вытянул руку с письмами:

– Разбирайте.

Капитан продиктовал адрес воинской почты и, как учитель на диктанте, пошел между рядами, заглядывая через плечо новобранцев в их сочинения.

– Нашел, – сказал он, стоя над Валентином. – Вот этого забирай.

– На выход, вещи оставь здесь, – скомандовал сержант Валентину.

«Вот и растворился в толпе», – только и успел подумать Валя. Вслед за сержантом он вышел в коридор. Напротив Ленинской комнаты находилось еще одно большое помещение с огромной черной решеткой вместо стены. Открыв замок и откатив тяжелую створку в сторону, – «Прошу», – пригласил движением руки дежурный. Валя стоял на месте. Комната с решеткой очень напоминала милицкий обезьянник. «Неужели драка с милицией на вокзале? Да нет, не может быть. Я даже не бил никого. Мент лежал рядом со мной. Что видел майор?», – мысли понеслись галопом в голове арестанта.

– Что тупим? Заходим, – поторопил его сержант.

Валентин переступил порог комнаты. Сержант, задвинув створку, обратно, щелкнул замком и ушел куда-то. В «обезьяннике» не было нар, зато по периметру стояли какие-то, шкафы, закрытые на замки, оба окна были зарешечены. Валентин сел на подоконник. За окном сплошной лес. «Послужил... Хорошо хоть родителям про Кремлевский полк не стал писать. Так в чем же все-таки, дело? Почему он оказался тут? Жалко, дяди Вовы, участкового, нет, он бы меня вмиг отсюда вытащил. Значит так, ничего не видел, никого не бил, Литвина не знаю, спал в другом вагоне». Перебирая в голове мысли, Валентин решил, что самое разумное будет молчать. Начнут спрашивать, тогда и пойму, почему служба так быстро кончилась. «Интересно, а Сергея тоже в обезьяннике держат? «По идее, их должны обоих допрашивать про драку. В любом случае нельзя говорить, что видел, как Литвин ударил милиционера. Если никто не скажет, что видели, как Сергей его ударил, то ничего и не случится. Сам мент наверняка его не узнает в форме и лысым. Сейчас мы все на одно лицо». Подставлять Сергея Валентин не собирался. Из Ленинской комнаты вышли земляки и за капитаном отправились в расположение роты. Дима Курилко задержался у решетки, кивнув головой, он задал немой вопрос:

– Ты как?

– Не знаю, – пожав плечами, ответил Валя.

– Что встал? – откуда-то сбоку раздался голос дежурного. – Шагом марш в роту.

– Ты охренел, воин, – открывая замок, крикнул сержант. – Встать!

Валентин спрыгнул с подоконника на пол. В руках дежурного была табуретка, за спиной у него маячил какой-то ефрейтор с листком бумаги в одной руке и чернильницей в другой.

– Садись, – хлопнув по табуретке ладонью, скомандовал, сержант.

Валя сел на табурет, поставленный на середину комнаты.

– Держи, – ефрейтор сунул ему в руки чернильницу и листок бумаги, оказавшийся каким-то длинным списком. Сержант, громыхая большой связкой ключей, открыл замок правого шкафа и поднял вверх складную створку. Внутри шкафа ровным рядом, поблескивая вороненым металлом, стояли автоматы Калашникова, в квадратных нишах внизу шкафа находились какие-то сумки серо-зеленого цвета с пришитыми к ним деревянными бирками размером примерно с половину спичечной коробки. Вынув крайнюю сумку, сержант бросил ее Валентину. Не выпуская из рук чернильницу со списком, Валя поймал сумку, прижав ее к груди.

– Задача следующая, – начал более миролюбиво сержант. – Сейчас согласно списку пишешь на табличке, – ткнул в деревяшку пальцем дежурный, – звание, ниже фамилию и инициалы. Потом сумку в ячейку и берешь следующую, и так по порядку. Вопросы?

– Два.

– Слушаю, – скривил недовольную физиономию сержант.

– Чем писать?

– Вот, – ефрейтор протянул перо, вытасченное из кармана галифе.

– Почему я? – обнаглев от счастья, что дело не в драке, произнес Валя.

– Пишешь печатными буквами потому что, – выходя из комнаты, закрывая за собой дверь на замок, ответил дежурный.

Несколько секунд Валентин сидел без движения, приходя в себя от произошедшего, не веря в спасение, он встал и медленно подошел к шкафу с оружием. Металл автомата был про-

хладным и гладким, доставать оружие из ячейки Валентин побоялся. Он придвинул поближе табурет, чтобы не бегать туда-сюда и, развернув список, начал переписывать с него на табличку первую фамилию. Руки предательски тряслись, и несколько табличек получились не очень ровно, со временем сердце перестало бешено колотиться, Валентин успокоился, и процесс пошел быстрее. Периодически снаружи, не открывая комнату, заглядывал дежурный; видя, что солдат занят, он молча исчезал. На первый шкаф ушло приблизительно полтора часа. Когда осталось две незаполненные таблички, в роту с улицы начали заходить военнослужащие. Все одинаково подстриженные, в одинаковых бушлатах, с одинаково раскрасневшимися лицами, они прошагали в расположение сплошной рекой, выделить из них кого-то знакомого у Валентина не получилось. В казарме сразу стало шумно от голосов и топота сапог. Закончив с первым шкафом, Валя развернулся на табуретке и, откинувшись на запертый второй шкаф, закрыл глаза

– Не спать! – услышал он голос дежурного через несколько минут. Лязгнув замок, сержант вошел в комнату. Вытащив наугад сумку, он посмотрел на табличку.

– Пойдет, – опуская створку ящика, улыбаясь, произнес он и перешел ко второму шкафу.

Все началось сначала. Заполнив половину табличек во втором ящике, Валентин услышал, как солдат, стоящий на коврике, громко крикнул: «Рота, построение через пять минут!». Грохот сапог усилился. «Равняйся! Смирно!», – раздался голос дежурного через пять минут. «Направо! Построение внизу в колонну по два! На выход шагом марш!», – скомандовал, как показалось Вале, другой, но знакомый голос. Рота прогремела мимо оружейной комнаты. Стало опять тихо. Когда Валентин через сорок минут приступил к третьему шкафу, все вернулись обратно. На сидящего в оружейке солдата никто не обращал внимания. От полусогнутого сидения на табурете у Вали затекла спина. Он положил на пол список и начал ходить от окна к решетке. Размявшись, Валя почувствовал голод. «Интересно, когда тут кормят?» – подумал он.

– Что бродим? – услышал он вопрос. Обернувшись, Валентин увидел старшего лейтенанта, который ждал дежурного с ключами от комнаты.

– Спина затекла, разминаюсь.

– Много написал?

– Половину примерно.

– До вечера успеешь?

– А сколько сейчас времени?

– Три.

– Успею.

– Хорошо, – поощрительным тоном, немного шепелявя, сказал старлей, заходя в оружейную комнату. Раскрыв принесенный с собою журнал, он начал сверять номера автоматов, делая какие то пометки. Валя сел подписывать бирки. Работали молча.

– Матвеев?

Валентин вздрогнул, от неожиданности. На пороге стоял уже знакомый ефрейтор.

– Да.

– Не да, а я, – поправил его ефрейтор. – Я его по всей роте ищу, а он тут сидит, – с претензией продолжил он. – На, расписывайся, – сунул под нос список.

«Тут, похоже, с писарями беда, – подумал Валя, прочитав в сточке «Валентинов Матвей Борисович». Сначала из Сереги китайца сделали, теперь его переименовали.

– Тут ошибка.

– Где?

Валя показал пером на строчку.

– Да, какая разница. Подписывай, – приказным тоном сказал ефрейтор.

– Что значит «подписывай»?

Подошел старлей.

– Фамилию с именем перепутали, – оправдывался Валя.
– Переписывай, – сказал старший лейтенант ефрейтору.
– Товарищ старший лейтенант, сколько мне осталось? Тут сто восемь фамилий. Мне до дембеля сорок два дня. И так сойдет, – заканючил писарь.

– Сейчас добавлю тридцать к твоим сорока двум, в Новый год поедешь. Бегом переписывать! – рявкнул старлей. – Молодец, боец, внимательный, – похвалил Валентина офицер.

Второе появление ефрейтора совпало с открыванием четвертого шкафа.

– Подписывай.

– А это за что? – зачем-то спросил Валя.

– За комсомольские взносы.

– Так я не комсомолец.

– Как не комсомолец? – уставился на солдата офицер.

Ответить Валя не успел.

– Чертов идиот, ты раньше сказать не мог! – заорал вдруг кинувшийся на него ефрейтор. – Я тебя...

Договорить он не успел. Офицер схватил ефрейтора за ремень и с силой дернул вверх

– Ты что себе позволяешь? – закричал он. В оружейку вбежал дежурный. – В Алешинские казармы захотел? Так я устрою, вместо дембеля в дисбат поедешь, – практически упершись лбом в лицо ефрейтора, хрипел старший лейтенант. – Разболтались совсем! – Дежурный, старшину ко мне быстро! Я тебе устрою, дембель. – продолжал трясти ефрейтора офицер.

Вбежал старшина, тот самый, который зачитывал номера в палатке после бани. Старлей с силой толкнул ефрейтора на старшину.

– Два наряда во вторую смену, сейчас. Не завтра – сейчас, старшина. Не слышу?

– Есть, – ответил неуверенно старшина.

– Прямо сейчас, старшина, ты меня понял?

– Так точно, понял, – на ходу ответил старшина, выталкивая писаря в коридор.

Валентин не заметил, когда он успел отскочить к окну, приготовившись дать отпор «старому» ефрейтору. Все произошло так быстро, что он ничего не понял.

– Ты не комсомолец? – повторил свой вопрос офицер, поправляя куртку.

– Нет.

– А как тебя в Кремль призвали?

– Не знаю, – соврал солдат.

– Ладно, потом разберемся, пиши дальше.

Больше никто в оружейку не приходил, несколько раз старший лейтенант выходил в роту, но быстро возвращался. Новобранцы еще один раз строились и уходили зачем-то на улицу строиться в колонну по двое. Часов в восемь вечера Валентин закончил подписывать таблички, ныла спина и чесались глаза, освещение в комнате было так себе.

– Молодец, – второй раз за день похвалил его офицер. – Можешь идти во взвод.

Переспрашивать, в какой, Валя не стал, пока он подписывал бирки, заметил, что его фамилия в третьем взводе.

– Стой! – вдруг остановил его офицер. – Ты вообще сегодня ел? Конечно, не ел. Ты же все время тут был, – сам ответил на свой вопрос старший лейтенант. – Одевайся и жди меня возле тумбочки. Дежурный, закрывай ружпарк! – услышал Валя новые слова.

Одев пятнистую куртку, которую почему-то называли бушлатом, Валентин вышел из Ленинской комнаты к тумбочке, оказывается, так называлась эта странная штукавина у входа, которую он принял за закрытую вешалку. Дежурный как-то нехорошо посмотрел на него, но промолчал. «Надо же было, первый день – столько косяков, – думал, Валентин ожидая офицера. – Хотел незаметно присмотреться. На тебе, пожалуйста, присмотрелся». Сержанты не

просто заметили его, но и запомнили. Судя по ефрейтору, надолго. Еще офицер теперь знает, что он не комсомолец. «Надо было молча подписывать, а не умничать», – ругал себя Валентин.

– Готов? Пошли, – услышал отключившийся от действительности Валя голос старлея.

Молча дошли до здания с остатками строительных лесов, которое Валентин видел из окна Ленинской комнаты. Оказывается, это была столовая. Прошли через просторный пустой зал, заставленный столами на четырех человек каждый, и по внутреннему коридору дошли до комнаты с табличкой «Службное помещение». В комнате стояла почти гражданская мебель. Даже было два дивана. На столах, застеленных белоснежными скатертями, стояла посуда и лежали приборы. Сразу же появился солдат в короткой белой курточке.

– Два ужина, – коротко сказал офицер. – Раздевайся, садись, – снимая шинель, приказал он Валентину.

Ужин принесли быстро. Состоял он из пшенной каши, двух кусков хлеба и нескольких круглых кусочков масла. Чай был в чайнике.

– Откуда ты?

– С Урала.

– Понятно, – наливая чай, сказал офицер.

Что ему было понятно, было совершенно непонятно Валентину, но, помня к чему приводят лишние вопросы, Валентин решил помалкивать, хватит на сегодня событий. Ужинали молча. Выйдя из столовой, старлей спросил:

– Один дойдешь? Не заблудишься?

– Дойду.

– Хорошо.

Развернувшись, пошагал он в сторону бани. Возвращаться в роту совсем не хотелось, и Валентин, отступив в тень деревьев, издали смотрел на светящиеся окна казармы, за которыми виднелись вчерашние пацаны, ставшие сегодня военнослужащими. Очень захотелось домой. Только сейчас он осознал, что два года это долго. Что ждет его дальше? Как пойдет его служба? Зачем он пошел в военкомат? Тяжелые вопросы накатывали как морские волны. Волны, которые он никогда не видел и о которых он так мечтал. Не надо было слушать военкома. С такими мыслями Валентин стоял под деревом до тех пор, пока в казарме не начали гасить свет. Поднявшись на третий этаж, Валя, стараясь не шуметь, открыл дверь в роту.

– Наконец-то. Ты где шляешься? – набросился на него дежурный.

– В столовой был.

– Бегом спать. Завтра поговорим. По коридору, второй слева, – махнув в полутемную казарму, отправил его сержант.

Дойдя до второй слева большой открытой комнаты, заставленной кроватями, Валентин услышал полусшепот:

– Матвеев?

– Я.

– Третья отсюда, второй ряд у окна, ложись.

Не разглядев, с кем разговаривал, Валя прошел до своей кровати, сложив кое-как одежду на табуретку, быстро лег. Первый день в армии закончился, осталось семьсот двадцать девять дней.

– Рота, подъем!

Справа и слева заскрипели кровати. Послышалось шлепанье босых ног по полу и скрежет сдвигаемых табуреток. Валентин сел на кровати, пытаясь понять, что происходит. После вчерашнего дня сон был глубокий, даже не сон, а какое-то забытье. Валентину показалось, что он не спал вовсе, так, закрыл глаза и сразу «рота подъем». Новобранцы очень быстро одевались и, застегиваясь на ходу, бежали в коридор. Валентин вскочил, но спросонья сразу не получилось попасть даже в штанину галифе. Когда он выбежал в коридор, рота уже была построена, перед

строем стоял уже знакомый старшина. Дождавшись, когда утихнет топот, он поднял взгляд с часов на строй солдат.

– Не успели. После зарядки будем тренироваться «отбой – подъем». Две минуты опра-
виться, построение внизу, форма одежды номер один.

Развернувшись, на одних каблуках, он первым пошел на улицу. Половина новобранцев
бросилась в туалет, остальные, сняв ремни, побросали их на кровати и направились за стар-
шиной. Валентин поспешил за второй половиной, посчитав, что в туалете много народу и все
равно не успеть. Построились в колонну по двое.

– За мной бегом марш! – скомандовал старшина.

Постепенно набрали темп.

– Правой! Правой! – на ходу командовал старшина.

Шаг выровнялся, топот стал однообразным и монотонным. Метров через триста стар-
шина крикнул:

– Гусиным шагом марш!

Рота одновременно опустилась на корточки и, переваливаясь с бока на бок, засемила
«гусиным шагом». Проковыляли метров пятьдесят.

– Бегом! – последовала команда. – Правой! Правой!

Так, чередуя бег и шаг, обежали по кругу всю территорию части и с противоположной
стороны вбежали снова на плац перед казармой.

– Повзводно в колонну по четыре становись! – командовал дальше старшина. – Делай раз!

Началась зарядка, заключающаяся в выполнении общих гимнастических упражнений, в
основном, прыжков и размахивании ногами и руками.

– Упор лежа принять!

Солдаты приняли упор лежа, на раз начали опускаться вниз, на счет два – вверх.

Отжавшись двадцать раз, старшина скомандовал:

– Встать! Закончить зарядку. Справа по одному в расположение бегом марш!

Перед тем как приступить к умыванию и уборке помещения, несколько раз потрениро-
вали «отбой – подъем». Достичь желаемого результата в сорок пять секунд не получилось.
Виной тому были новобранцы, прибывшие вчера вместе с Валентином. Их команда приехала
на учебный пункт последней, и в отличие от всех, еще толком не понимала, что и как пра-
вильно и, главное, быстро делать. Сержанты ничего не объясняли. Их главный принцип обу-
чения заключался во фразе «Смотри и делай как другие». Скорее, им просто надоело объ-
яснять всем одно и то же на протяжении полутора недель и на последнюю команду с Урала
они просто махнули рукой. Заправили кровати, навели порядок в расположении, умылись и
собрались на завтрак. После завтрака всю роту отправили на уборку территории. Подметая
асфальтовую дорожку, засыпанную еловыми иголками, Валентин вспоминал вчерашний день
и угрозы дежурного «завтра поговорить», время шло, ничего не происходило. Пообедали. К
удивлению Вали, после обеда всем дали полчаса свободного времени, которое, впрочем, не на
что было истратить. Все, кто не курил, просто собрались в помещении взвода, которое почему-
то называлось «кубрик», и познакомились с вновь прибывшими. Выяснилось, что осенью при-
зывают в полк новобранцев с востока страны от Ульяновска до Кемерово включительно. Всех
новобранцев свозили в часть приблизительно дней десять. Поэтому во взводе все служили
уже несколько дней и более менее ориентировались в установленном порядке. Так, расспра-
шивая новых друзей, Валентин в общих чертах понял, что ждет их в ближайший месяц. До
присяги все они будут на так называемом «карантине». За это время они должны научиться
распорядку и субординации, азам строевой подготовки, носить и подшивать форму, чистить
сапоги, поучаствовать в дежурстве по роте. В общем, получить тот самый минимум, который
отличает вчерашнюю дворовую шпану от будущих защитников Родины. Приблизительно через
месяц будет присяга, после чего их должны отправить в полк, который постоянно размещен в

самом сердце столицы – в Московском Кремле. От них же Валентин узнал, что в полк поедут не все. На учебный пункт новобранцев привозили с запасом приблизительно человек на двадцать–тридцать больше, чем надо было. За первый месяц до присяги офицеры и сержанты внимательно наблюдают за своими подопечными, и если что-то их не устраивает, начиная со здоровья, дисциплины, способности к обучению и прочих тонкостей, то таких «бракованных» отправляли в другие части Советской Армии. То есть вариант оказаться, например, в стройбате существовал реально. Валентин несколько насторожился от последней новости и в очередной раз похвалил себя, что не написал родителям, куда он попал служить. Полчаса свободного времени пролетели, как пять минут, и роту снова построили в коридоре. На этот раз на улицу не пошли, вместо этого всех посадили в Ленинской комнате и раздали уставы «внутренней службы» из расчета одна книга на стол. Валентин и Дима Курилко сели вместе. Оставшийся с ними сержант рассказал, что нужно читать и запоминать, после этого сел заполнять какую-то тетрадь. Знакомились с уставом три часа. В конце каждого часа сержант делал десятиминутный перерыв. День заканчивался, а угроза «поговорить» так и не осуществилась. Не произошло этого и на следующий день, и на последующий тоже. Складывалось ощущение, что про Валентина забыли. Это вполне его устраивало, без лишней нервозности он с головой ушел в обучение солдатской жизни, уехать в Советскую Армию в планы Валентина не входило. Память у него была очень хорошая. Лист печатного текста он запоминал почти дословно с третьего прочтения, поэтому изучение устава не составило особого труда, но сыграло злую шутку. Командир его отделения, сержант Макеев, несколько дней спустя заметил, что солдат большую часть времени, отведенного для изучения устава, проводит, глядя в окно, в ожидании, когда второй боец дочитает. Вызвав Валентина, он спросил:

- Что, не интересно?
- Интересно, – соврал боец.
- А почему ворон считаешь?
- Прочитал потому что.
- Мало прочесть, надо запомнить.
- Я запомнил.

Сержант хитро улыбнулся и, открыв наугад устав, начал читать:

– «Военнослужащий обязан твердо знать, умело и добросовестно выполнять требования воинских уставов и свои обязанности»... – он замолчал, предлагая Валентину продолжить.

– «... постоянно совершенствовать военные и политические знания; в совершенстве знать и беречь вверенные ему вооружение, боевую и другую технику, а также беречь военное и народное имущество; проявлять разумную инициативу; стойко переносить все тяготы и лишения военной службы; дорожить войсковым товариществом, помогать товарищам словом и делом, удерживать их от недостойных поступков и, не щадя своей жизни, выручать их из опасности; быть бдительным, строго хранить военную и государственную тайну», – спокойно продолжил новобранец.

Сержант перелистнул несколько страниц.

– «Солдат (матрос) обязан: глубоко осознать свой долг воина Вооруженных Сил СССР, свято и нерушимо соблюдать Конституцию СССР и советские законы, выполнять военную присягу; быть бдительным, честным и преданным делу и интересам Советского государства, Коммунистической партии и в борьбе за это не щадить ни своих сил, ни самой жизни», – без запинки продолжил Валя.

– Дальше! – смотря в устав, сверяя текст, потребовал удивленный сержант.

– «Добросовестно изучать военное дело, старательно и твердо запоминать все, чему его обучают командиры (начальники); образцово выполнять свои служебные обязанности; твердо знать и добросовестно выполнять требования воинских уставов;

– беспрекословно, точно и быстро выполнять приказы и приказания командиров (начальников);

– быть храбрым и дисциплинированным; не допускать недостойных поступков самому и удерживать от них товарищей;

– строго хранить военную и государственную тайну;

– оказывать уважение командирам (начальникам) и старшим, строго соблюдать правила воинской вежливости, поведения и отдания чести;

– в совершенстве знать и иметь всегда исправное, готовое к бою, вычищенное оружие, боевую и другую технику;

– знать должности, воинские звания и фамилии своих прямых начальников до командира дивизии (бригады кораблей) включительно;

– беречь государственное имущество, бережно носить одежду и обувь, своевременно и аккуратно их чинить, ежедневно чистить и хранить, где указано;

– соблюдать правила личной и общественной гигиены;

– строго выполнять меры безопасности при обращении с оружием, работе с боевой и другой техникой и в других случаях, а также соблюдать правила пожарной безопасности;

– при необходимости отлучиться в пределах расположения части (подразделения) спросить на это разрешение у командира отделения, а после возвращения доложить ему о прибытии;

– постоянно быть по форме и аккуратно одетым...»

– Достаточно, – оборвал изумленный командир Валентина, когда тот, глубоко вдохнув, собирался «шпарить» устав дальше.

Не веря в происходящее, сержант, спросил:

– Что, реально выучил?

– «При нахождении вне расположения части вести себя с достоинством и честью, не допускать нарушения общественного порядка и недостойных поступков по отношению к населению», – вместо ответа продолжил Валя.

– Хорош. Вижу. Знаешь, – второй раз оборвал сержант бойца. – Всем учить дальше. Ты за мной, – вставая, скомандовал Макеев.

Вместе с сержантом Валентин дошел до святая святых в армии, до каптерки.

– Разрешите, – одновременно постучав и открывая дверь, спросил Макеев.

– Входи. Что хотел? – ответил старшина.

Старшина третьей учебной роты носил красивую фамилию Филин, был высок и широкоплеч, на вид было ему года двадцать два – двадцать три. При всей своей грозности и немногословности старшиной он был отличным, без дела не орал и всегда старался разобраться в ситуации сам. Его спокойствие и хладнокровие передавалась и новобранцам, которые за эти несколько дней привыкли к его неторопливости и невозмутимости. За время пребывания в учебке Филин ни разу не поднял голос до крика, достаточно было одного взгляда этого великана, чтобы нарушенный порядок восстановился.

– Вот, старшина, готов, – подтолкнул Валентина на середину каптерки Макеев.

– К чему готов? – оглядывая бойца, спросил Филин.

– К наряду, устав как от зубов, я проверил, – скороговоркой выпалил сержант.

– Уверен? А то вечно приведут какого-нибудь дебила, прапорщика от генерала отличить не может, – недоверчиво переспросил старшина.

– Уверен. Устав «шпарит», как читает. Можешь проверить.

– Нет, спасибо, – сморщился Филин. – Вот и хорошо, – сладко потянулся он, высоко подняв свои длинные руки. – Значит, сегодня вечером в наряд. Оба, ты дежурным, он дневальным.

– Старшина? – вопросительно потянул сержант.

– Ты дежурным, – тоном, не дающим повода к возражению, оборвал вопрос Макеева Филин, – а он, – кивнув на Валентина, – на два наряда сразу.

– Он мне за писаря должен. Это же он бирки подписывал? Он. Ну, вот должок и отдаст, а то несправедливо: «старого» писаря на тумбочку, а с этого как с гуся вода.

– Все свободны, в половину восьмого ко мне на инструктаж, – закончил старшина.

До вечера Валентина освободили от всех дел роты и приказали готовиться к первому в его жизни суточному наряду. В первую очередь он второй раз за день побрился. В умывальнике было всего два крана с горячей водой, но умываться и бриться новобранцам там было «не положено» Все «молодые» брились и чистили зубы в длинном ряду кранов только с холодной водой, от которой ломило зубы и кожа на лице краснела от раздражения. Закончив с бритьем, Валентин отправился в бытовую комнату гладить форму и подшивать воротничок. Времени было предостаточно, и торопиться было некуда. Сначала Валя думал воспользоваться минутой спокойствия и написать родителям, но, подумав, не стал. Новостей накопилось немного, дни были однообразными, ничего интересного не произошло, и писать было решительно нечего. Как ни старался Валентин растянуть время, все равно уже к шести часам он был готов к заступлению в наряд. До инструктажа оставалось еще полтора часа, и Валя пошел к Макееву, который в Ленинской комнате смотрел телевизор. Сержант Макеев, невысокого роста крепьш родом с Мариуполя. Служил уже год, но в Кремле был только один раз, на экскурсии. Дело в том, что он был сержантом «полковой школы», в которой готовили младших сержантов для полка. Школа располагалась на четвертом этаже этой же казармы, обучение длилось шесть месяцев как раз между осенним и весенним призывами. На период учебки школа закрывалась, и все сержанты школы становились младшими командирами у новобранцев, среди которых они за месяц присматривали себе новых курсантов.

– Готов? – встретил вопросом Макеев Валентина.

– Так точно.

– Хорошо. Можешь заниматься своими делами.

– А можно, я тут посижу?

– Одурел что ли, воин? Нет конечно! – не отрываясь от телевизора, ответил сержант. – В кубрике посиди, письма попиши. Короче, делай что хочешь. А телевизор дома посмотришь. Пошел.

Не став перечить, Валя вышел в коридор. В казарме было тихо. Все ушли. Куда все ушли, Валентина совсем не интересовало, наверняка, где-нибудь метут дорожки. Территория части была небольшая, за несколько дней пребывания Валя уже хорошо ориентировался. Порядок поддерживался идеальный, чему способствовало то, что каждый день четыреста новобранцев подметали, убрали и чистили все подряд. В центре части находилась казарма, соединенная переходом со спортзалом, столовая, баня и буфет-чайная. С восточной стороны части находились гаражи для машин, лыжный склад и большая свиноферма. На западной части был склад оружия, продовольственный склад и клуб. В лесу между казармой и оружейным складом стояли два жилых дома для офицеров и прапорщиков, постоянно служивших в части, а также для прикомандированных. Вся территория была обнесена высоким зеленым забором. Главные ворота части выходили на Горьковское шоссе, еще два выезда считались служебными и выходили с противоположной части в лес. Куда они вели, Валентин пока не знал. Был еще стадион с большим количеством тренажеров, но на нем новобранцы еще не занимались, только пробегали мимо во время зарядки. Бесцельно побродив по расположению, Валентин пошел в бытовку, где два солдата из других взводов готовились к наряду. Один из них оказался из Новосибирска, другой с Перми. Познакомившись, проболтали до самого инструктажа, в основном про дом и родственников. Ровно в девятнадцать тридцать дневальный с тумбочки громко крикнул:

– Суточный наряд строится у канцелярии!

Построились. Макеев доложил, вышедшему старшине:

– Товарищ старшина, суточный наряд для инструктажа построен.

– Вольно, – ответил Филин и начал осматривать внешний вид наряда. Не найдя изъянов, он раскрыл папку и зачитал: – Матвеев – первая смена, Полунин – вторая, Кауров – третья. Теперь вводная. – Хлопнув папкой, посмотрел он на стоящего посередине новосибирца Полунина. – Боец, стоишь на тумбочке, время четыре часа утра, в роту входит негр. Твои действия?

Полунин на несколько секунд замер, хлопая глазами.

– Ну, – поторопил его старшина. – Негр стоит, ждет. Твои действия.

Полунин молчал. Старшина посмотрел на Макеева.

– Это не мой, – быстро открестился от новосибирца сержант.

– Хорошо. Негр в роту пришел, твои действия, – повернулся к Валентину старшина.

– Дежурный по роте, на выход, – ответил Валя.

– Неправильно! – радостно ответил Филин. – Если в роту в четыре часа утра входит негр, то нужно... – старшина сделал паузу, оглядывая дневальных в надежде, что они догадаются, – то нужно... – Дневальные молчали. – То нужно удариться башкой об тумбочку и проснутся, – громко, сделав ударение на слове «башкой», закончил старшина. – Думать надо, откуда негр в четыре утра в части. Это также относится к танкам, голым бабам, дед морозам, и прочей нечисти, которая вам привидится. Сержант, доведи до всех, что спать нельзя.

– Есть!

– Всех касается: кто заснет на тумбочке, будет спать на ней до самой присяги, – оглядывая солдат, продолжил Филин. Всем понятно?

– Так точно, – не попадая ответили дневальные.

– Хорошо. Макеев, принимай роту и ко мне на доклад. Я в Ленинской комнате буду, – закончил он.

– Вольно, – скомандовал сержант. – Полунин – в столовую, принимать посуду и, смотри, не ошибись, все пересчитай три раза. Матвеев – на тумбочку. Кауров – в умывальник, принимай инвентарь и посмотри, чтобы чисто было, а то сам все мыть будешь. Разойдись.

Валентин повесил на ремень штык-нож, протянутый ему предыдущим дневальным, и вступил на коврик возле тумбочки. Следующие четыре часа он будет стоять на месте и орать во все горло всевозможные команды. Ничего сложного в этом не было. Стой себе на месте и чуть что – громко кричи: «Дежурный по роте, на выход». Валя радовался, что попал не во вторую смену. Дело в том, что дневальный второй смены, кроме стояния на тумбочке, должен был накрывать в столовой на завтрак, обед и ужин, а после этого мыть кружки, ложки, вилки, ножи и, самое главное, не потерять их. У каждой роты были свои приборы, которые периодически терялись и воровались друг у друга дневальными. Вторая смена была из-за этого сплошным геморроем. Времени на отдых в этой смене не было совсем. Через полтора часа Валентин прокричал положенные для вечерней поверки и последующего отбоя команды. Ровно в десять вечера рота легла спать. Основной свет выключили, оставив только дежурное освещение. Через пятнадцать минут наступила тишина, нарушаемая иногда скрипом пружин кроватей, когда кто-нибудь во сне ворочался. Кауров наводил порядок в умывальнике и туалете, Полунин еще не вернулся из столовой, дежурный, пройдясь по роте, сел на подоконник в конце коридора. Переминаясь с ноги на ногу, Валентин приблизительно в одиннадцать часов начал отчаянно зевать. По распорядку следующие четыре часа он должен был спать. Из столовой вернулся Полунин. Глядя на него, Валентин в очередной раз порадовался, что не попал во вторую смену. Вид у новосибирца был тот еще. Весь мокрый то ли от пота, то ли от воды, в которой он мыл ложки и вилки, руки красные, вся форма в пятнах, глаза бешеные.

– Ну как? – спросил его Валя.

– Жопа, – тяжело вздыхая, ответил Полунин. – Задолбался эти кружки мыть. Хорошо, хоть по счету все сошлось. Со второй роты у дневального двух вилок недосчитались, до сих пор в столовке ищет.

– Смотри, чтобы у тебя не спер, – посочувствовал Валя товарищу.

– Не сопрет, я при нем все пересчитал.

В двенадцать часов, передав штык-нож, Валя пошел спать. Подняли в четыре часа. Макеев на два часа лег спать, передав Валентину повязку. До шести утра Валя бродил по роте в ожидании подъема. Весь следующий день прошел либо на тумбочке, либо со шваброй в руках. В восемь вечера Валентин переместился из первой смены, миновав вторую, сразу в третью смену и заступил на вторые сутки, которые прошли так же спокойно, как и первые. Если бы не двое суток подряд, то Валентин вообще бы не запомнил свое первое дежурство по роте. Через две недели после приезда все новобранцы перезнакомились, особых событий не происходило, служба текла однообразно скучно. Один день был похож на другой как близнецы-братья. Валентин еще раз побывал в суточном наряде, виной тому была неспособность некоторых новобранцев выучить обязанности дневального и устав, поэтому в наряд ставили таких, как Валентин. Это несколько раздражало: почему одни должны дневалить, а другие нет, но деваться было некуда, приходилось дежурить. В первых числах ноября всем новобранцам выдали новую форму, шинели, погоны, пуговицы и всю следующую неделю рота с утра до вечера подгоняла форму. Шинели нужно было правильно сшить сзади под хлястиком, потом пришить погоны, шевроны, петлицы и пуговицы. То же самое сделать с новой формой. После этого все отгладить и сдать в каптерку. Помогая друг другу, за несколько дней справились.

Седьмого ноября был выходной день по поводу празднования Дня Великой Октябрьской социалистической революции. Всех сержантов утром, погрузив в машины, повезли в Кремль на усиление, в чем оно заключалось, никто не объяснял. В связи с праздником новобранцев рассадили в Ленинской комнате смотреть торжественную демонстрацию трудящихся на Красной площади. Валентин со школьных лет помнил эти демонстрации, участвуя в них на добровольно-принудительной основе всем классом. Взрослые в колоннах всегда были в хорошем настроении, которое они поддерживали горячительными напитками, бережно хранимыми за пазухой. Было много песен, и люди, выходя на городскую площадь, с воодушевлением кричали «Ура!» после каждого призыва ведущего. Будучи школьниками, Валентин с друзьями развлекались тем, что хлопали воздушные шарик, которые большими связками несли девочки. Для этого заранее припасались осколки битого бутылочного стекла, принесенные с собой. После демонстрации, как правило, родители собирались за столом и смотрели московскую демонстрацию, разница во времени позволяла все видеть в прямом эфире. На этот раз Валентин смотрел на Красную площадь совсем по-другому. Его мало интересовали колонны трудящихся, он пытался получше рассмотреть сам Кремль, который казался ему сказочным замком с тайнами и легендами прошлого. Валентин до сих пор не верил, что через несколько дней он окажется там и будет жить в историческом здании Арсенала, построенного еще при Петре Первом. Красивые башни с красными звездами на шпилях так и тянули к себе. «Все что угодно сделаю, чтобы попасть туда», – думал Валя, выхватывая взглядом редкие панорамы кремлевских стен. Учебка ему уже порядком надоела, и Валентин с нетерпением ждал присяги.

После обеда было свободное время. Практически все писали письма родным и близким. Ближе к вечеру вернулись сержанты. С первого взгляда на них было понятно, что они чем-то озабочены. Обычно расслабленные и в хорошем настроении, в этот раз сержанты с серьезным видом перешептывались между собой, стараясь быть подальше от новобранцев. Любые разговоры прекращались, как только рядом оказывался кто-то из солдат. Перед самым отбоем Валентин, набравшись храбрости и подгоняемый любопытством, тихонько спросил у Макеева:

– Товарищ сержант, что-то случилось?

Внимательно посмотрев в глаза солдату, немного подумав, он полушепотом произнес:

- В Горбачева стреляли.
- Как? – остолбенел Валентин.
- Тише ты. Из ружья, прямо на площади, – совсем шепотом прошипел сержант. – Никому. Слышишь меня, никому ни слова.
- А что, попали? – не мог удержаться от расспросов Валя.
- Нет, не попал, два раза успел выстрелить. Далеко было.
- И что? – продолжал задавать вопросы солдат.
- Ничего, «наружка» поймала его. Сейчас рот на замок, сами ничего не знаем. Иди спать, – закончил разговор сержант.

После таких новостей про сон не могло быть и речи. Валентин долго ворочался, пытаясь понять, что происходит в стране. В магазинах был дефицит всех товаров сразу, за водкой люди бились, как будто в последний бой шли. Не было даже туалетной бумаги. Любое упоминание руководителей страны в разговорах сопровождалось матерщинной бранью. Горбачева презрительно называли «этот с пятном», и никак иначе. Некогда доброжелательные соседи теперь усиленно ставили железные двери и вешали решетки на окна. Времена, когда родители оставляли ключи от квартиры под ковриком для детей-школьников, прошли. Население страны с каждым годом становилась голоднее и злее. Сегодня дошло до стрельбы в Горбачева. «А что дальше? – задавал себе вопрос Валентин. – Революция?». В памяти всплыла картинка из старого фильма, в котором по решетке Зимнего дворца ползли революционные матросы. «Стоп. А если революция? И народ ползет на Кремль? Что делать? Стрелять? Стрелять в живых людей? Как это? А если не стрелять?». Сон окончательно пропал. «Если родители узнают про это, мать с ума сойдет. Хорошо, что не написал про полк. Как быть? Впереди два года службы, за это время может произойти все что угодно, до войны включительно. А если гражданская война? За кого быть, за красных или белых?». Несмотря на полный переполох в голове, Валентин все же уснул или просто отключился, потому что мысли перешли в яркий сон, в котором все перемешалось, начиная с броневика Ленина и заканчивая почему-то Брестской крепостью. Утром Валентин так не понял, спал он или нет. Помня данное сержанту молчаливое согласие молчать, Валентин никому новость не рассказывал. Рота жила своей обычной жизнью, сержанты, скорее всего, узнав за ночь немного больше от офицеров, вели себя спокойно и буднично. Валентин немного успокоился, но на всякий случай не упускал из вида Макеева, вдруг будут новости. В следующие несколько дней ничего не произошло и все вернулось на свои места.

Начались каждодневные тренировки по строевой. Готовились к принятию присяги. Маршировали с утра до вечера и наизусть учили текст. За этими хлопотами время пролетело незаметно, наступил день принятия присяги. С самого утра в роте стояла суета, похожая на предсвадебную. Все офицеры были в парадной форме, белых рубашках с желтыми ремнями и в перчатках. Солдаты в новеньких шинелях и шапках стали еще больше похожи друг на друга. На плацу стояли столы, на которых в красных папках лежали тексты присяги и списки военнослужащих. Роты справа налево от первой до четвертой построили вдоль казармы. И тут начался дождь, переходящий в мокрый снег. Пытаясь проигнорировать непогоду, начали торжественную часть, но усилившийся снег с ветром свел на нет усилия. В результате всех отправили по своим расположениям. И присягу принимали в коридорах рот. Вся торжественность была полностью утрачена, и процедура прошла до обидного буднично. Как если бы вы собирались в театр, а вместо этого оказались на кухне у соседа перед черно-белым телевизором. Зря всю неделю маршировали.

Ночью выпал первый крупный снег, он покрыл все ровным слоем, и на ветвях деревьев появились снежные шапки. Прикрыв собой всю серость заканчивающейся осени, снег своей белизной напоминал чистый лист бумаги, на котором судьба начнет писать свою новую историю. На этом первом листе зимы уже не будет всего того, что произошло осенью. Даже осенние призывники вступали в эту зимнюю историю в новом качестве. Полноценными, приняв-

шими присягу рядовыми Отдельного орденов Красного знамени и Октябрьской революции Краснознаменного Кремлевского полка. Белое покрывало ярко отражало от себя свет фонарей, снег был чистый и переливался в искусственном освещении маленькими яркими звездочками. Наблюдая за игрой этих разноцветных искорок, Валентин радовался. Первая осень в армии закончилась, осталась еще одна – и можно собираться домой. И пускай эта осень была всего один месяц, но она была и прошла. Уже через три дня их повезут в Москву, в Кремль. «Какой он?», – размышлял Валя. По телевизору Кремль казался большим, величественным, сверкающим золотыми куполами церквей с высоты Боровицкого холма, растянувшегося вдоль красивой гранитной набережной Москва-реки. Яркие звезды высоких башен уже не раз снились Валентину. Само ощущение того, что он будет видеть всю эту красоту изнутри целых два года, наполняли грудь особой гордостью. Гордостью за страну, в которой он жил, гордостью за родителей, которые воспитали его и будут очень рады, что их сын служит в Кремле, гордостью перед друзьями, которые служат в обычных войсках, в конце концов, гордостью за самого себя, что смог попасть в число немногих, кому доверили служить в полку. Пускай неожиданно и с помощью хитрости военкома, который преследовал свои цели, но все равно он, Валентин Матвеев, молодец, потому что не «вылетел» в Советскую Армию, как двадцать шесть человек, которых сегодня отправляют в другие части. До сегодняшнего утра Валентин не был уверен, что его оставят в полку. Причин для сомнений было предостаточно. Во-первых, его конфликт в первый день со старым писарем, во-вторых, как выяснилось, у большинства новобранцев было неоконченное высшее образование либо диплом техникума, а у Валентина только ПТУ,

в-третьих, соответственно, Валя был моложе всех, многим исполнилось уже по девятнадцать лет и, самое главное, Валентин не был комсомольцем, единственным из четырехсот новобранцев. Для самого него это ровным счетом ничего не значило, но старший лейтенант Андрей Константинович Луговой, тот самый, который в первый день заступился за него в ружпарке, не зря спрашивал его про комсомол. Уже после этого старлей дважды вызывал Валентина в комнату командиров взводов, где располагались офицеры, и задавал вопросы, почему Валентин не стал комсомольцем, как это произошло, собирается ли он становиться комсомольцем, и вообще, как он относится к этой организации. Валя честно отвечал, что никак не относится к организации, в противном случае он был бы ее членом, что добровольно он заявление на вступление не писал, а в общий список его в ПТУ не внесли, почему, он не знает, наверное, у мастера были на то причины. «Понятно...», – каждый раз произносил старший лейтенант и отпускал новобранца. И вот сегодня, когда из четырех рот отобрали тех, кто не будет служить в Кремле, Валентин облегченно выдохнул, теперь можно написать родителям, что сын будет воином-кремлевцем. До конца этой недели новых кремлевцев должны были отвезти в Москву к месту их постоянной службы. Размышления любовавшегося первым снегом Валентина неожиданно оборвал вопрос.

– Бездельничаешь?

– А что делать-то?

– Свободное время у всех.

Обернувшись, он ответил сержанту Макееву:

– Собрался письмо написать домой. А что?

– В комнату командиров взводов тебя вызывают.

Валентин хотел было задать вопрос, зачем. Но быстро передумал, вопросы задавать было чревато, ответ мог обернуться неприятностями, самая малая из которых грубость сержанта. В комнате командиров взводов был только старший лейтенант Луговой.

– Входи, – разрешил он, когда Валентин постучал в дверь. – Какие планы на службу, боец? – почему то радостно спросил старлей рядового.

Вопрос показался Валентину глупым и неуместным. «Какие могут быть планы у рядового? Конечно, служить на благо страны». Других вариантов Валя не видел. Поэтому на секунду замешкавшись, он ответил:

– Служить. – И через паузу торопливо уточнил: – В Кремле.

«Вдруг еще одного надо выгнать в Советскую Армию», – мелькнула у него в голове мысль.

– Это хорошо, что служить, – улыбнулся Луговой. – Но с Кремлем придется... – Валя похолодел, – подождать, – услышал он в следующую секунду. – Ты присаживайся, – пригласил офицер, указав на стул, то ли заметив, как рядовой качнулся от неожиданности, то ли разговор предстоял долгий. Вся радость от наступающей зимы и первого снега улетучилась. Валентин даже увидел, как на белом ровном листе белейшего снега расплывается черная клякса, становясь с каждой секундой все больше и больше, разливаясь от середины листа к краям.

– Ты что побледнел? Плохо тебе, что ли? – Как сквозь вату услышал он голос Лугового.

– Никак нет, – вскочил Валентин.

– Садись, что скачешь? Нормально все?

– Так точно, нормально, – стоя по стойке «смирно», ответил боец.

– Садись.

Медленно Валентин опустился на самый краешек стула, готовый в любую секунду вскочить на ноги.

– Дерганый ты какой-то сегодня? Письмо, что ли, плохое получил?

– Никак нет, не получал.

– Тогда сиди и слушай, – уже не улыбаясь, приказным тоном сказал старший лейтенант.

«Будешь тут дерганым», – успел подумать Валентин. Еще пять минут назад он мечтал о Кремле, а сейчас все перевернулось. «Почему подождать? Чего подождать? Зачем подождать? В комсомол будет принимать меня», – всплыла спасительная мысль.

– Я согласен, – громко сказал Валя и только потом осознал, что офицер еще ничего не успел сказать.

– Хорошо, а согласен с чем или на что? – удивленно спросил неадекватного бойца старлей.

– В комсомол согласен, – ответил тот.

– Зачем?

– Что бы в Советскую Армию не отправили.

– А тебя и не отправляют.

Валентин вспотел.

– А что тогда?

– Это я у тебя хотел спросить? – окончательно запутав Валентина, снова начал улыбаться Луговой.

– Почему подождать? – с трудом сумел правильно сформулировать вопрос Валентин.

– Потому что ты остаешься в полковой школе. Будем из тебя сержанта делать. Память у тебя хорошая, схватываешь все на лету, с товарищами неплохо, ладишь. А командовать за полгода мы тебя научим, – довольно быстро ответил офицер на все вопросы, мучавшие Валентина. – Вопросы есть?

– А Кремль?

– Дался тебе этот Кремль. Через полгода поедешь в Кремль. Если захочешь, конечно.

«Ну вот, опять, – подумал Валя, – что значит “если захочешь”».

– Товарищ старший лейтенант, а что значит «если захочешь»? – спросил он.

Луговой встал из-за стола и подошел к сейфу. Только сейчас Валентин заметил в руках офицера свое личное дело.

– А что там интересного, в Кремле? – открывая дверцу шкафа, то ли спросил, то ли подтвердил старлей. – Будешь там целыми днями в Арсенале сидеть, как в подводной лодке,

куранты, звезды, башни надоедят до чертиков через месяц, – продолжил он. – А если школу хорошо закончишь, то можно и здесь остаться, новобранцев гонять. Вон Макеев служит, и в Кремль его палкой не загонишь. Что молчишь? – поворачивая ключ и закрывая в сейф личное дело теперь будущего курсанта Матвеева, спросил он.

– Закончить сначала надо, – неопределенно ответил Валентин.

– Молодец, правильно рассуждаешь. Нечего впереди паровоза бежать, – протянул ладонь для рукопожатия старший лейтенант.

Валентин вскочил и пожал руку офицера.

– Теперь самое главное, – крепко сжав ладонь солдата, сказал офицер глядя прямо в глаза. – Не подведи меня, не люблю в людях ошибаться.

– Не подведу, товарищ старший лейтенант.

– Будем считать, что договорились, свободен, – разжимая ладонь, подвел итог Луговой.

– Как прошло? – встретил вопросом Валентина Макеев.

– В полковой школе оставляют, – грустно ответил Валя.

– Так хорошо ведь! – обрадовался Макеев.

– Чего хорошего, я в Кремль собирался, – до сих пор обдумывая сложившуюся обстановку, ответил Валя. Стать сержантом, наверное, было круто, но как потом командовать солдатами, он пока не представлял. Когда он закончит полковую школу (если закончит вообще) и получит звание младшего сержанта, то ему придется командовать отделением, а в нем могут быть старослужащие солдаты. К тому времени, несмотря на звание, Валентин прослужит всего полгода, и по неуставным правилам все равно будет считаться «молодым». Как заставить при этом старослужащих выполнять команды и поддерживать свой авторитет младшего сержанта, пока было непонятно. Это во-первых. Во-вторых, даже те, кто послезавтра уедут в Кремль, через полгода будут разбираться в службе в полку намного лучше него, никогда в Кремле не бывавшего. Соответственно, их знания и опыт тоже будут проблемой для «молодого» командира, чему он будет их учить, если сам ничего не знает про полк. «Может быть и правда, лучше будет остаться в полковой школе после окончания? – подумал Валентин. – Через полгода знай себе гоняй молодежь, и наплевать на этот Кремль, – мелькнула мысль, – Луговой же сказал, что там ничего интересного. Хорошо ему говорить, он сам-то, поди, сто раз в Кремле был».

– Нужен тебе этот Кремль. Что там делать-то? – прервал размышления Валентина, практически слово в слово повторив фразу Лугового, сержант. – Тут смотри, как хорошо, лес, чистый воздух, офицеров мало, молодняк в рот смотрит, – начал перечислять преимущества полковой школы Макеев. – Полгода прослужишь и практически «старый», все новобранцы и курсанты тебя слушают и боятся. А в Кремле? – перешел он к недостаткам службы в полку. – В караулы ходить надо. Старослужащие козлят и тебя подставляют. Офицеров пруд пруди, успевай только честь отдавать. А еще наряды, кухня, уборки. В Арсенале этом сиди, без окон и дверей. Тревоги, беготня, короче, жопа, а не служба. Ты парень вроде толковый, сам подумай, оно тебе надо? Я через полгода старшиной стану, вообще лафа будет, – улыбнулся, представляя себя старшиной, продолжал он. – А погоны у всех одинаковые, на гражданке всем пофиг, в Кремле ты был или в лесу отсиделся, все равно крутой воин-кремлевец.

Валентин не мог поверить своим ушам. Еще вчера он смотрел на Макеева, как на все знающего, опытного и авторитетного командира. А сейчас, слушая его, Валентин отчетливо видел, как с сержанта, словно окалина, отваливаются весь лоск и многозначительность. «Да он просто трус, – понял Валентин, глядя на Макеева. – Испугался старослужащих и караулов, а теперь оправдывает это чистым лесным воздухом. То есть, если я останусь в полковой школе, то на меня все будут также смотреть». Первая мысль была пойти к Луговому и отказаться от учебы на сержанта. Но слушая «будущего старшину», Валентин понял обратное. Сержантом он станет, и станет настоящим сержантом в отличие от Макеева. Он, Валентин Борисович Матвеев,

не трус и будет служить в Кремле, а не в лесу. Захотелось срочно помыть руки и умыться, смыв водой ту липкую грязь страха, которой был пропитан Макеев. Вале стало стыдно за свои мысли про возможность остаться в полковой школе после окончания учебы, от хорошего утреннего настроения не осталось и следа.

– Я подумаю, разрешите идти? – дождавшись, когда сержант заткнется, сказал Валентин.

– Иди и подумай, о чем я тебе сказал, – не подозревая о мыслях курсанта, разрешил тот.

Умываясь ледяной водой, Валентин не мог отделаться от чувства вины перед товарищами и особенно перед Димой Курилко, с которым он сильно сдружился за этот месяц. Еще час назад Валя радовался, что не вылетел из полка, потом и вовсе он посчитал, что поймал за хвост жар-птицу, узнав, что попал в число тех, кого будут учить на сержантов, но после разговора с Макеевым Валя почувствовал, что предаёт своих вновь обретенных друзей, оставаясь в полковой школе. Наверное, такие же ощущения испытывали офицеры во время войны, отправляя на фронт вчерашних курсантов, а сами оставались в тылу, вынужденные учить новых бойцов, не имея возможности бить фашистов лично. Конечно, сравнение было пафосным и ничего страшного с друзьями в Кремле не случится, но чувство вины от этого меньше не становилось. Дима сидел в Ленинской комнате и писал письмо. На секунду поднял он взгляд на Валентина и продолжил писать.

– Ты что, написал уже? – спросил он товарища.

– Я не писал еще.

– Ты долго? – в ответ спросил Валя.

– Пять минут.

– Хорошо, – произнес будущий сержант, глядя в окно.

Как сказать другу, что он остается, Валентин не знал.

– Ну, чем займемся? – самым беспечным голосом задал вопрос Дима. Как будто дело происходило не в армии, а на гражданке, и друзья решали, куда пойти вечером.

– Не знаю, – продолжая смотреть в окно, ответил Валентин. Дима был простой и открытый, без хитрецы парень. Всю свою жизнь до армии он провел в родной деревне и только в шестнадцать лет приехал в город учиться в ПТУ на какую-то совсем ему не нужную профессию. После армии он также собирался вернуться в родной колхоз, где все было просто, понятно и знакомо с детства. Этот веселый парень постоянно находил поводы посмеяться. В силу своей природной простоты он перезнакомился и подружился со всеми новобранцами в роте и чувствовал себя в огромном коллективе как рыба в воде или как в собственной большой дружной семье. Всех новобранцев он называл не иначе как «братан» и всегда был в курсе всех новостей подразделения.

– Слышал, Слепова в полковой школе оставляют?

«Как он это делает? – подумал Валя. – Всего час прошел с момента, как старлей отобрал будущих курсантов, а Диман уже в курсе».

– Нет, не знаю, а кого еще? – отворачиваясь от окна, поинтересовался Валя.

– Еще Серегу Вьюнова со второго взвода. Это из Ульяновска, который, помнишь?

– Да, я с ним в наряд ходил. Невысокий такой? – на всякий случай уточнил Валентин.

– Ага, он, – радостно кивнул Дима.

«Странно», – подумал Валя. Обоих ребят он знал, ни тот ни другой не отличались памятью и, главное, усидчивостью. Слепов был откуда-то с Костромской области, так же как и Курилко, простой, деревенский. Повадками и поведением деревенские были как отражения в зеркале с одним только различием. Слепов по-волжски растягивал слова, отчего казалось, что он постоянно о чем-то спрашивает. Вьюнов же, напротив, был до мозга костей парнишка с городских окраин, всегда, как волчонок, готов к любой ситуации, особенно если дело касалось чего-нибудь запрещенного, немного скрытный, но в целом надежный друг и товарищ. В свою очередь, обоих их объединяло одно желание попасть в третий батальон в «автохозяйственную

роту», у обоих были профессиональные права. На их фоне Валентин выглядел белой вороной со своей хорошей памятью и без прав.

– Меня тоже оставляют, – поняв, что лучшего повода расстроить друга не будет, произнес Валя.

– Круто! – внезапно обрадовался друг. – Молодец, поздравляю! Искренне, – схватив за руку Валентина, начал его трясти Димон.

– То есть ты не расстроился? – удивился Валя.

– Дурак, что ли? Нет, конечно, сержант, это же круто. С твоей-то памятью только сержантом и быть, или старшиной, – громко засмеялся друг. – Старшина Матвеев – звучит?

– Генерал круче! – рассмеялся в ответ обрадованный Валентин.

С души у него свалился тяжелый камень раздумий. Незатейливая логика Димона выглядела так. «Молодыми» они все равно будут недолго, а свои знакомые сержанты никогда не помешают, и чем больше их будет, тем легче будет служить в будущем. «Все гениальное просто», – в очередной раз убедился Валентин, вспоминая старую истину. Успокоившись, Валентин к вечеру созрел, чтобы написать письмо родителям, в этот раз он сознался, что будет служить в Кремлевском полку, но умолчал про полковую школу сержантов. Отец всегда ему говорил: «Нечего сковородкой стучать, пока курицу не купил». Поэтому новость про сержанта Валентин отложил на полгода.

Через два дня прямо с подъема, не делая зарядку, начали наводить порядок в расположении роты. Нужно было отмыть все помещения до состояния если не нового, то до блестящего, как новое. Собрать вещи. Сдать оружие на склад вооружения и белье на вещевой склад. После успеть пообедать и ждать, когда приедут автобусы. После обеда построили новобранцев и вновь зачитывали фамилии с номерами новых рот, которые находились в Кремле. Димка Курилко попал в десятую «пожарную» роту. Около трех часов дня на плац въехали тринадцать автобусов, на лобовых стеклах которых были установлены таблички с номерами. Наблюдая из окна Ленинской комнаты за другом, стоявшим в очереди к автобусу с номером десять, Валентин неожиданно разглядел Сергея Литвина, стоявшего в этой же очереди. «Накаркал», – мысленно улыбнулся Валя, вспоминая, как Литвин будил его в поезде, пугая «пожарной» ротой.

Автобусы уехали. В огромной казарме стало очень тихо, каждый шаг отражался от стен сильным эхом. Собрал все свои вещи в охапку, будущие курсанты, громыхая сапогами, поднялись на четвертый этаж. Прямо с порога Валентин отметил, что расположение полковой школы выглядело более обжитым по сравнению с остальными помещениями казармы. На подоконниках даже стояли цветочные горшки с яркими растениями, названия которых Вале было незнакомы. Видимо от того, что на четвертом этаже круглогодично проживали военнослужащие, было такое ощущение, что все, начиная от пола и заканчивая кроватями и плакатами на стенах, было чище, лучше, ухоженней и даже уютнее, чем в ротах на нижних этажах, где весь уют заключался в наличии табуретки. Особенно поразили Валентина абсолютно квадратные подушки, стоявшие на кроватях, застеленных синими, одинаково причесанными одеялами. Все кровати, табуретки, столы в полковой школе были выровнены по нитке, и от этого все пространство напоминало музей, в котором нельзя трогать экспонаты. В принципе, так и было, на кроватях сидеть запрещалось, а табуретки необходимо было поправлять, даже если ты присел на самый краешек. До вечера размещались и знакомились с новыми порядками, которые разительно отличались от «карантинных». В основном они касались мер по поддержанию того блеска и симметричности, царивших в школе. На вечерней поверке Валентин с радостью отметил, что старшиной полковой школы был Филин. «По крайней мере, не придется привыкать к новому», – подумал он.

Утром зарядки не было, вместо нее сержанты показывали курсантам, как нужно наводить порядок в кубрике и заправлять кровати, «набивая» с помощью специальной дощечки и щетки стрелки на одеялах и, главное, скручивать из подушек ровные квадраты со стрелками

по периметру. За пару дней обжились. Служба в полковой школе сильно отличалась от учебки. Во-первых, сержанты вмиг стали серьезнее и требовательнее, все команды их должны были выполняться бегом, а в голосах и командах младших командиров появились пренебрежительные нотки. Добродушие и доброжелательность, которые так удивили Валентина в первые дни карантина, пропали начисто. Теперь часто слышались крики и оскорбления в адрес того или иного нерасторопного курсанта. Распорядок дня был академический, занятия проводились с утра до вечера. Учили устав караульной службы, инструкции караула и караульных, табеля постов, пропуска, паспорта и прочие документы, относящиеся к служебным обязанностям. Все наизусть, до запятых включительно. В субботу и воскресенье занятий не было. Вместо этого по субботам бегали лыжные кроссы и проводили прочие спортивные мероприятия, в воскресенье, как правило, был выходной день, сержанты уезжали в город в увольнение, а курсанты занимались своими делами, вечером всех водили в клуб, где показывали кино либо какой-нибудь концерт художественной самодеятельности. Которые, впрочем, тоже носили обучающий характер. Каждый раз после просмотра фильма или концерта, вечером перед отбоем сержанты, выбрав кого-нибудь из курсантов, начинали допрос.

– Помнишь, боец, когда главный герой фильма покупал цветы? – спрашивал сержант курсанта.

– Так точно.

– А какой номер был на троллейбусе, который проезжал мимо в тот момент? – продолжал допрос он.

– Не знаю, – как правило, в первые дни обучения отвечал любой курсант.

После этого следовала команда «Упор лежа принять», и весь взвод отжимался до тех пор, пока не вспоминали номер троллейбуса, либо сержант не останавливал, посчитав наказание достаточным. То же самое было и с концертами. Сержанты требовали запоминать, кто во что был одет, цвет волос у второй справа в третьем ряду женщины из народного хора, цвет носков у баяниста, сколько раз выходил конферансье и прочее, прочее, прочее. Первые два–три месяца курсанты отжимались постоянно и много, но со временем выработался инстинкт. Все происходящее на экране либо сцене запоминалось до мельчайших подробностей, любое самое незначимое событие или действие замечалось и фиксировалось. Эта привычка, все увиденное запоминать, осталась с Валентином на всю жизнь.

В первую или вторую неделю нахождения в полковой школе отобрали тридцать человек, которые быстрее всех выучили устав караульной службы, пропуска, паспорта и служебную документацию. Сколотили из них два караула и попеременно отправили на службу по охране военного городка. В их число попал и Валя. Эти караулы, чередуясь сутки через сутки, растянулись почти на два месяца. Иногда случалось так, что кто-нибудь заболел, и тогда его меняли на бойца из другого караула, оставляя на вторые сутки подряд. Валентин один раз провел в караулке пять суток. Со временем все курсанты выучили караульную документацию, и у тех, кто был первым, появилось свободное время и выходные. В общем, служба была рутинной.

В конце декабря курсантов впервые вывели на стрельбище. Предварительно измучив тренировками обращения с оружием на учебном поле. Стрельбище находилось в трех километрах от военного городка по короткой дороге. Если рота стреляла на «отлично» то возвращались пешком по этой же короткой дороге, если оценка была ниже, то дорога становилась шестикилометровой, и по ней рота передвигалась бегом. Именно с этим стрельбищем у Валентина и были связаны все его проблемы обучения в школе. Дело в том, что, даже обладая отличным зрением, как бы Валя ни старался, он не мог попасть из автомата ни по мишени в стометровом тире, ни по мишеням на поле. Обладая отличной памятью, вниманием, умением быстро принимать решения, он был одним из лучших курсантов школы. Его постоянно ставили в пример перед курсантами, не способными запомнить двух предложений, и после поощрения сразу же отправляли в караул за тех же, кто не выучил. Командир взвода старший лейтенант Луговой

и сержанты с радостью и облегчением использовали смышленного курсанта на полную, затыкая им дыры в постовых ведомостях и нарядах, но когда дело доходило до стрельб, Валентин мгновенно превращался в изгоя и виновника всех бед, стрелял Валя стабильно на «два». Никакие объяснения сержантов, как правильно целиться, нажимать на спусковой крючок, как дышать, подводить мушку, не помогали. Луговой после каждой стрельбы орал на Макеева, что «он безмозглый debil, не способный научить курсанта попасть по мишени». Сержант в свою очередь, не стесняясь в выражениях, то же самое переадресовывал Валентину, укладывая его на снег перед кирпичным упором на учебном поле. На ствол Валиного автомата надевалась специальная резина, которая другим концом прикреплялась за соседний упор, создавая натяжение. Валентин изо всех сил левой рукой прижимал за цевье автомат к своему упору, вырабатывая таким образом правильное и сильное удержание оружия. Все было тщетно. В результате таких тренировок вырвать автомат из рук Вали было невозможно, но попадать по цели он все равно не научился. Безрезультатно пробовали менять автомат – Валентин был стабилен, все его мишени оставались девственно чисты. Дошло до того, что в дни стрельб его начали оставлять в карауле целенаправленно, чтобы не портить показатели и не гонять всех бегом из-за одного Валентина. Уже в конце зимы Луговой, наблюдая за мучениями Макеева с «бестолковым» курсантом, решил лично проверить автомат.

– За мной! – сделав пять выстрелов, скомандовал он.

Не доходя до мишени, Валентин уже разглядел, что все пять пуль достигли цели.

– Что же с тобой делать? – плюнув на снег от обиды, спросил Луговой.

– Учить, – пожав плечами, ответил Валя.

– Да как тебя, идиота, учить? – взорвался Макеев. – Обезьяну проще научить гранату кидать! Как горох об стену! Может, ты слепой? – в надежде спросил у курсанта сержант, показывая ему два пальца.

– Сколько видишь?

– Два.

– Плохо, лучше бы ты был слепой. Слепой? – вопросительно произнес Луговой. – Подожди. – почти шепотом, как бы боясь спугнуть мысль, проговорил он. – Подожди, подожди, – скороговоркой и громче повторил старлей. Кажется, старший лейтенант нащупал спасительную мысль. – Ты каким глазом целишься? – прищурившись, спросил он Валентина.

– Правым, – удивленно ответил тот, не понимая, как можно целиться левым.

– Ну-ка, иди сюда. – Сделав несколько шагов в сторону и оглядываясь в поисках непонятно чего, потянул его за рукав бушлата офицер. – Смотри, – снимая с правой руки перчатку, сказал он. – Вон стоит сосна. – Вытянул он вперед руку с поднятым большим пальцем вверх. – Делай как я.

Валя вытянул руку, сжав кулак, оттопырил большой палец.

– Двумя глазами смотри на свой палец, так, чтобы он закрыл собою сосну. Получилось?

– Да.

– Теперь закрывай левый глаз.

Валентин закрыл левый глаз и обомлел. Только что его палец закрывал собою сосну, но после того, как он закрыл левый глаз, его палец стремительно переместился влево. От неожиданности Валентин открыл глаз, и все вернулось на свои места.

– Теперь, наоборот, левый открывай, правый закрывай, – командовал Луговой.

Валя закрыл правый глаз, ничего не произошло, палец остался на месте.

– Ну? – уставился на курсанта командир взвода.

Валентин рассказал, что увидел, продолжая попеременно моргать глазами, наблюдая за пальцем.

– Уф, – облегченно выдохнул старший лейтенант. – У него глаза наоборот, левый ведущий, – обращаясь к сержанту, сказал он.

– Да как? Пишет-то он правой рукой, – ответил Макеев.

– И что? Матвеев, ты не левша? – спросил старлей курсанта.

– Нет, – ответил Валя, продолжая «ловить» сосну пальцем.

– Хватит баловаться! Бегом на огневой рубеж! Снаряжай! – вытащил из кармана три патрона и протянул их Валентину офицер. Валя быстро защелкнул патроны в магазин и убрал его в подсумок.

– Ложись.

Валентин лег за упор.

– Автомат к левому плечу!

Валя замешкался:

– Это как?

– К левому плечу, что непонятно? – рявкнул за спиной сержант.

Валентин переложил автомат с правого на левое плечо, кирпичный упор мешал целиться, пришлось переползти, полностью оказавшись правее от упора. Оглянувшись на офицера, курсант как бы спросил: «Это нормально?». Старший лейтенант, не замечая его нелепой позы, скомандовал: «Заряжай!».

– Курсант Матвеев к стрельбе готов, – доложил Валя, когда присоединил магазин и, грохнув затвором, дослал патрон в патронник.

– Левым глазом целься! Огонь! – скомандовал Луговой.

Валентин закрыл правый глаз, долго целясь левым, медленно потянул спусковой крючок не себя. Грохнул выстрел. От неожиданности Валя едва не уронил автомат. Брякнувшись, затвор выбросил дымящуюся гильзу прямо у носа курсанта.

– Целься! Огонь! – поторопил его командир взвода.

Вторая гильза пролетела мимо лица Вали.

– До утра тут лежать собрался? – пнул в подошву сапога Макеев курсанта.

Проводив взглядом третью гильзу и поставив на предохранитель оружие, – Курсант Матвеев стрельбу окончил, – громко прокричал Валя.

– Оружие к осмотру.

– Осмотрено.

– За мной бегом марш! – в азарте прокричал Луговой и устремился к мишени.

Радость переполнила грудь Вали, когда он еще на бегу разглядел сначала одну, а потом еще две пробоины в мишени. Правда, все они были в разных углах, а одна вообще в «молоке», но главное, что они были.

– С почином вас Валентин Борисович! – засмеялся Луговой и хлопнул его по шапке сверху, так что она сползла на глаза.

– Слава богу! – выдохнул Макеев. – Теперь понятно, курсант, как стрелять?

– Так точно! – поправляя шапку, радостно ответил Валя.

В честь радостного события обратно в школу возвращались пешком по короткой дороге. Все поздравляли Валу с таким значимым событием.

– Молодец! – бросился обнимать Валу Слепов. – Молодец! – хлопая по плечам, продолжал, он. – Я уж не надеялся! Думал, так и сдохну когда-нибудь, как лошадь загнанная. Капец как бегать надоело! – радостно почти кричал он.

Вечером Валя в хорошем настроении в письме домой похвастался, что наконец-то научился стрелять. На следующий день после завтрака вся полковая школа занялась чисткой оружия, которая превратилась в небольшой детектив с невольным участием Валентина. Чистка оружия скучное и не любимое в армии занятие. Все курсанты рассаживаются в длинном коридоре школы на свои табуретки, получив оружие, разбирают его практически до винтика, включая спусковой механизм, и целый день чистят автоматы, выковыривая из самых укромных уголков нагар и сажу. Перерыв только на обед, перед ужином чистка завершается. Оружие

чистят после каждых стрельб. В этот раз все было как обычно. Курсанты драили автоматы и тихонько болтали обо всем сразу и ни о чем конкретно одновременно.

– Курсант Семенов, на выход! – неожиданно прокричал стоявший на тумбочке дневальный. Виталья Семенов, сидевший в паре метрах от Валентина, поднял голову, пытаясь понять, зачем он понадобился дежурному. Родом он был из Рязани, до армии увлекался альпинизмом и постоянно рассказывал многочисленные истории про восхождения. Физически крепкий, он редко шел на компромисс, пытаясь всегда подчинить своей воле кого-нибудь из курсантов. Несколько раз Валентин цеплялся с ним во время уборки территории, когда Семенов демонстративно ничего не делал, но до драк дело не доходило, ограничивались словесными перепалками. Особо Виталий ни с кем не дружил, держась слегка на расстоянии от всех. В Кремль ехать не собирался, надеясь остаться служить сержантом в полковой школе.

– Курсант Семенов, на выход, – второй раз прокричал дневальный.

– Оглох, что ли? – глядя на Виталия, спросил Макеев, встав с табуретки. – Бегом! – поторопил он курсанта.

Задвинув под табуретку разобранный автомат, курсант, несколько проигнорировав приказ сержанта, не бегом, но быстрым шагом направился к тумбочке. Вернулся он довольно быстро и при этом бегом, радостный и немного растерянный.

– Товарищ сержант! – Обратился он к Макееву. – Ко мне отец приехал!

– И что? – Спросил его командир.

– Можно мне на КПП части сходить?

– Можно Машку за ляжку, – грубо поправил его Макеев. – Собирай автомат.

Сержант встал, взяв свое оружие, пошел к дневальному. Через несколько минут он вернулся уже в шинели и почему-то с автоматом.

– Готов? – спросил он Семенова.

– Так точно! – вскочил Виталий, держа в руках собранный автомат.

– Автомат положи. Дежурный в столовую ушел, – сказал Макеев, глядя на часы.

– Ждать будем? – грустно спросил Семенов.

– Нет. Сдашь мой автомат, – приказал Макеев командиру первого отделения младшему сержанту Костину.

Младший сержант молча взял автомат Макеева и положил его под свою табуретку. Семенов, не зная, что делать с оружием, подумал, что Костин сдаст и его автомат, но протягивать его в руки младшего сержанта постеснялся или побоялся, тихонько положил его под свой табурет. Надев шинель, Виталий поспешил за Макеевым, который уже ждал его у выхода. Родители в часть к курсантам приезжали регулярно, особенно к тем, кто призывался не издалека. По этому случаю курсантам было разрешено встречаться с близкими на КПП части, где для этого была оборудована небольшая комната. Как правило, время таких свиданий зависело от настроения сержантов, которые обязаны были присутствовать при этом вместе с курсантом на КПП. Обсудив приезд родственников и немного позавидовав Семенову, продолжили чистку оружия. Время катилось к вечеру.

– Рота, прекратить чистку оружия! – раздался крик дневального. Школа ликованием встретила команду и начала быстро собирать оружие. Дежурный по роте открыл ружпарк, и дневальный прокричал:

– Рота, сдать оружие!

С ближнего к оружейной комнате взвода все потянулись в ружпарк ставить автоматы в пирамиды. Дежурный по роте курсант стоял в проеме сдвижной решетки оружейки и поторапливал всех:

– Быстрее, ногами шевелим, построение на ужин через десять минут.

Валентин поставил свой автомат в пирамиду и направился за своей табуреткой, оставленной в коридоре школы. Курсанты уже растащили половину табуретов по расположениям и

оставшиеся стояли в хаотичном порядке. Издалека Валя заметил, что автомат Семенова все еще лежал на полу роты. Валентин поднял свой табурет и, оглянувшись на автомат Семенова, наклонился за ним.

– Ты что тупишь, быстрее давай! – услышал он голос старшины. – «Это не мой!», – хотел было сказать курсант. Но старшина, не оглядываясь, прошел мимо, а в спину ему Валентин отвечать постеснялся. Чтобы не идти в оружейную комнату с табуреткой, Валя завернул в свое расположение, оставив ее около своей кровати. Выйдя в коридор, он увидел, как дежурный закрывает ружпарк. Первая мысль была крикнуть, чтобы он подождал. Но курсант с повязкой дежурного уже развернулся и пошел, не оглядываясь, в умывальник. В коридоре никого, кроме Валентина, не было, курсанты мыли руки, отскабливая оружейное масло, а сержанты ушли курить. До построения на ужин оставалось пара минут, и Валентин, сунув автомат Семенова под матрас своей кровати, заспешил мыть руки. «Сдам после столовой, война войной, а обед по распорядку», – рассудил Валя и поспешил на построение к ужину. Поднявшись после ужина в роту, Валя с удивлением увидел, что дежурный суточного наряда, который принимал оружие, сдает дежурство новому курсанту, заступающему на сутки. По инструкции, они должны были пересчитать оружие в пирамидах, после этого передать ключи и печать, но в этот раз новый дежурный ограничился вопросом: «Все в порядке?». На что отдежуривший, радуясь окончанию суток, безмятежно бросил: «Конечно». На этом передача дежурства окончилось. «И что теперь делать? – задумался Валентин. – Принести автомат? Значит, оказаться крайним. Старшина разбираться не станет, чей это автомат, выпишет двое суток наряда во вторую смену, и объясняя потом что не верблюд. Конечно, потом разберутся, но приказы старшины обратной силы не имеют, в наряде все равно придется стоять. С другой стороны, оба дежурные сами виноваты, нужно было правильно принимать дежурство». Как говорил старший лейтенант Луговой, «Уставы в армии написаны кровью». Только теперь до Валентина дошел смысл этих слов. Никто не видел, как он спрятал автомат под матрас, и будь он более ушлым, его можно было вынести и спрятать. Пускай потом разбираются, куда делась одна единица боевого оружия пусть даже и без магазина. Оба курсанта, не пересчитавшие автоматы, вероятнее всего поехали бы в дисбат, а всем остальным от старшины до командира полковой школы прилетели бы такие неприятности, что и подумать страшно. За себя Валентин почему-то не беспокоился, он автомат не воровал, а даже наоборот, он его нашел. Отнести оружие старшине, значит сразу подставить нерадивых курсантов в лучшем случае под изгнание в Советскую Армию, да и самому Валентину вряд ли объявят благодарность, кто он такой, чтобы автоматы прятать. Сказать Макееву тоже не вариант, в последнее время он не очень благосклонно относился к Матвееву, поняв, что тот не собирается оставаться в полковой школе, сержант посчитал это предательством и при каждом удобном случае наказывал его либо выговаривал Валентину свое недовольство. При таком раскладе Макеев мог перевернуть ситуацию так, что самого Валентина выгонят из полка. «Что делать?», – мучительно думал Валентин. То, что автомата не хватятся до следующего вечера, было понятно, но завтра в восемь часов, когда будет заступать новый наряд, дежурный курсант пересчитает оружие, и тогда начнутся поиски. То есть на решение проблемы была только ночь. Ничего не подозревающая школа готовилась к отбою. Валентин уже сломал голову, решая сложную задачу про возвращение автомата. Отдать его Семенову, пусть сам тащит его в оружейку. Тоже не вариант, Семенов не задумываясь, сдаст его Макееву, и тогда уже ему будет не оправдаться. Объявили отбой. Валентин аккуратно расправил свою кровать и лег, стараясь разместиться так, чтобы автомат не мешал. Наличие оружия под матрасом возбуждало и будоражило мозг. Мысли не отдавать автомат, а вынести и спрятать получше Валентин отгонял сразу же, но они постоянно появлялись, вновь вгоняя его в искушение. Сна не было. Несколько раз Валентин приподнимался на локтях и смотрел на безмятежно спящего Семенова. Неожиданно его улыбающееся во сне лицо взбесило не находящего себе места от мыслей Валу. Он перевел взгляд на другую половину кубрика, там в

полном неведении, посапывая во сне, с самым безмятежным видом спал горе-дежурный, не пересчитавший оружие. «Какого черта? – психанул, Валентин. – Почему он должен мучаться, а они спать. Их проблема, пусть они думают». Дальнейшее решение пришло само собой. Он встал и пошел в туалет. Возвращаясь обратно, Валя с самым безмятежным видом остановился около тумбочки.

– Что, не спится? – спросил его зевающий дневальный.

– Спитесь, – как можно спокойнее ответил Валентин. – Воды напился на ночь, вот и прижало, – объяснил он свое брожение по роте.

– Смотри не обоссись, – заржал курсант с повязкой на руке.

«Сам не обоссись», – подумал Валя, глядя на дежурного.

– Постараюсь, – ответил он вслух. – Ладно, пойду я, – делая вид что зевает, продолжил Валентин.

– До скорых встреч, – улыбался дежурный, намекая на беготню в туалет.

– И тебе спокойной ночи, – через плечо бросил Валентин. – Охраняй автоматы лучше, – пнув по решетке ружья, проходя мимо, добавил Валя, делая вид, что обиделся.

Теперь остается ждать. Валентин быстро и безмятежно уснул. То ли автомат под матрасом, то ли мысли про потерянное оружие наложили свой отпечаток на сознание Вали, сон ему снился в стиле американского боевика, в котором он, убегая от злодеев, отстреливался из автомата Семенова, причем без магазина. Как это возможно, стрелять без магазина, во сне Валентина не интересовало совсем, а вот отдача от оружия в плечо была настоящая, и с каждым выстрелом все сильнее и сильнее. В конце концов от этой отдачи Валентин проснулся. Открыв глаза, он увидел над собой дежурного, который тряс его за плечо.

– Валя, просыпайся, – настойчиво шептал дежурный.

– Че тебе надо? – спросонья моргая, спросил Валентин.

– Валя, у меня в ружьях автомата не хватает, – зашипел дежурный.

– Коля! – именно так звали дежурного. – Ты, дебил? – прошипел в ответ Валентин. – Я тут причем?

– Ты ушел спать и про автоматы сказал, чтобы я охранял их лучше, – горячо шептал Николай. – Мне спать захотелось, чтобы не уснуть, я пошел пересчитывать оружие, а одного не хватает.

– Так стукнишь башкой о тумбочку и проснешься, – ответил ему Валентин, вспомнив наставления старшины.

– Я не шучу! Одного нету! – пытаюсь не кричать, повысил голос дежурный. Состояние его было на грани паники.

– Коля, отстань! – переворачиваясь на другой бок, зло сказал Валентин. – Я тут при чем? Ты когда дежурство принимал, автоматы считал?

– Да не считал я? Куда они денутся? – начал оправдываться Николай.

– Ты достал меня! У кого принимал дежурство?

– У Никифорова!

– Так буди и спрашивай. У меня фамилия Матвеев, – окончательно отворачиваясь, сказал Валя. Вопреки ожиданиям, дежурный не пошел будить Никифорова, а поперся опять в ружьях пересчитывать автоматы. Через несколько минут он вернулся и пошел вдоль рядов кроватей искать Никифорова. Валентин внимательно наблюдал за происходящим. Несколько минут очень тихо курсанты перешептывались, потом Никифоров встал, и они ушли в сторону оружейной комнаты. – «Так, одного поднял? Интересно, когда они придут за Семеновым», – ждал Валя. Минут через десять оба пришли и начали трясти Семенова. В отличие от Вали, Семенов сходу послал обоих далеко и громко. Неудачники дежурные не пошли по указанному адресу, а принялись еще сильнее трясти Виталия. Худо-бедно растолкали и утащили его в ору-

жейку. Дождавшись, когда они в панике направятся в туалет курить и думать, куда мог пропасть автомат, Валентин пошел туда же, повод для этого был, он же «воды на ночь напился».

– Не спитесь? – задал он вопрос «святой троице», стоявшей посередине комнаты для умывания.

– Тебе-то какая, разница? – огрызнулся Семенов.

– Он все знает, – сказал Николай.

– Ничего я не знаю. Ты, Коля, меня не вмешивай, вам и троим нескучно, – ответил Валя и пошел в помещение туалета.

– Нет, Макеева будить не надо, – продолжил прерванный разговор Семенов.

– Давай Костина разбудим, спросим, сколько он автоматов сдавал?

– А смысл? – спросил Никифоров.

– Да никакого смысла! – почти крикнул Коля. – Что один, что другой сразу к старшине побегут.

– А че делать-то? – почти заплакал Никифоров. Он больше всех чувствовал себя виноватым, не пересчитав после чистки оружие.

Повисло молчание, все думали. Валентин не торопился уходить.

– Короче так, – начал Коля, – после ужина никто из школы не выходил, значит, что он все еще в роте.

«Первая здравая мысль», – отметил Валя.

– Дожидаемся подъема и, когда все убегут на зарядку, я перерою всю школу, – продолжил он.

– А если он в каптерке? – задал вопрос Семенов.

– Был бы в каптерке, мы бы уже в Советскую Армию ехали, – перебил его Коля.

– Логично, – согласился Виталий.

Поняв, что до подъема ничего интересного больше не произойдет, Валентин направился спать. На часах было начало пятого. «Судя по всему, у этих троих поспать сегодня не получится», – радостно подумал Валя, перекладывая автомат, из-под своего матраса под запроваленную кровать Николая: сам у себя он точно искать не будет.

– Рота подъем! – вырвала из сна Валентина команда. Во время зарядки он издали наблюдал за Семеновым и Никифоровым, которые заметно нервничали. «Если Коля не найдет автомат, то вся эта история выльется наружу, и тогда всем троим не поздоровится». По выражению лица дежурного сразу было понятно, что оружия в роте не нашли. Поэтому все трое сразу же уединились в сушилке думать, как быть дальше. Валентин им не мешал. «Чем меньше времени у них останется, тем сговорчивее будут», – разумно рассудил он. Время шло, автомат не находился. Выражение лиц у всех троих с каждой минутой становилось все грустнее и серее. В обед Никифоров, жалуясь на тошноту и боль в животе, остался в роте. Уже вдвоем курсанты еще раз проверили всю школу, результатов это не дало. Абсолютно ожидаемо около шести часов вечера, посоветовавшись, товарищи по несчастью не придумали ничего лучше, как направить парламентаря к Валентину. Во-первых, по их мнению, он неспроста кинул фразу про автоматы Коле, во-вторых, он все равно знает про пропажу оружия. Для переговоров выбрали Семенова, он был сильнее и напористее всех, и автомат был все-таки его. Найдя Валентина в бытовке, Виталий начал, как говорится, «с места в карьер».

– Матвеев, ты охренел, где автомат?

«Не дипломатично», – подумал Валя, но вслух произнес совсем другое:

– Какой автомат, Семенов?

– Не придуривайся, мой автомат.

– Или ты скажешь, что не знаешь?

– Знаю, – спокойно ответил Валя.

– Где автомат? – сжимая кулаки, сквозь зубы процедил Семенов.

– У Никифорова с Копыловым спроси, – даже не вставая с табуретки, так же спокойно произнес Валентин.

– Я тебе сейчас в морду дам! Верни автомат! – сделав шаг в сторону Вали, скрипя зубами, крикнул Виталий.

– И что, автомат после этого появится? – негромко спросил Валентин и в следующую секунду, резко вскочив на ноги:

– Сидеть! – крикнул он на Семенова так, что тот невольно остановился. – Садись, я тебе сказал! – еще громче, прямо в лицо Виталию крикнул Валя и пнул свою табуретку в сторону Семенова. Табуретка ударилась о ноги опешившего курсанта и отскочила в сторону. Валентин вытащил из-под гладильной доски вторую табуретку и, сев на нее, продолжил совершенно безапелляционным холодным тоном:

– Виталий, садись!

Семенов сел.

– Эти два дебила, – кивнул Валя в сторону коридора, имея в виду Копылова с Никифоровым, – потеряли твой автомат. Так?

Виталий кивнул.

– Вопрос, при чем тут ты? Правильно, ни при чем, – за Семенова ответил Валя, потихоньку склоняя Виталия на свою сторону. – Предположим, что я знаю, только предположим, что знаю! – уточнил он. – Где оружие? Вопрос. Зачем мне говорить, где оно? Чтобы эти мудаки в следующий раз потеряли мой? Они даже сейчас не придумали ничего лучше, как подставить тебя. Тебе это надо? Не надо, – продолжал давить Валентин. – Тебя вообще в роте не было, ты с отцом на КПП был. А теперь, по их мнению, за то, что к тебе приехал отец, ты и виноват. Мало того, они еще и Макеева утянут за тобой. Вдруг вы твоему отцу автомат вынесли. – Валентин неспроста упомянул родителя и сержанта. За родного отца любой горло врагу перекусит, а Макеев был для Семенова билетом в полковую школу, Виталий очень хорошо общался с будущим старшиной. – Через час их фантазии хватит только на то, чтобы перевести стрелки на вас. Тогда что ты будешь делать? Да они уже сейчас послали тебя ко мне, как лоха. Твой автомат – ты и разбирайся? А ты уверен, что они его сами не уперли? А тебя сливают? – Не давая Семенову время на обдумывание, сеял сомнения Валентин. – Твой отец приезжал. С Макеевым на КПП был. Автомат пропал твой, – загибая пальцы, перечислял несуществующие косяки Валентин. – Тебя с Макеевым в дисбат, а им автомат. Нормальная такая схема. Увидишь ты, Виталик, свои любимые горы лет через пять. Знаешь, почему они найти его не могут? Потому что знают, где он лежит, – вбил, как гвоздь в стену, убийственный аргумент Валентин.

Семенов молчал. Все, что сейчас он услышал, было похоже на бред. При чем тут его отец, каким боком Макеев. Никифоров с Копыловым искренне переживали за потерянный автомат.

– Продадут они автомат бандитам, вон, что в стране творится, – как бы прочитав его мысли, добавил Матвеев.

«Как они смогут продать автомат и главное кому?», – задумался Виталий, уже переставая понимать, где реальность. Валентин же, напротив, был совершенно спокоен. Когда-то он услышал фразу «Чем больше ложь, тем охотнее в нее верят». Кто это сказал, он не помнил, но эта теория точно работала.

– Тебе, Виталия, принимать решение, – окончательно убивая уверенность Семенова, голосом, полным сочувствия, продолжил Валентин. – Или ты в полковой школе и Макеев старшина, или оба где-то на Камчатке снег чистите. Сам подумай, зачем тебе эти два неудачника.

Виталий несколько секунд молча обдумывал все услышанное и после не совсем уверенно спросил:

– Автомат-то где?

«Молодец», – мысленно похвалил его Валентин.

– А давай у них спросим? – снова кивнув на коридор, предложил он. «Если сейчас Семенов согласится, то можно праздновать победу». Если до этого разговора соотношение сил было трое против одного, то после того как Виталий скажет «давай» будет два против двух, а учитывая автомат, это просто нокаут обоим проштрафившимся дежурным.

– Давай, – в голове Валентина вспыхнул победный фейерверк, – зови! – закрепляя свое положение главного, скомандовал он.

Семенов встал и, открыв дверь, молча махнул рукой. Оба незадачливых курсанта зашли в бытовку и как нашкодившие школьники встали у самой двери. Виталий сел на табуретку, как бы показывая, что он на одной стороне баррикады с Валентином.

– Нашли автомат? – без прелюдий начал Матвеев.

– Нет, – ответил Никифоров, в этом дуэте он был главным.

– А его зачем приплели? – одними глазами указав на Семенова, продолжил Валя.

– Так его же автомат пропал, – удивленно ответил Никифоров.

– Так надо было министру оборону позвонить, он же главный по автоматам, – начал слегка глумиться Валентин. – Молодцы какие, сами автомат проушанили, а Семенов отвечай? Так что ли? Кто должен оружие считать? Семенов?

– Нет, – окончательно признав Валентина хозяином положения, тихо ответил Никифоров.

– А кто? – закрепляя успех, продолжал Матвеев.

– Я, – Никифоров опустил глаза.

– И? – переведя взгляд на Колю Копылова, ждал Валя.

– Я, – признался тот.

– Здорово, и что делать будете? Через час дежурство сдавать.

Оба молчали.

– Что и требовалось доказать. Виталий, ты понял, что на тебя все стрелки переведут?

Семенов молчал, подыскивая слова, желваки на его скулах грозно зашевелились. Не дав Виталию сорваться:

– Значит так, – произнес Валентин и через паузу, во время которой все уставились на него, как на спасителя: – Слушаем и запоминаем. Во-первых, никому ни слова до самого дембеля. Во-вторых. Вы оба, – покачав пальцем с одного дежурного на другого, продолжил Валентин, – должны по два дежурства Виталию, за то, что втянули его в свои проблемы.

В-третьих. Вы должны по два дежурства мне, за то же самое. Виталий, ты же сможешь Макееву объяснить, почему они за нас будут дежурить? – окончательно вербуя Семенова, спросил Валя.

– Легко, – радостно и в то же время серьезно ответил тот.

– Хорошо, – подвел итог Валентин. – Надеюсь, вы понимаете, что косяк только ваш? – Глядя на Никифорова с Копыловым, еще раз поверг в вину курсантов Валентин.

– Да, – нестройно ответили курсанты.

– Хорошо, будем считать, что договорились, – вставая, сказал Валентин.

– Теперь ты, – обращаясь к Коле Копылову, – иди в ружпарк и готовься к передаче дежурства, открывай пирамиды. А вы, – повернулся Валентин к Никифорову и Семенову, когда ушел Николай, – второй взвод, второй ряд, третья кровать. Виталик, обрати внимание, кто на ней спит, – негромко произнес Валя в спину Семенова. – И без разборок. Разобрались уже, – предостерег его Валентин.

Когда все ушли, Валя тяжело опустился на табуретку, ноги предательски тряслись. «Ничего себе ситуация, – думал он, – вчера я с ума сходил от мыслей, как вернуть автомат, а сегодня мне должны четыре дежурства, Семенов теперь как шелковый, и автомат на месте». Так вывернувшись из такого геморроя он не планировал, максимум он хотел отдать автомат

перепуганным дежурным, чтобы оба запомнили, что нужно правильно выполнять свои обязанности. А получилось так, что он выступил в роли крестного отца из знаменитого фильма про американских гангстеров. «Ситуация, однако». Но что сделано, то сделано. Копылов с Никифоровым на всю жизнь запомнят этот случай. Семенов до поры до времени будет благодарен Валентину за помощь. Надо будет взять на вооружение сегодняшний опыт. Тайна фразы «Разделяй и властвуй» рухнула, теперь Валя точно знал, как надо командовать подчиненными. В эту ночь он спал без снов, глубоко и крепко.

Несмотря на полную тайну всего произошедшего, авторитет Валентина после истории с автоматом начал расти как на дрожжах. Сам он этому никак не способствовал и продолжал рутинно учиться на младшего сержанта. Даже в наряды он ходил сам, не торопясь использовать долги Копылова и Никифорова, полагая, что еще представится подходящий для этого момент. Но поведение незадачливых курсантов и особенно Семенова не осталось незамеченным в школе. Теперь даже простые слова в разговорах или мнение, высказанное Валентином, воспринималось ими как безоговорочная правда, а в вопросах, по которым нужно было принимать решение, слова, произнесенные Матвеевым, принимались как команда. Все, что теперь происходило или должно было произойти во взводе без ведома сержантов, сначала обсуждалось с Валентином. Если до истории с пропажей автомата такую роль пытался выполнять Семенов, стараясь доказать всем свой авторитет, то теперь он сам первый начал обращаться за решением вопросов к Матвееву. Про Никифорова с Копыловым и говорить было нечего, они, полностью подавленные произошедшим, просто смотрели в рот Валентину. Сначала это несколько беспокоило Валу, постоянные вопросы и решение зачастую не касающихся его вопросов отвлекали от обучения, но со временем он понял, что лучше ему выполнять роль серого кардинала взвода и владеть всей информацией, чем быть постоянно в неведении того, чем живет коллектив. Даже Макеев стал более дружелюбно относиться к чересчур умному, по его мнению, курсанту, потому как в его подразделении появился человек, на которого можно было при случае опереться.

– Я что-то пропустил? – спустя некоторое время неожиданно задал вопрос Владимир Каляев, курсант, с которым Валентин особенно хорошо подружился во время обучения. Вова был из Ульяновска. До службы в армии он успел выучиться на помощника машиниста поезда и собирался продолжить железнодорожную карьеру после службы. Был он высокий и, как показалось Валентину при первом знакомстве, чересчур худой. Разговаривал тихо, с акцентом, при этом всем жителям Поволжья, и всегда внимательно слушавший всех. Перед тем как ответить на вопрос, он всегда, прищурившись, смотрел в глаза собеседнику, как бы спрашивая его «Зачем тебе это надо». Но отвечал всегда прямо и честно, даже если его слова могли обидеть, он никогда не искал сглаживающих форм речи, а рубил с плеча и сразу. Именно эта черта характера Каляева очень нравилась Валентину. Когда человек так прямолинейно озвучивает свои мысли, это может означать только одно: за каждое свое слово он несет ответственность. Многих, наоборот, прямолинейность Владимира отталкивала, и они старались лишней раз не попадать под обстрел его резких высказываний. Обладая обостренным чувством справедливости, Каляев уже несколько раз задирался с сержантами, которые, по его мнению, несправедливо распределяли обязанности между курсантами, выделяя любимчиков. Поэтому его присутствие на тумбочке было практически постоянным. В таком суточном наряде Валентин и Владимир впервые и разговорились по душам. Именно с этого дня и началась их дружба. Каждый из них нашел для себя нужное в характера другого. Валентин – честность и откровенность Каляева, Володя – рассудительность и вдумчивость Матвеева. Вдвоем они теперь составляли единое целое, и старались помогать друг другу по мере своих сил и возможностей. Помня про честность Володи, Валентин не стал впутывать его в историю с пропавшим автоматом. Прямолинейность друга могла помешать выполнить так аккуратно возврат оружия. Зная, как Вова решает такие вопросы, Валентин даже не сомневался в том, что друг, пытаясь заступится

за Валентина, просто набьет морды Никифорову с Копыловым за их бестолковость. Вся эта история получит огласку. И Владимир станет в этой истории главным виновником, избившим сослуживцев. Потому Владимир нечего не знал.

– Ты о чем? – откладывая в сторону учебный пропуск, спросил Валя.

– Я про Семенова, – прищурившись, ответил Вова.

– А что Семенов? – пытаюсь выиграть время для ответа на уже следующий вопрос друга, переспросил Валентин. Про автомат нужно было молчать, а как объяснить своему другу перемены в поведении Семенова, он пока не знал. Тот факт, что Валя умолчал о своей проблеме, мог обидеть Каляева, а этого делать не хотелось. Не объяснять же, что своим молчанием Валя оберегал в первую очередь друга от возможных неприятностей.

– Валя! Не придуривайся, – с нотками ревности, как показалось Валентину, продолжил Вовка. – То вы друг друга терпеть не могли, а сейчас чуть что, он к тебе бежит?

– Не знаю, я не замечал, – тянул время Валя.

– Что не замечал? Он уже сегодня два раза прибежал! Что ему надо? У тебя все нормально?

«Есть!», – обрадовался Валя. Оказывается, друг всего-навсего беспокоится о нем. Зная взрывной характер Семенова, Вова подумал, что частое общение его с другом связано с какой-то проблемой. И проблема проистекает, конечно же, от Семенова. Желая помочь Вале, он и задал этот вопрос.

– Все нормально, – облегченно выдохнул Валя. – Он в полковой школе хочет остаться, вот и промывает о моих планах. Я ему сказал, что в полк поеду, а он, похоже, не верит, вот и крутится рядом, – испытывая небольшие угрызения совести, за то, что приходится обманывать друга, соврал Валентин.

– Ты поаккуратнее с ним, скользкий он, – предупредил его Владимир. – Он постоянно с Макеевым ошивается, только что не целуются. Встретились два сапога пара. Смотреть противно, – продолжил он. – Поскорее бы уже в Кремль уехать, надоело здесь сидеть до жути.

– Потерпи, немного осталось, весна уже, – поворачиваясь к окну, произнес Валя.

Четыре из шести месяцев, положенные для обучения на сержантов, уже пролетели. За окном с каждым днем все сильнее заявляла о себе наступившая весна. Дни становились длиннее, и от этого казалось, что время потекло медленнее. Валентин, который уже выучил все, что было возможно и даже чуть больше, практически каждые сутки проводил в карауле. Стоя на посту, он жалел, что здесь нельзя было продолжить или хотя бы начать обучение и знакомство с тонкостями службы в полку. Жалко было времени, которое так бесполезно тратилось на караулы, наряды и прочие каждодневные солдатские мероприятия. Понимая, что в Кремле совсем все по-другому, он каждый раз, когда приезжали из полка роты на стрельбы, пытался поговорить и расспросить о Кремле, но те немногочисленные знакомые, которых удавалось увидеть, практически ничего не рассказывали. Они были «молодыми», и свободного времени на болтовню совсем не имели. Обычно все расспросы заканчивались фразами «Все нормально», «Сам увидишь», «Служить можно» и подобными общими отговорками. За время, проведенное в школе сержантов, все курсанты перезнакомились. Как и положено в большом коллективе, в общей своей массе все относились друг к другу как товарищи, учитывая, что призыв был один, явных конфликтов не было. Так же как Валентин с Владимиром, кто-то с кем-то подружился по-настоящему. Были такие, которые держались на расстоянии от всех, были даже те, кто умудрялся ни с кем не общаться кроме как по службе. Ничего удивительного в этом не было, все люди разные. Из ближайших значимых мероприятий, которые хоть как-то могли скрасить ожидание, были только «полугодовая проверка она же экзамен на присвоение звания» и «весенний призыв». До первого события оставался приблизительно месяц, до второго – на две недели больше. Примерно половина курсантов с опаской ожидала экзамена, каждый был в чем-то не уверен. Валентин же, напротив, готов был хоть сегодня сдать «проверку» и отпра-

виться в полк. В своих теоретических знаниях он не сомневался, как впрочем, и сержанты с офицерами за него не переживали. Некоторое опасения вызывала стрельба, но стараниями Лугового Валентин уже стрелял на твердую «четверку», и если очень постараться, то на «проверке» можно было выбить и «пять». С физической подготовкой дела обстояли лучше, чем со стрельбищем. Даже несмотря на то, что Валентин за это время умудрился поправиться аж на одиннадцать килограмм благодаря режиму, постоянным физическим нагрузкам и очень хорошему рациону в столовой. Он спокойно подтягивался положенное количество раз и бегал не хуже других. Все эти килограммы ушли в мышцы, и Валя заметил, что его гимнастерка стала с трудом застегиваться на груди. В общих чертах, первые полгода службы Валентина подходили к концу. И можно было подводить промежуточные итоги. К плюсам Валя отнес следующее. Во-первых, он был жив и здоров, даже более чем на гражданке, учитывая прибавившиеся два сантиметра роста и набранный вес. Во-вторых, его знания, ограничившиеся на гражданке хоккеем и токарным станком, теперь были намного шире за счет того, что пришлось много учить, особенно документов. Например, о том, что паспорта бывают на двух и даже трех языках, Валентин понятия не имел. В-третьих, выработавшаяся привычка все происходящее вокруг анализировать, сопоставлять и запоминать несмотря ни на что, очень пригодится в жизни. Это не опыт вождения танка один раз в армии и больше никогда в жизни. В-четвертых, это новые знакомства и друзья, особенно Каляев, которого Валентин воспринимал уже как брата. Как позже показала жизнь, армейские друзья, раскиданные по всей огромной территории страны, не раз выручали Валентина в будущем. К минусам Валя отнес только один факт. Несмотря на то, что он служил в Кремлевском полку, ни сам полк, ни Кремль, ни даже Москвы он до сих пор не видел. Сглаживало это печальное обстоятельство только понимание того, что до встречи с Кремлем оставалось всего два месяца. Месяц до «проверки» прошел буднично. Старший лейтенант Луговой один раз вызывал Валентина в комнату командиров взводов. Почти домашнему и даже, как показалось Вале, искренне Андрей Константинович долго расспрашивал его про успехи и трудности обучения, интересовался, как дела дома, все ли хорошо с родителями и близкими. Слушая Валентина, он делал, какие-то записи на листе бумаги и иногда приводил примеры того, как сам учился в военном училище. Если бы не форма одежды, то стороннему человеку, случайно услышавшему их разговор, могло бы показаться, что старший брат разговаривает с младшим, заботясь о его будущем и давая советы. Впрочем, разговор не имел какого-то законченного смысла, скорее всего, Луговой просто хотел больше знать о своих подчиненных.

Наступил день большой «проверки», вернее, даже не день, а три дня.

– Рота, подъем, боевая тревога! – В пять часов утра вся школа проснулась от дикого крика дневального.

То, что будет тревога, все знали, тайной был только день, с которого начнется «проверка», но и это стало известно за день до начала. Офицеры, обычно уезжавшие вечером домой в Москву, на этот раз остались в домах для прикомандированных, о чем сразу же через караул было сообщено старшине школы Филину. Вечером после вечерней поверки, перед тем как скомандовать «Разойдись», Старшина, сделав небольшую паузу, произнес:

– Завтра в пять часов утра абсолютно неожиданно, – улыбнулся он, – школа будет поднята в ружье. Отставить смех! – громко осадил он курсантов, засмеявшихся при фразе «абсолютно неожиданно». Старшина, больше всех заинтересованный в хорошей оценке школы, перешел на командный тон: – Заместителям командиров взводов еще раз уточнить штатное расписание, командирам отделений проверить обмундирование и готовность оружия, всему личному составу вспомнить свои обязанности и действия по сигналу «тревога». Напоминаю! – на тон громче, остановившись посередине строя и оглядев курсантов слева направо, продолжил он, – напоминаю, с тревоги начинается полугодовая «проверка», от итогов которой зависит ваша дальнейшая служба. Как, и, главное, в каких подразделениях вам придется служить в полку.

Тишина! – вновь напомнил о дисциплине он. – Не скрою, некоторые из вас после этой проверки могут поехать в полк рядовыми.

Старшина замолчал. Повернувшись, он направился в сторону каптерки. Команды «разойтись» не было, и школа ждала, что будет дальше.

«Наконец-то», – обрадовался Валентин. Его уверенность в своих силах была непоколебима, и в мыслях он уже давно щеголял в погонах с двумя лычками младшего сержанта. Старшина дошел до начала строя и резко остановился, повернувшись кругом, он с очень удивленным выражением лица спросил:

– Чего стоим? Кого ждем? – Выждав еще несколько секунд, уже с улыбкой, онскомандовал: – Вольно! Разойдись.

Ровный строй курсантов рассыпался, как бусины по полу. Младшие командиры бросились в ружпарк проверять чистоту оружия и противогазов, а курсанты – в умывальник бриться и стричься. В связи с подготовкой к «неожиданной» тревоге отбой отложили на час, а чтобы не вызвать подозрение у офицеров и дежурного по части, основной свет выключили, оставив только ночное освещение. К одиннадцати часам все на десять раз перепроверив и наизусть пересказав сержантам свои обязанности, связанные с «тревогой», отбились спать. По штатному расписанию Валентин должен был после получения оружия бежать в сторону спортзала и в помещении школы прапорщиков, располагающейся на первом этаже, получить радиостанцию. После этого вернуться обратно в строй, который к этому времени должен быть построен на плацу.

– Рота, подъем! Боевая тревога!

Валентин вскочил и быстро, застегиваясь на бегу, устремился в оружейную комнату. Бежать от второго взвода было дальше остальных. Когда Валентин вбежал в ружпарк, там уже толпились курсанты с третьего и четвертого взводов. Хватая автоматы и цепляя двумя пальцами сумки с противогАЗами, они выскакивали в коридор, создавая помехи вбегающим. Надо же было одному из них, высоко задрав автомат, прямо на входе столкнуться с Валентином. Само по себе столкновение привыкшему к ним, играющему в хоккей, Валентину было не страшно, но мушкой своего автомата выбегающий курсант больно ударил Матвеева прямо в левую бровь. Не придав этому значения, только громко матюкнувшись, Валя схватил автомат с противогАЗом и через три ступеньки сразу полетел вниз по лестнице. На плацу выбегающие курсанты, побросав на асфальт портупеи и оружие, впопыхах заправлялись и застегивались. Слева от дверей стоял с секундомером в правой руке начальник полковой школы подполковник Зюляев. Замкомвзвода, приводя себя в положенный вид, громко поторапливали курсантов. Все это Валентин успел заметить краем глаза, пробегая мимо в сторону школы прапорщиков, до которой было приблизительно метров сто. Норматив построения роты по «тревоге» составлял пять минут сорок секунд. Прикидывая в уме на бегу, сколько времени уже прошло, Валентин совершенно забыл о том, что с крыши спортзала всю неделю капала вода от таявшего под весенним солнцем снега. За ночь вдоль стены спортзала до самого крыльца школы прапорщиков намерзала большая ледяная корка, которую в утренних сумерках разглядеть было невозможно. Валентин в первую секунду даже не понял, что произошло. Было ощущение, что будто кто-то, схватив его за щиколотки, резко дернул вверх. Мгновение, в которое Валентин, полностью перевернувшись в воздухе, упал почти на голову, больно ударившись об лед, он почему-то видел, как в замедленном фильме и вверх ногами. Догоняя его, три курсанта из других взводов, увидев, что произошло, начали тормозить ногами, раскинув в стороны руки. Один из них, уже скользя по льду, врезался в лежащего Валентина и кубарем перелетел через него, громко брякнув автоматом об асфальт. Валентин попытался встать, но правая нога предательски скользнув в сторону, вернула его в первоначальное положение. На корячках Валя пополз к сухому асфальту. Двое не упавших курсантов уже бежали обратно, в руках у них были четыре большие радиостанции. Подбежав, они подняли неудачников и, оставив каждому по

одной радиостанции, поспешили на плац. Подхватив свою и подняв далеко отлетевший автомат, Валентин поспешил за ними, заметно прихрамывая. Как ни удивительно, но школа в норматив уложилась.

– Что с тобой? – обернувшись на Валю, спросил Каляев.

– Ногу, кажется, подвернул, – двигая ступней, ответил тот.

– Какая нога? С лицом что? Кровь откуда?

Только сейчас Валентин почувствовал, что левая щека у него покрыта чем-то липким. Он провел ладонью по щеке, на ней осталась кровь. Ощупывая пальцами лицо, Валя обнаружил опухшую левую бровь, с которой по обеим, сторонам от глаза вниз текла кровь.

– Не знаю пока, кажется, бровь разбил, – ответил Валя, пытаясь вспомнить, когда это произошло.

– Потом посмотрим, – через плечо бросил ему друг.

– Молодцы! – услышал Валентин голос старшины. – Справа по одному в расположение бегом марш, – скомандовал он.

Валя пошел обратно в школу прапорщиков сдавать рацию. Правая нога в щиколотке при каждом шаге отдавала острой болью. «Как теперь бег сдавать, – грустно думал Валентин. – Была бы заморозка, которой командный врач замораживал ушибы и вывихи, полученные в хоккее, можно было попробовать добежать, а так, скорее всего, вариантов нет».

Проходя мимо спортзала, Валя обнаружил, что после падения он по инерции проехал по льду около семи – восьми метров, изрядно поцарапав его бляхой ремня и автоматом. «Со стороны, наверное, феерично смотрелся мой полет», – улыбнувшись, подумал он.

– Нормально ты приложился, – будто прочитав его мысли, смехом встретил Валентина куривший на крыльце прапорщик. – Я думал, ты вообще не встанешь. А ты молодец, ковыляешь еще. С мордой-то что? – спросил он, когда Валя поднялся на крыльцо под свет фонаря.

– Не знаю. В роту приду, посмотрю. А что, заметно? – спросил он прапорщика, ставя в угол тяжелую радиостанцию.

– Ну, ты даешь! Вся морда в крови, а он спрашивает, заметно или нет. Иди, умойся хоть! А то Мурзилка сейчас увидит, его сразу кондратий хватит.

«Мурзилкой» за глаза курсанты прозвали начальника полковой школы подполковника Зюляева. Прозвище прилепилось к офицеру за его гражданский наряд, в котором он приезжал на службу и возвращался домой. Будучи невысокого роста и склонным к полноте, подполковник носил светлый укороченный плащик и смешной черный беретик с петелькой посередине. Со стороны в этом наряде Зюляев выглядел как интеллигент-художник, но кто-то из курсантов ловко подметил, что он как две капли воды похож на мультяшного героя, корреспондента Мурзилку. С того дня прозвище навсегда приклеилось к подполковнику.

– А где можно умыться? – спросил Валя.

– Там, по коридору, в конце справа, – пропуская курсанта внутрь и докуривая сигарету, махнул в глубину помещения прапорщик.

В умывальнике, только взглянув в зеркало, Валентин ахнул. Вся левая часть лица была в крови, даже ворот гимнастерки со свежим подворотничком был перепачкан каплями крови. Левая бровь опухла и опасно нависла над уже полузакрытым глазом. «Сдал проверку курсант Матвеев», – мысленно поздравил себя Валентин. В надежде, что все не так плохо, он попробовал позакрывать правый глаз, как бы прицеливаясь левым, тут же опухшая бровь начала мелко трястись, и картинка в глазу дергалась и расплывалась. Смыв кровь и вытерев мокрое лицо рукавом бушлата, Валентин похромал в роту. Кому нужны его наизусть выученные инструкции и документы, если он ни бежать, ни стрелять не может, грустно рассуждал он. Конечно, младшего сержанта он получит, но проверку сдать на «отлично» уже не получится. Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

– Матвеев! Твою мать! Что это такое? – встретил Луговой курсанта на лестнице.

Валя молчал.

– Что с ногой, я тебя спрашиваю?

– Поскользнулся, – поднимая голову, ответил Валентин.

– Ты что, совсем охренел, воин! – заорал вдруг на всю лестницу старший лейтенант. –

Что ты мне пиздишь! Говори, с кем подрался!

– Я упал, честное слово, прапорщик видел, – начал оправдываться Валентин.

– Какой, твою мать, прапорщик, ты рожу свою видел? – продолжал буйствовать Луговой.

– Видел. Я упал, товарищ старший лейтенант.

– Оружие сдавай и в каптерку бегом! Я сейчас приду, – проходя мимо Валентина вниз по лестнице, грозно посмотрев на его лицо, процедил Луговой сквозь зубы. – Упал он. Хоть бы врать научился, щенок.

– Ты где ходишь, тебя потеряли уже все, – на входе в роту дожидался его Владимир.

– Рацию сдавал.

– Дай посмотрю, – задрал голову друга, Каляев принялся рассматривать разбитую бровь

Вали.

– Че там? – спросил, морщась, Валентин, когда Вовка пальцем надавил на бровь.

– Нормально все, дырка на пару швов, – со знанием дела ответил тот. – До дембеля заживет, – успокоил он друга.

«Сам знаю, что заживет, стрелять-то как», – подумал Валя.

– Пойдем порядок наводить, – отпуская голову товарища, развернувшись, позвал Владимир.

– Я думал, хуже будет, а тут только кость и кожа лопнула. Короче, фигня. Мне в каптерку надо, Луговой отправил.

– Ну держись, сейчас начнется: кто бил? кого бил? – остановился Каляев.

– Да уже спрашивал, – ответил Валя. – Сказал идти в каптерку ждать его.

– Держись, братан, – хлопнул по плечу друга Вовка.

– Разрешите войти, – постучав в дверь каптерки, спросил Валентин.

– Чего тебе? – оглянулся на него старшина.

– Луговой сказал здесь его подождать, – прикрывая за собой дверь, ответил Матвеев.

– Явление Христа народу! Ну-ка, подходи поближе! Что это с рожей? – усаживаясь по обыкновению на стол, произнес он.

Второй раз за утро и, скорее всего, не последний Валентин начал объяснять, как он упал возле спортзала. Все это время старшина, словно мяч, крутил его голову в разные стороны, разглядывая разбитую бровь.

– Левая бровь, значит, били правой, – задумчиво произнес он. – Это плохо, у нас практически все правши. Лучше бы ты под левшу попал, тогда бы сразу нашли, где ты упал, – вслух рассуждал он.

Валентин молчал, смысла объяснять не было никакого, все уже решили, что его кто-то побил.

– Ну что ж! – отпуская голову Валентина, произнес Филин. – Выбирай! Или сознаешься, кто тебя разукрасил, и идешь в наряд во вторую смену один раз за драку. Или не сознаешься и идешь в наряд во вторую смену до тех пор, пока не сознаешься. То есть надолго.

– Я упал, – тупо повторил Валя.

– Вот и договорились, – улыбнулся старшина и открыл журнал дежурств. Когда он вписывал фамилию курсанта уже в пятые или шестые сутки наряда, вошел Луговой.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, – немного привстав со стула, обозначая некоторое подобие субординации, поприветствовал старшина офицера. – Кремень просто ваш

боец, товарищ старший лейтенант, молчит как партизан на допросе. Ну ничего, походит во вторую смену, посмотрим, надолго ли его хватит, – радостно продолжил он.

– Отставить вторую смену, старшина! Он действительно у спортзала поскользнулся, там прапор до сих пор ржет, успокоиться не может. Говорит, что навернулся так, что чуть не насмерть разбиться должен был.

– Ну хоть один-то раз пусть сходит, – попытался поторговаться Филин.

– Куда он такой, с ногой и глазом? – поставил точку старший лейтенант. – Сапог снимай, – садясь на табуретку, сказал он Валентину.

Поморщившись, Валя стянул с ноги сапог, в лодыжке нога заметно распухла.

– Пальцами пошевели, – уставившись на ногу, попросил Луговой. Курсант послушно пошевелил и растопырил пальцы. – Вроде не перелом, как считаешь, старшина?

– Вроде нет, – пожав плечами, ответил тот. – Может, санинструктора позвать, – предложил он.

– Что он понимает, твой инструктор. У него от всех болезней «зеленка» и лейкопластырь.

Наступи на ногу.

Валя наступил.

– Больно?

– Нет.

– Пройдись, – продолжал старлей.

Сделав три шага, Валя остановился.

– Ну? – вопросительно взглянул на него Андрей Константинович.

– Терпимо, товарищ старший лейтенант. Точно не перелом.

– Бежать сможешь? – вставая с табурета, спросил офицер.

– Замотать бы чем-нибудь потуже, тогда смогу.

– Старшина, зови санинструктора, пусть бинт тащит.

– Я сейчас, – выходя из каптерки, сказал старлей.

Филин лично сходил за санинструктором.

– Вывих, – констатировал тот, мельком взглянув на ногу курсанта. – Я, когда на ветеринара учился, сто раз такое видел, то лошадь, то корова копыто вывернет, потом наступать на него не может, – заржал он. – Давай сюда свою культяпку, сейчас бинтовать буду.

– Потуже только, – попросил Валя.

– Любой каприз за ваши деньги, – веселился санинструктор, нечасто ему доводилось оказывать помощь раненому бойцу. – Готово! – отрапортовал он, затянув ногу бинтом.

Валя покрутил ступней, было больно, но терпимо, нога из-за повязки плохо шевелилась, но теперь можно было, не хромя, наступать на нее. «Может, и получится добежать», – подумал он.

– Ну что, боец сраный, получше? – услышал Матвеев за спиной голос старлея.

– Так точно, получше, – обидевшись, ответил Валентин.

– Ты же боец?

– Так точно.

– У тебя рана?

– Так точно.

– То есть ты боец с раной?

– Так точно.

– Вот я и говорю, сраный ты боец, – засмеявшись, каламбурил Луговой. – Что, поди думал от кросса откосить? «Я сегодня инвалид у меня нога болит», не выйдет, курсант, побежишь, как все, и только попробуй последним прибежать, – продолжал он радоваться.

«Сейчас тебе не до смеха будет», – зло подумал Валентин. Стоит тут, обзывается, стихоплет-любитель.

– Стрелять я как буду? – не скрывая обиды, спросил он у взводного.

– Как все, на «отлично», – еще не понимая, в чем подвох, улыбался Луговой.

– Отлично от всех я сегодня стрелять буду, – обнаглев от обиды, ответил Валентин.

В самом деле, специально он, что ли, ноги себе чуть не переломал. Как по несколько суток в карауле стоять, то, Матвеев, давай служи, больше некому. А как ногу вывихнул, то сразу сраный боец.

– Ты что себе позволяешь? – покраснев, Луговой уставился на курсанта. – Ты мне условия будешь ставить? Старшина! В наряд его во вторую смену!

– Есть! – радостно крикнул старшина.

– С завтрашнего дня на две недели. Устроил тут: буду не буду! Сегодня, как все, бегаешь и стреляешь, промажешь хоть раз, сгною в нарядах, – с перекошенным от гнева лицом хрипел старший лейтенант. – Я тут убиваюсь, людей из них делаю, ноги бинтую, стрелять учу.

Повисла пауза.

– Блядь! – выдохнул Андрей Константинович.

«Дошло наконец-то», – обрадовался Валентин испортившемуся настроению старлея.

– Он же левым глазом целится, старшина, – как бы ища помощи у Филина, проговорил Луговой.

– Прицелься! – в надежде скомандовал он курсанту.

Валентин зажмурил правый глаз, и тут же левая опухшая бровь начала мелко трястись.

– Блядь! – снова повторил взводный, судя по всему, настроение каламбурить пропало у него окончательно.

– Отставить вторую смену! – Старшина со злостью захлопнул журнал.

– Видишь что левым глазом?

– Все вижу, только когда прицеливаюсь, все расплывается, и дрожит.

– А правым?

– А правым не дрожит.

– Толку то, – задумавшись, произнес старший лейтенант. – Правым глазом ты слону в задницу не попадешь с двух метров. – Иди в роту занимайся по распорядку.

Стоявший у двери санинструктор сунул Валентину три упаковки бинта.

– Когда повязка ослабнет, новым перетянешь.

– Ну что? – Уставший ждать новостей, бросился к нему Вовка.

– Да нормально все, – пересказал все произошедшие с ним в каптерке Валентин.

– И что нормального? Ни бежать толком, ни стрелять, – не понимая, переспросил друг.

– Из двух зол выбирают меньшее? – философски заметил Матвеев. – В наряд-то не пойду, уже хорошо, а с «проверкой» видно будет.

После завтрака начали собираться на стрельбище. По плану «проверки» в этот день все действия сосредотачивались именно там. Стрелять должны были в составе взвода, одновременно. После этого в стометровом тире уже на количество выбитых очков лично, и в заключение – на поле личная стрельба по ростовым мишеням: две поднимающихся ростовые и один поднимающийся пулемет. До стрельбища шли пешком по короткой дороге. Валентин, оберегая вывихнутую ногу, внимательно смотрел на дорогу, стараясь обходить редкие коряги и камни. Каляев шел впереди и постоянно предупреждал его о препятствиях. Повязка немного ослабла и, подходя к стрельбищу, Валя начал прихрамывать. Стрельба в составе взвода лично каждому курсанту в зачет не шла и оценивалась только как общая оценка подразделения. За нее Валентин совсем не переживал. По правилам упражнения, взвод занимал свое место на огневом рубеже в специально подготовленном окопе с выложенными кирпичом ячейками для стрельбы. У каждого курсанта был свой сектор обстрела, при этом можно было помогать своим соседям справа и слева. После команды «к бою» на поле начинали подниматься и двигаться в хаотичном порядке мишени. Задача взвода заключалась в поражении максимального коли-

чества мишеней, ведя огонь из всего оружия одновременно. За поражение восьмидесяти и более процентов ставилась оценка «отлично». Все просто. Командиры взводов использовали небольшую хитрость при выполнении этого упражнения. Дело в том, что каждому курсанту положено было по пятнадцать патронов для обстрела своего сектора. Зная, кто во взводе стреляет отлично, а кто так себе, офицеры распределяли патроны таким образом, чтобы у отличников были полные магазины, а у кого-то по два или три патрона, так сказать, для участия. В конечном итоге количество патронов не изменялась, а результативность стрельбы повышалась. Или, как иногда шутил Луговой, «те же яйца, вид сбоку». Ожидаемо Валентину отсчитали три патрона. Спустились в окоп, зарядили оружие, появились первые мишени.

– Взвод, огонь! – прозвучала команда.

Со всех сторон началась такая пальба, что уши заложило сразу же. Валя заранее поставил переключатель огня на одиночный и, особо не целясь, нажал на спусковой крючок. Куда улетела первая пуля, было совершенно неинтересно, в этом упражнении его роль заключалась в создании видимости. Вслед за первой пулей полетела вторая, секунд через тридцать. Третью пулю в «белый свет как в копеечку» Валя отправил последним, чтобы проверяющие видели и слышали, что он тоже активно участвует в процессе. В результате взвод наколотил восемьдесят три процента и Луговой счастливо шурился как кот на сметану. Впрочем, радость его была недолгой. Стоило только Валентину вылезти из окопа и попасться на глаза взводного, как вся радость Андрея Константиновича улетучилась без следа. Следующее упражнение индивидуальная стрельба, там патроны другому не отдашь.

– Как глаз? – с надеждой спросил он Валентина.

– Также.

– Плохо! Значит, поступим так, – заговорщицки произнес он. – Вспоминай, как я тебе объяснял, какой глаз у тебя ведущий, а какой ведомый.

– Это про палец и сосну? – уточнил на всякий случай Валя.

– Да. Выйдешь на огневой рубеж, ложись, как все, автомат у правого плеча. Когда номер мишени тебе скажут, например, восьмая, то ты целишься правым глазом в девятую мишень. Понял меня, в девятую? Принцип понятен?

– Нет, – честно ответил курсант.

– Да что же ты в один день отупел сразу, надо будет тебя в больницу свозить, похоже, ты башку стряс основательно, – вздохнул Луговой. – Если честно, то я и сам не уверен, что получится, – начал объяснять он. – Чисто теоретически, когда ты целишься правым глазом, то забираешь немного левее, поэтому если попробовать целиться в соседнюю правую мишень, то попасть ты должен в левую. Понял теперь?

– Да, – ответил ошарашенный Валя.

– Конечно, надо было бы проверить эту теорию, но ты, идиот, именно в «проверку» околел неожиданно, – продолжил старлей. – С другой стороны, левым глазом ты сегодня даже в полную луну промажешь, а так хоть какой-то шанс есть.

Сказать, что Валентин был потрясен услышанным, значит ничего не сказать. Как можно, стреляя в правую мишень, попадать в левую – бред полный. Но в единственном Луговой был прав, это был шанс. Подошла очередь Валентина выдвигаться на огневой рубеж. Разместившись за упором как все, Валентин почувствовал себя неудобно, за два месяца, он уже привык стрелять с левой руки и теперь чувствовал себя не в своей тарелке.

– Матвеев, мишень номер четыре!

– Есть! – прокричал Валентин, прицеливаясь по пятой.

– Огонь! – прозвучала команда.

Совершенно не уверенный в результате, Валя на выдохе нажал на спуск. Желая, чтобы этот позор быстрее окончился, он быстрее обычного отстрелял оставшиеся два патрона, честно

целясь в пятую вместо четвертой мишени. Предоставив оружие к осмотру и поставив после на предохранитель, Валя встал на ноги.

– Товарищ капитан, разрешите мне к мишеням пройти? – услышал за спиной голос Лугового Вали.

– Что так? – спросил командир роты.

– Надоело на месте стоять, – слукавил Андрей Константинович.

Валентин готов был провалиться на месте, лишь бы не идти к мишеням. Он очень явственно представил, как командир роты начнет обзывать его бестолочью и дебилом. С опущенной головой Валентин брел по полю, не разглядывая, как обычно, издалека мишени, тем самым пытаясь оттянуть минуту своего позора. Ему было так стыдно, что он даже не замечал боль в правой ноге. Дойдя до мишеней, Валя встал перед своей и долго не мог заставить себя поднять взгляд. Только когда он увидел сапоги офицеров, шагнувшие в его сторону от левого курсанта, стрелявшего по третьей мишени, он, заранее красный от стыда, поднял глаза на мишень и онемел. На зеленом поле мишени отчетливо были видны три пробоины от пуль. Валя завертел головой на третью и пятую соседские мишени, там тоже были пробоины. «Как такое вообще может быть? Это сон. Нет, это точно сотрясение и то, что сейчас происходит, галлюцинация. Может быть, Валя сейчас лежит без сознания на льду у спортзала, и все происходящее не более чем плод его бредовой фантазии».

– Не слышу доклад! – возвращая Валентина в действительность, прозвучал вопрос командира роты.

– Курсант Матвеев, – медленно начал говорить Валя и замолчал, пытаясь в уме сосчитать количество выбитых очков. Восьмерка плюс еще одна восьмерка и на самом краю шестеркой семерка или все-таки шестерка, нет, точно семерка...

– Двадцать три, оценка «отлично», – так и не сумев сложить цифры, услышал он за спиной голос Лугового. – Молодец. – Совершенно буднично произнес командир роты и шагнул к следующей мишени. Валентин повернулся к Андрею Константиновичу.

– Я попал! – до сих пор не веря в свое счастье: – Я попал, товарищ старший лейтенант!

– Тихо, дура. Не ори, – одернул его Луговой. – Посмотрел бы я на тебя, куда бы ты без меня попал, – шепотом произнес он.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, спасибо, – горячо зашептал в ответ Валентин.

– Кругом! На огневой рубеж бегом марш! – прервала их команда ротного.

– Ну? – смотрел на Валентина Володя.

– Двадцать три, «отлично».

– Как? – не поверил друг.

– Сам обалдел, потом расскажу, – вернувшись на огневой рубеж, радостно пообещал Валентин в спину уходящего к упорам Каляева. Вовка тоже отстрелялся на «отлично». На последнем упражнении нужно было на время стрелять по поднимающимся мишеням, для этого выдавали двенадцать патронов. В идеале необходимо было тремя короткими очередями, по два патрона каждая, поразить соответственно три мишени. Таким образом, оставалось еще шесть патронов, которые сдавались старшине. Но оценку «отлично» ставили не за сэкономленные патроны, а за попадание в цель. Несмотря на двадцать три очка, выбитых в тире, Валентин до сих пор не верил в то, что по поднимающимся на короткое время мишеням он сможет попасть. Одно дело в тире, когда нужно просто спокойно целиться в соседнюю мишень, и другое – на голом поле, где он будет стрелять просто вправо от цели, как говорится, «по воробьям». Окрыленный результатом стрельбы в тире, Валентин сам подошел к Луговому.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться.

– Разрешаю.

– А мне сейчас насколько правее прицеливаться, чтобы попасть?

– Приблизительно на одну фигуру. У тебя как с воображением? Сможешь? – спросил в свою очередь он.

– Наверное, смогу, – ответил Валя. И немного помолчав, добавил: – По «ростовым» точно смогу.

– А «пулемет»? Что, «пулемет» не сможешь представить? – удивленно посмотрел на него старлей.

– Представить смогу, даже попасть, скорее всего, смогу. Но...

– Что опять? – раздраженно спросил командир взвода. Этот курсант начал немного доставать его своими проблемами.

– Разрешите, меня Каляев немного подстрахует?

– Как это? – переспросил взводный.

– Он точно отстреляется на «отлично», и патроны останутся, – торопливо начал объяснять Валентин. – Так вот, когда «пулемет» появится, я по нему выстрелю, если не попаду, то Каляев его положит за меня, я с ним договорюсь. Вы только нас в одну смену стрелять поставьте.

– А ты не обурел, воин! – глядя в глаза курсанту, грозно спросил старший лейтенант. – Тут тебе что, детский сад, с воспитателями договариваться? Перед тобой стоит офицер, а ты ему что предлагаешь? Да знаешь, что я могу с тобой сделать?

– Так точно, знаю, – быстро ответил Валентин, осознавая свою ошибку.

– Пошел вон отсюда! – рявкнул, Луговой.

– Что он разорался? – спросил Каляев.

Погрустневший Валя пересказал разговор, заодно, выполнив обещание, поведал другу секрет успешной стрельбы в тире.

– Так-то, осел ты, братан! – выслушав друга, сделал вывод Владимир. – Ты бы ему еще выпить предложил по случаю стрельбы на «отлично» вслепую, – продолжил он. – Он тебе не брат, не сват! Ты что, совсем головой не думаешь! Вон посмотри, он уже с Макеевым обсуждает, в какую смену ты сегодня в наряд пойдешь.

Валя обернулся и увидел, что Луговой с Макеевым о чем-то полушепотом переговаривались, глядя на него.

– Ладно, проехали, – остановил его Валя, жалея о своей необоснованной наглости, – затупил, бывает.

Продолжать развитие позорной темы ему не хотелось.

– Третья смена, на огневой рубеж бегом марш! Приготовиться четвертой смене: Копылов, Семенов, Матвеев, Каляев, – услышали они свои фамилии.

Друзья переглянулись.

– Похоже, не совсем осел, – улыбнувшись, сказал Валя.

– Значит так, перехватил инициативу Вовка, – по «пулемету» совсем не стреляй. Все патроны на «ростовые», с твоим косоглазием с ними бы не облажаться. Я твой «пулемет» положу сам, а ты остальные постарайся. Патроны не желей, двенадцать штук на две мишени за уши хватит, – скороговоркой давал указания Каляев.

– Четвертая смена, на огневой рубеж бегом марш! Приготовиться, пятая!

Расположившись за упором, Валентин начал искать глазами хоть какой-нибудь ориентир справа от того места, где должна была подняться первая мишень. Ни кустов, ни бугорков в том районе не было. «Будь что будет», – отчаянно подумал он и, увидев первую мишень, прицелился на полметра правее нее. «Двадцать два», – мысленно проговорил Валентин, удерживая спусковой крючок. Первая очередь из двух патронов, не долетев до мишени, взбила два фонтанчика земли прямо у ее основания. Значит, прицелился он правильно, только надо чуть-чуть выше. Вторая очередь положила мишень. Посредине поля появился «пулемет». Не успев до конца подняться, мишень «пулемета» начала опускаться обратно. Валя перевел взгляд

на «пулемет» Каляева. Его мишень стояла не шелохнувшись. «Получается, что Вовка сначала положил Валину мишень, практически влет, а свою оставил на потом». Короткая очередь Каляевского автомата установила равный счет, положив вторую мишень. По третьей мишени, появившейся в самом конце поля, Валентину пришлось стрелять трижды. Первая очередь пролетела далеко справа, второй очередью Валентин взрыхлил землю слева от мишени, только третья очередь достигла цели и то, как показалось Вале, самым краем едва задев ее. Обернувшись, Валентин посмотрел на вышку, где висело табло, на котором загорались лампочки, если цель поражена. Напротив его и Вовкиного направления горели все три лампочки. Валентин устало выдохнул и положил голову на автомат.

Взвод Лугового отстрелялся на «отлично», но это не спасло от шестикилометрового кросса по дальней дороге. Во время «проверки» это было обязательным условием и, мало того, бежали на время. Каляев помог Вале перемотать разболтавшийся бинт на больной ноге. И даже предложил взять у него автомат, чтобы бежать было легче, но друг отказался. Перед самым стартом старший лейтенант отозвал Матвеева в сторону.

– Вбей себе в мозг и запомни раз и навсегда: в армии существует субординация, – медленно и грозно начал он. – Все решения здесь принимают командиры, твое дело – тупо их выполнять! Понял?

– Так точно, – опустив голову, ответил Валентин.

– Еще раз только позволишь себе подобное, – намекая курсанту про авантюру со стрельбой, – вылетишь и из школы и из полка. Тебе понятно?

– Так точно.

– Раз понятно, возвращайся в строй.

Валентин, немного помешкав, произнес:

– Спасибо, товарищ старший лейтенант.

– Не за что, – ответил Луговой, направляясь в голову колонны.

Последние два километра Валентин бежал практически на честном слове. Бинт на ноге или порвался, или разболтался, так что совсем не держал поврежденную лодыжку. Сначала появилась знакомая острая боль при каждом шаге, потом нога просто онемела, и, опускаясь на нее во время бега, Валентин чувствовал тупой удар по всему телу, как будто вместо ноги у него была деревяшка. Каляев несколько раз пытался забрать у друга автомат, но Валентин каждый раз отказывался. Вовка попытался сделать это силой, но друг так отправил его «по матери», что он прекратил свои попытки. Перебежав ворота части, которые символизировали собой финишную черту, Валентин просто упал, встать на вывернутую ногу он уже не мог.

– Кто-нибудь! Дотащите его до роты и заберите у него автомат наконец-то! – распорядился Луговой. – Остальные в колонну по четыре становись! Заправиться! Шагом! Марш! – повел он свой взвод на плац.

Макеев, подхватив Валин автомат, замкнул уходящую колонну. Помогать Валентину остались Каляев и хитрый Семенов.

– Уф-ф-ф, – выдохнул Семенов. – Наконец-то, – тяжело дыша, проговорил он. – Ты сам-то ковылять можешь? – надеясь, что Валя схитрил про большую ногу, спросил он.

– Если только на руках, – попытался пошутить Валентин.

– И че, прикажешь тебя на себе тащить? – намекая, что он этого делать не собирается, дерзко спросил Виталий.

– А ты че остался? – по обыкновению в лоб задал ему вопрос Каляев.

– Так я думал, косит, он вот и остался, – кивнув на сидящего на траве Валентина, ответил Виталий. – Сейчас все физподготовку сдавать будут, что я, дурак, добровольно на турник лезть?

– Пошел на ...! – спокойно и от того очень грозно послал его Каляев. – Сами разберемся, без помощников.

– Ты это кого послал, – подскочил к Вовке Семенов. Вместо ответа одним ударом под дых и вторым в челюсть Каляев уложил Семенова на травку рядом с Валентином. Сев на него сверху и замахнувшись правой рукой, левой он схватил Виталия за горло. Глядя в его красное лицо, Володя медленно, почти по слогам прошептал:

– Завалю, сука. Мышь позорная. Если я сказал, пошел на ..., значит, ты пошел на ...

Виталий пытался что-то хрипеть, но Каляев только сильнее сдавил его горло.

– Ты понял меня? – Наклонившись к самому носу Семенова, неожиданно громко крикнул Володя. Семенов в ответ дернулся, всем телом пытаясь освободиться. – Ты меня понял, спрашиваю? – снова закричал Вовка и начал на каждое слово бить Виталия затылком об землю. – Не слышу! Ты понял меня? Отвечай тварь!

– Ты его задушишь! – испугался Валентин за друга. – Брось его!

– Не слышу! – продолжал Вова выбивать ответ.

– Горло ему отпусти, говорю, – попытался Валя дотянуться до друга.

Семенов захрипел сильнее, и Каляев слегка разжал пальцы на его горле.

– Понял я. Понял, – закашливаясь, быстро залепетал Виталий.

– Еще хоть раз слово поперек услышу, завалю тебя, суку! – опираясь на грудь Семенова, вставая, сказал Владимир. – Пошел на ... – повторил он свою просьбу, отряхываясь. Виталий молча собрал свои вещи, подобрал автомат и, не оглядываясь, пошел в сторону плаца.

– Зря ты так, сейчас Макееву настучит, – хватаясь за протянутую руку друга, сказал Валентин.

– Пусть стучит, – спокойно ответил Вовка. – Я его ночью табуретом по башке грохну, на всю жизнь инвалидом останется, – также спокойно продолжил он.

Валентина передернуло. Тон, каким Каляев произнес эту фразу, был настолько обыденный и от этого угрожающий, что Валя отчетливо представил лежавшего с пробитой головой Семенова.

– С такими по-другому нельзя, они только силу понимают, – продолжил Вова. – Одному – двум голову проломишь, – как бы между делом и совершенно равнодушно продолжал он, – другие сговорчивее будут.

– Кто другие? – спросил Валя, обхватывая друга рукой за плечо.

– Просто другие, и все. Пошли уже, а то мы тут до вечера проторчим, – переменял он тему.

Прыгая на одной ноге и опираясь на плечо друга, Валентин задумался. Как вообще может быть такое? В одной стране, в одинаковых школах и садиках воспитываются одинаково дети. Но из одних вырастают честные и справедливые, готовые помочь ближнему, люди, а из других вырастают такие вот Семеновы. Неужели, все эти разговоры о дружбе и взаимопонимании только лишь разговоры? Получается, что своя рубаха ближе к телу, это правило жизни таких людей. Тогда зачем все это, зачем Вовка тащит его на себе, готовый, если понадобится, взять его на руки. Или он тоже преследует какую-то цель. Как в этом, в принципе, небогатырского телосложения человеку могут ужиться одинаково огромные полностью противоположные чувства дружбы и ненависти? Дружбы к нему, простому сослуживцу, и ненависти к глупости и трусости Виталия. Наверное потому, что оба эти чувства существуют одновременно в обществе, именуемом государством. По сути своей, что такое государство, это группа людей, согласившаяся в силу своих убеждений или по каким-то другим причинам жить на одной территории и подчиняться одним правилам. Если это так, то конфликтов в таком обществе быть не должно. Все другие люди, не согласные с ними, живут в другом месте по своим порядкам. Все эти группы в принципе не должны пересекаться, поэтому их разделяют границы. В какой момент в людях просыпается «Семенов», и они перестают быть добропорядочными и становятся алчными и злыми, теми, кто старается жить за счет других, паразитами, одним словом. Зачем они мешают тем, кто живет не по их правилам, стараясь силой, обманом,

хитростью навязать свои гнусные, не свойственные нормальному человеку «ценности»: жадность, трусость и подлость. Почему они перестают понимать человеческий язык и нормальное отношение. Зачем сейчас в стране воюют в Нагорном Карабахе и Баку? Рассуждая об этом, Валентин вдруг понял, почему внешне большой и сильный Семенов оказался побит и унижен щуплым Каляевым. Да потому, что на стороне Владимира была правда и за спиной не способный защитить себя друг. А за Семеновым ничего не было, кроме его трусливого желания не сдавать физподготовку. Правда и ответственность за ближнего своего оказались той силой, которая победила мелкое, трухлявое содержимое внешне здорового, но прогнившего насквозь Семенова. В голове у Валентина наконец-то сложилась картинка. Для того чтобы быть сильным, нужно знать свою правду. Именно свою, не соседа, не иностранца, а именно свою. Каляев знал правду, и поэтому был сильный. А правда его была самая простая – нельзя бросать человека в беде. Такие, как он, в годы войны выносили из окружения раненых товарищей, а такие, как Семенов, закапывали оружие, не ломали, чтобы врагу не досталось, а именно закапывали, чтобы при случае выкопать и использовать, убив и ограбив соседа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.